This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

PRUGAVIN
RELIG. OTSHCHEPENTSY
2-a

А. С. Пругавинъ

РЕЛИГІОЗНЫЕ ОТЩЕПЕНЦЫ

168/888

(ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО СЕКТАНТСТВА).

Выпускъ первый.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза"
Вас. Островъ, 2 лин., 29.
1904.

29-2

Издательство и книжный магазинъ Т-ва „Общественная Польза“
СПБ. Большая Подъяческая, 39.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА.
Съ біографіей, автографомъ и 3 портретами.

Въ 8 томахъ. Цѣна по подпискѣ 12 р., въ переплетѣ 18 р. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится задатокъ въ 2 р. и при полученіи каждаго тома уплачивается по 1 р. 25 к. (безъ расходовъ по пересылкѣ). Желающіе выписывать изданіе въ переплетахъ приплачиваютъ по 75 к. за томъ безъ пересылки.

Проф. Г. Гоффдингъ.
ФИЛОСОФІЯ РЕЛИГІИ.
Переводъ съ нѣмецк. В. Базаровъ и И. Степановъ. Ц. 1 р. 50 к.

И. ИВАНЮКОВЪ.
ПАДЕНІЕ КРѢПОСТНОГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.
2-е изд. Цѣна 2 р. 50 к.

Проф. ЕЛЛИНЕКЪ.
ПРАВО СОВРЕМЕННАГО ГОСУДАРСТВА.
Общее ученіе о государствѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. М. Гессена и В. Л. Шалланда.
Цѣна 3 руб.

А. ЛОРІА.
СОЦІОЛОГІЯ
Переводъ подъ редакціей Ю. Д. Филиппова. Цѣна 60 к.

АЛОИЗЪ РИЛЬ.
ВВЕДЕНІЕ ВЪ СОВРЕМЕННУЮ ФИЛОСОФІЮ.
Перев. С. Штейнберга. Ц. 80 коп.

С. М. СОЛОВЬЕВЪ.
ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ
Цѣна 60 коп.

Книжный магазинъ Т-ва „Общественная Польза“ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ, немедленно по полученіи заказа.
СПБ., Б. Подъяческая, 39, с. д.

Slav 3035.239.5 [1]

72 *2

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 18 1972

А. С. Пругавинъ

РЕЛИГІОЗНЫЕ ОТЩЕПЕНЦЫ

(ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО СЕКТАНТСТВА).

Выпускъ первый.

СОДЕРЖАНІЕ:

Сютаевцы.
Апостолъ Зосима.
Еретики.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія Товарищества „Общественная Польза".
Бол. Подъяческая, 39.
1904.

BX599
.P72

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Спб. 18 Марта 1903 года.

Цензоръ Іеромонахъ *Александръ*.

Вмѣсто предисловія.

Всѣмъ извѣстно, какою тяжкою болѣзнью нашей церковной жизни являются разнаго рода секты... Для уврачеванія тѣлесной болѣзни крайне необходимъ предварительный діагнозъ ея. Точно также и при борьбѣ съ церковно-религіозными недугами полезенъ возможно тщательный анализъ оныхъ. Въ этихъ цѣляхъ и предлагаются вниманію читателей наблюденія надъ нѣкоторыми изъ нашихъ сектъ.

Оглавленіе.

1. Сютаевцы.

стр.

I. Газетныя извѣстія 3
II. На пути къ сектантамъ. 7
III. О чемъ говорятъ въ деревнѣ. 23
IV. У батюшки. 34
V. Первыя знакомства. 48
VI. Сютаевское евангеліе. 60
VII. Проповѣдники любви, мира и братства . 82
VIII. Деревня Шевелино. 94
IX. Въ семьѣ Сютаева. 98
X. Теорія о добрыхъ и злыхъ властяхъ . . 107
XI. Исканія правильной вѣры 118
XII. „Пропаганта" 133

2. Апостолъ Зосима.

I. Разсказъ слѣдователя 147
II. „Законъ Христовъ" 154
III. Что его ждетъ? 163

3. Еретики.

I. Въ монастырѣ 175
II. Соловецкая тюрьма 185
III. Больной или преступникъ? 195
Эпилогъ 210

Сютаевцы.

СЮТАЕВЦЫ.

I.

Газетныя извѣстія.

Въ 1880 году газетами, со словъ «Тверского Вѣстника», было передано извѣстіе о появленіи въ Новоторжскомъ уѣздѣ новой религіозной секты, названной «сютаевскою» по имени основателя ея, крестьянина деревни Шевелина, Василья Кириллова Сютаева.

Извѣстіе это сразу обратило на себя вниманіе всѣхъ интересующихся движеніями народной мысли, такъ какъ новая секта, судя по сообщенію мѣстной газеты, захватывала не одну только религіозную сторону, но въ то же время представляла весьма значительный интересъ и въ чисто-бытовомъ, соціальномъ отношеніи.

Въ области религіи новые сектанты, по сообщенію «Тверскаго Вѣстника», являются раціоналистами: они отрицаютъ церкви, иконы, таинства, не

признаютъ православныхъ обрядовъ, священниковъ и т. д. Въ бытовомъ же отношеніи наиболѣе характерными чертами ученія сютаевцевъ представляются ихъ взгляды на собственность, на войны, а также ихъ отношеніе къ другимъ народностямъ и вѣроисповѣданіямъ.

Усвоивъ себѣ евангельскую точку зрѣнія на собственность, сютаевцы говорятъ: «у человѣка нѣтъ ничего своего, а все Божіе, все создано Богомъ для всѣхъ вообще». Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, они не запираютъ даже своего имущества и всякій имѣетъ право взять, что пожелаетъ, не спрашивая позволенія того, кому это принадлежитъ; они не отказываютъ ближнему въ помощи, требуя только того же по отношенію и къ себѣ.

Всѣхъ людей сютаевцы признаютъ братьями: турокъ, язычникъ—для нихъ также братъ. Война, по ихъ мнѣнію, величайшая несправедливость, грѣхъ противъ заповѣди «не убей».

На-ряду съ этими, хотя и краткими, но все-таки вполнѣ правдоподобными, свѣдѣніями въ статьѣ мѣстной газеты приводились относительно новой секты такія данныя, которыя невольно заставляли усомниться въ справедливости сообщаемыхъ ею фактовъ. Такъ, между прочимъ, сообщалось, что послѣдователи новой секты отрицаютъ будто бы Евангеліе и что единственныя книги, которыя они читаютъ и которымъ они вѣрятъ, это—книги Тихона Задонскаго и Катехизисъ митрополита Филарета. Между тѣмъ въ этой же самой статьѣ говорится, что «сютаевцы стараются уложить свою жизнь въ нравственныя рамки Св. Евангелія» и что они почти наизусть знаютъ переведенное на русскій языкъ Евангеліе, постоянно цитируютъ его и толкуютъ. Такое рѣзкое, грубое противорѣчіе не могло не по-

ражать читателя и невольно заставляло каждаго съ недовѣріемъ отнестись и къ остальнымъ частямъ сообщенія.

Спустя два-три мѣсяца послѣ появленія въ печати статьи «Тверского Вѣстника», въ одной изъ петербургскихъ газетъ («Молва» № 245) была помѣщена корреспонденція изъ Торжка, въ которой сообщено было нѣсколько новыхъ фактовъ о жизни и ученіи сютаевцевъ. Именно сообщалось тамъ, что въ 1876 году, по доносу мѣстнаго священника, возникло дѣло по обвиненію сектанта крестьянина Василья Сютаева въ томъ, что онъ отказывается крестить своего внука. На допросѣ Сютаевъ показалъ, что не креститъ внука потому, что въ Писаніи сказано: «Покайтесь и пусть крестится каждый изъ васъ», а ребенокъ каяться еще не можетъ.

Окружный судъ, въ который поступило дѣло, нашелъ, что Сютаевъ не подлежитъ уголовной отвѣтственности (по 1004 ст. уст. угол. суд.), а только назиданію и увѣщанію со стороны духовнаго начальства. Но въ 1877 году тотъ же мѣстный священникъ дѣлаетъ новый доносъ полиціи, въ которомъ пишетъ, что Сютаевъ распространяетъ свою ересь, и что секта эта—«не евангелисты, а соціалисты», которые не признаютъ властей.

Началось новое слѣдствіе, при чемъ оказалось, что семья Сютаева прежде была дурного поведенія и пьянствовала, а теперь направилась къ добру, что въ домѣ у него и другихъ службахъ нѣтъ никакихъ запоровъ, а имущество остается въ сохранности и сосѣди уважаютъ его за то, что онъ старается помочь каждому бѣдному. Одинъ изъ послѣдователей Сютаева, отставной солдатъ К. *), разсказывалъ о

*) Здѣсь, очевидно, ошибка: солдата, о которомъ идетъ рѣчь въ корреспонденціи, зовутъ Сергѣемъ Матвѣевымъ Луневымъ.

себѣ, что прежде былъ онъ торговцемъ-кулакомъ, при чемъ не считалъ грѣхомъ обвѣсить и обмануть покупателей; но, какъ только изъ чтенія Евангелія позналъ Бога и истину, бросилъ торговлю и занялся хлѣбопашествомъ, въ которомъ нѣтъ грѣха. «Въ расколъ его никто не совращалъ, но по случаю отказа священника крестить младенца самъ крестилъ его, а послѣ такого же отказа въ похоронахъ самъ похоронилъ свое дитя. Отъ церкви отсталъ потому, что тамъ—стяжаніе, а не любовь».

Вотъ и все, что появилось до сихъ поръ въ печати относительно новой секты. Но какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе они вполнѣ достаточны для того, чтобы заинтересовать новою сектой каждаго, кого только занимаютъ вопросы о томъ, что всего болѣе волнуетъ и мучитъ современную намъ народную мысль, о чемъ страдаетъ, о чемъ болѣетъ народное чувство въ переживаемую нами тяжелую, трудную пору...

II.

На пути къ сектантамъ.

16-го мая я пріѣхалъ въ Тверь. Здѣсь первый визитъ—къ извѣстному знатоку мѣстныхъ условій края, В. И. Покровскому. Съ самою любезною готовностью сообщилъ онъ мнѣ всѣ, имѣвшіяся въ его распоряженіи, свѣдѣнія и данныя о мѣстности, гдѣ возникла новая секта, и о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ живетъ тамошнее населеніе *).

По отношенію къ сютаевцамъ меня прежде всего интересовалъ вопросъ о томъ, насколько было самостоятельно возникновеніе новой секты и не имѣли ли при этомъ мѣсто какія-нибудь постороннія, случайныя вліянія, а также не играли ли при этомъ какой-нибудь роли существующіе въ краѣ разные раскольничьи ученія и толки. О послѣднихъ я думалъ найти хотя какія-нибудь свѣдѣнія и указанія въ «Трудахъ» мѣстнаго статистическаго комитета, но, къ сожалѣнію, совершенно ошибся въ своихъ раз-

*) Считаю при этомъ своимъ нравственнымъ долгомъ гласно выразить признательность за оказанное мнѣ содѣйствіе въ моихъ изслѣдованіяхъ г. губернатору Аѳан. Ник. Сомову, В. И. Покровскому, В. Н. Линде и барону фонъ-Мирбахъ.

счетахъ, такъ какъ въ изданіяхъ комитета не нашлось рѣшительно никакихъ данныхъ по этому вопросу, за исключеніемъ обычныхъ вѣдомостей о числѣ раскольниковъ. Тверской статистическій комитетъ, руководимый г. Покровскимъ, сдѣлалъ весьма много для серьезной разработки вопросовъ, относящихся до экономическаго положенія края и отчасти его исторіи, но до сихъ поръ оставлялъ въ сторонѣ изслѣдованіе мѣстнаго раскола.

Производившій слѣдствіе о сютаевской сектѣ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, г. Губченко, въ разговорѣ съ нами, высказалъ предположеніе о возможности вліянія штундистовъ и пашковцевъ на возникновеніе новой секты.

«Жители деревни Шевелина, — говорилъ г. Губченко, — по ремеслу каменщики; ежегодно они уходятъ на заработки въ разные концы Россіи, между прочимъ бываютъ и въ Кіевѣ, а, бывая тамъ, они легко могли встрѣтиться со штундистами и заимствовать отъ нихъ главныя основанія ихъ ученія... Затѣмъ они бываютъ въ Петербургѣ, знаютъ о Пашковѣ... Пашковцы не разъ присылали въ Тверь разныя книжки для передачи сютаевцамъ».

Изъ всего, что говорилъ мнѣ г. Губченко о новыхъ сектантахъ, было ясно, что у него сохранилось доброе, хорошее воспоминаніе о Сютаевѣ и его ближайшихъ послѣдователяхъ. Все, что онъ разсказывалъ мнѣ о жизни этихъ людей, — все это рисовало ихъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Мнѣ казалось даже, что онъ черезчуръ увлекался и замѣтно идеализировалъ сютаевцевъ. Передаю кое-что изъ его разсказовъ.

— Во время своихъ пріѣздовъ въ Торжокъ, я обыкновенно останавливался у одной мѣщанки, шапошницы (бѣдная, пожилая баба, которая живетъ

шитьемъ шапокъ). Какъ то разъ она, въ присутствіи Сютаева, пожаловалась на свое одиночество, на бѣдность, на то, что у ней нѣтъ никого, кто бы помогъ ей... «Вотъ теперь крыша течетъ, поправить надо, а тесу нѣтъ и купить не на что». Въ первый же базарный день послѣ этого разговора у ея воротъ останавливается возъ съ тесомъ: это Сютаевъ привезъ, сложилъ доски во дворѣ и, не говоря ни слова, уѣхалъ домой. Хозяйка въ недоумѣніи... Встрѣчаетъ она какъ-то Сютаева и говоритъ ему: «Чего это ты тесъ-то привезъ? Нешто я тебя просила? У меня денегъ нѣтъ тебѣ платить».—«А зачѣмъ мнѣ деньги?—говоритъ тотъ.—Мнѣ денегъ не нужно, для меня ихъ хоть во вѣкъ не будь».—«Да какъ же безъ денегъ-то? Чѣмъ я заплачу тебѣ? Вѣдь не даромъ же ты привезъ мнѣ свой лѣсъ».—«Зачѣмъ даромъ... Когда мнѣ шапка понадобится, ты мнѣ шапку сдѣлаешь, вѣдь ты—мастерица на это... Вотъ тебѣ и плата!»

— Сютаевъ не запираетъ своихъ амбаровъ: и днемъ, и ночью у него все открыто. Этимъ воспользовались сосѣдніе мужики, пріѣхали тихонько на нѣсколькихъ подводахъ, вошли въ амбаръ и давай нагружать телѣги мѣшками съ хлѣбомъ. Живо весь амбаръ очистили, и хотѣли уже ѣхать, но вдругъ откуда ни возьмись Сютаевъ.

— Что-жъ онъ?

— Онъ входитъ въ амбаръ, а тамъ всего-на-все одинъ мѣшокъ лежитъ, беретъ этотъ мѣшокъ на спину, выноситъ изъ амбара и кладетъ на телѣгу.—«Коли вамъ нужда, берите, Богъ съ вами!»—Мужики взяли, уѣхали, а на другой день снова пріѣхали, привезли хлѣбъ обратно, говорятъ: «мы раздумали», и Христомъ-Богомъ просили Сютаева принять отъ нихъ назадъ его хлѣбъ.

— А какихъ лѣтъ Сютаевъ?

— Вѣроятно, около 55 лѣтъ, но онъ хорошо сохранился и выглядитъ моложе.

— Большая семья у него?

— Да, у него нѣсколько сыновей и дочь, красавица въ полномъ смыслѣ этого слова. Сыновья женаты, имѣютъ дѣтей. Одинъ изъ нихъ, Дмитрій, самый упорный изъ всѣхъ; это, можно сказать, фанатикъ до мозга костей.

— Есть ли послѣдователи у Сютаева?

— О, конечно, и число ихъ постоянно растетъ. Я не могу опредѣлить вполнѣ точной цифры его послѣдователей, но думаю, что теперь ихъ не менѣе тысячи человѣкъ.

Въ числѣ свѣдѣній, полученныхъ мною въ Твери, были между прочимъ и офиціальныя данныя о числѣ сектантовъ Тверской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ «раскольники разныхъ сектъ» слѣдующимъ образомъ распредѣляются по городамъ и уѣздамъ Тверской губерніи:

Въ городѣ Корчевѣ—2 чел. (1 муж. и 1 жен.), заштатномъ г. Красномъ-Холмѣ—32 чел. (7 муж. и 25 жен.), Твери—44 чел. (21 муж. и 23 жен.), Весьегонскѣ—44 чел. (13 муж. и 31 жен.), Вышнемъ-Волочкѣ—56 чел. (26 муж. и 30 жен.), Кашинѣ - 56 чел. (7 муж. и 49 жен.), посадѣ Погорѣлое-Городище—81 чел. (30 муж. и 51 жен.), Торжкѣ—737 чел. (310 муж. и 427 жен.), Ржевѣ - 13.159 чел. (6.259 муж. и 6.900 жен.).

Въ остальныхъ городахъ нѣтъ ни одного «раскольника»,—такъ по крайней мѣрѣ стараются увѣрить насъ офиціальныя данныя... А вотъ распредѣленіе сектантовъ по уѣздамъ:

Въ Осташковскомъ уѣздѣ—1 чел. (какая, подумаешь, точность!), Старицкомъ—59 чел. (30 муж.

и 29 жен.), Тверскомъ—68 чел. (32 муж. и 36 жен.), Кашинскомъ—128 чел. (30 муж. и 98 жен.), Зубцовскомъ—161 чел. (63 муж. и 98 жен.), Бѣжецкомъ 190 чел. (42 муж. и 148 жен.), Корчевскомъ—234 чел. (74 муж. и 160 жен.), Ржевскомъ—342 чел. (158 муж. и 184 жен.), Вышневолоцкомъ—583 чел. (245 муж. и 338 жен.), Калязинскомъ—677 чел. (235 муж. и 442 жен.), Новоторжскомъ—775 чел. (330 муж. и 445 жен.), Весьегонскомъ—1234 чел. (277 муж. и 957 жен.).

Кромѣ раскольниковъ въ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ значатся еще единовѣрцы: въ Твери—277 чел., въ Ржевѣ—905 чел. и въ Торжкѣ—2194 человѣка. Въ уѣздахъ единовѣрцевъ нѣтъ. Свѣдѣнія эти заимствованы мною изъ данныхъ тверского губернскаго статистическаго комитета; но самъ комитетъ не производитъ счисленій раскольниковъ,—онъ получаетъ эти свѣдѣнія готовыми отъ мѣстной духовной консисторіи, которая, въ свою очередь, основывается на донесеніяхъ благочинныхъ, а эти послѣдніе на донесеніяхъ приходскихъ священниковъ. Добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія входятъ и во всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ и доставляются въ синодъ и во всѣ высшія правительственныя инстанціи.

Когда я потомъ въ уѣздахъ показывалъ эти свѣдѣнія исправникамъ, становымъ, земцамъ и другимъ обывателямъ,—всѣ они въ одинъ голосъ смѣялись надъ этою статистикой.

— Семьсотъ семьдесятъ пять человѣкъ раскольниковъ во всемъ уѣздѣ,—говорили они.—Помилуйте! Да у насъ въ одномъ селѣ Б. вдвое больше раскольниковъ.

Получивши необходимыя предварительныя свѣ-

дѣнія и сдѣлавши нѣкоторые офиціальные визиты, я выѣхалъ въ Торжокъ.

Моими сосѣдями по вагону оказались какіе-то— не то мелкіе провинціальные купцы, не то богатые торгующіе крестьяне. Они, очевидно, продолжали прерванный разговоръ.

— Недавно здѣсь по близости,—разсказывалъ одинъ изъ нихъ,—въ селѣ Ильинскомъ какой случай былъ. Приходитъ мужикъ къ священнику и проситъ повѣнчать.

«Десять рублей!»—Начинаютъ торговаться.— «Ну, такъ и быть, говоритъ, возьму пять, а меньше— ни копѣйки». Мужикъ даетъ три,—бѣдный мужиченко, бобыль,—но попъ не соглашается. Долго онъ водилъ мужика; тотъ не сдается, не прибавляетъ,— извѣстно, не изъ чего прибавить-то: самъ голъ какъ соколъ. Ну, хорошо, проходитъ этакъ съ недѣлю времени. Видитъ попъ, что мужикъ не въ силахъ дать больше трешницы, соглашается вѣнчать. Ладно, хорошо; начинаетъ вѣнчать. Обвелъ разъ вокругъ налоя и довольно. Женихъ и говоритъ: «Батюшка, кажись, вѣдь три раза кругомъ-то обводятъ, а не одинъ». — «Это за три-то рубля, говоритъ, три раза?.. Нѣтъ, братъ, шалишь, довольно съ тебя и одного». Видитъ опять женихъ, что попъ вѣнцовъ не возлагаетъ, и говоритъ: «Батюшка, какъ же это вы безъ вѣнцовъ-то насъ вѣнчаете?»—«Это за три-то рубля, говоритъ, съ вѣнцами? Шалишь, братъ,— хорошо и такъ». Такъ и повѣнчалъ и вина испить не далъ. Тотъ было сунулся: «Батюшка, позвольте винца-то?» А тотъ на него: «это за три-то рубля винца? Ишь ты ловокъ! Нѣтъ, братъ, шалишь». Такъ и не далъ ничего.

Слушатели неодобрительно качали головами, приговаривая: «Ая-я-я-я! Вотъ такъ батюшка!..»

— Тѣмъ дѣло и кончилось?

— Тѣмъ было и кончилось, да барыня про это узнала,—помѣщица Сверчкова здѣсь живетъ,—донесла по начальству. Теперь слѣдствіе идетъ, судебнымъ порядкомъ.

— Нѣтъ, у насъ въ Никольскомъ попъ—ничего,—заговорилъ другой спутникъ, напоминавшій по типу московскаго мясника, – не больно жметъ... Самолюбіемъ этимъ почитай-что не занимается, только...

— А что?

— Разсказчикъ зажмурилъ глаза и отчаянно закрутилъ головой.

— Зашибаетъ, стало-быть?

— То-есть въ лучшемъ видѣ!.. И ужъ запой у него! Этакого злющаго запоя я отродясь не видывалъ. И во хмѣлю—страсть! Чуть напьется, сичасъ въ драку лѣзетъ, а не то штуку какую ни-на-есть произведетъ... Намеднясь ночью только легли спать, вдругъ тревога: на колокольнѣ набатъ ударили. Все село высыпало отъ мала до велика,—думали пожаръ. Глядимъ—ни дыму, ни огня нигдѣ не видать... Что за притча такая?.. А колоколъ гудитъ... Побѣжали на колокольню; смотримъ, а тамъ батюшка, въ одной рубахѣ да подштаникахъ, дуетъ что есть мочи.—«Батюшка, говоримъ, что случилось?»—«Я, говоритъ, съ женой подрался».

Въ вагонѣ смѣялись.

— Дивлюсь я,—въ раздумьи говорилъ одинъ изъ спутниковъ,—куда это наука-то дѣвается? Вѣдь, кажись, учатъ ихъ, учатъ, а они—во!..

Отъ священниковъ разговоръ перешелъ на расколъ. Я спросилъ о сютаевцахъ, не слыхали ли, молъ.

— Какъ же, было слышно... Сказывали люди, что на Повѣди новая вѣра явилась...

Но никто изъ моихъ спутниковъ не зналъ даже приблизительно, въ чемъ собственно состояло ученье новой секты. Одинъ говорилъ, что новые сектанты не имѣютъ браковъ, не вѣнчаютъ, «живутъ сплошь», не разбирая, жена ли, сноха ли, невѣстка ли,—для нихъ, молъ, все единственно. Другой увѣрялъ, что Сютаевъ избралъ себѣ двѣнадцать апостоловъ, которые всюду сопровождаютъ его и съ которыми онъ никогда не разстается.

Къ вечеру мы пріѣхали въ Торжокъ. Разспрашивая здѣсь о новой сектѣ, я узналъ, что въ мѣстномъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ производится какое-то дѣло, имѣющее связь съ появленіемъ новой секты. По справкамъ, наведеннымъ мною, оказалось слѣдующее.

Старшина Повѣдской (бывшей Шевковской) волости, Павелъ Елисеевъ, вошелъ въ уѣздное присутствіе 29 апрѣля 1881 года съ рапортомъ за № 664 такого содержанія:

«Сельскимъ обществомъ крестьянъ деревни Удальцова (передаю съ буквальною точностію) избранъ въ должность сельскаго старосты крестьянинъ Илья Ивановъ, не признающій христіанской вѣры, а придерживается подъ названіемъ какой-то сютаевской. Жена Иванова, Авдотья Андреева, заявила, что мужъ ея обращается съ нею жестоко, а равно и съ дочерью, изъ-за того именно, что онѣ не вѣруютъ по его обряду. Ивановъ перекололъ всѣ находящіяся въ его домѣ иконы, о чемъ мною и сообщено полиціи. Въ виду неблагонадежности со стороны избраннаго сельскаго старосты, Ильи Иванова, къ исправленію имъ служебныхъ обязанностей, имѣю честь покорнѣйше просить уѣздное

присутствіе о разрѣшеніи уволить его отъ должности».

Уѣздное присутствіе поручило исправнику провѣрить донесеніе волостного старшины. Вслѣдствіе этого исправникъ, отношеніемъ отъ 17 мая за № 1223, увѣдомилъ присутствіе, что,—какъ оказалось по дознанію,—въ домѣ удальцовскаго сельскаго старосты Ильи Иванова дѣйствительно переколоты образа, а потому, находя его «неблагонадежнымъ», исправникъ просилъ присутствіе—сельскаго старосту Иванова немедленно уволить отъ должности Присутствіе, какъ я слышалъ, сдѣлало уже распоряженіе въ этомъ смыслѣ.

Далѣе я узналъ въ Торжкѣ, что здѣсь въ прошломъ году родной сынъ Сютаева, Иванъ, призывался къ отбытію воинской повинности и что при этомъ произошелъ какой-то скандалъ. Мѣстный воинскій начальникъ до сихъ поръ отлично помнитъ Ивана Сютаева.

— Надѣлалъ мнѣ хлопотъ этотъ Сютаевъ!—говорилъ намъ воинскій начальникъ.—По вынутому имъ нумеру жеребья онъ подлежалъ поступленію на дѣйствительную службу. Осмотрѣли его въ присутствіи и признали годнымъ. Повели къ присягѣ, но онъ вдругъ упёрся: «Не хочу, говоритъ, присягать,—Евангеліе, дескать, запрещаетъ клясться...» Откуда это онъ взялъ, чортъ его знаетъ! Ужъ какъ я его ни уговаривалъ, какъ ни убѣждалъ,—нѣтъ ничего не слушаетъ... Хорошо, думаю, я тебя, голубчикъ, и безъ присяги заставлю служить.—Дать ему ружье!—говорю... Что жъ бы вы думали? Не хочетъ ружья въ руки брать, наотрѣзъ отказался. «Оно, говоритъ, въ крови, кровью пахнетъ». Слышите?... «Нужно, говоритъ, вооружиться мечомъ духовнымъ». Какъ это вамъ нравится: духовнымъ

мечомъ?!... Представьте себѣ роту солдатъ съ духовными мечами!...

И разсказчикъ весело расхохотался.

— Что же Сютаевъ?

— Что Сютаевъ! Онъ все свое: «не хочу, говоритъ, на войну!.. Сказано: «не убей»... Это, говоритъ, грѣхъ смертный... Не хочу людей убивать». — Я ему говорю: дуракъ ты, вѣдь теперь и войны-то никакой нѣтъ, всю службу въ казармѣ просидишь, вѣкъ пороху не понюхаешь, войны-то и въ глаза не увидишь,—изъ-за чего же ты артачишься?... Нѣтъ, какъ къ стѣнѣ горохъ! Стоитъ на своемъ и дѣло съ концомъ... Что тутъ прикажете дѣлать?... Засадилъ его въ карцеръ на хлѣбъ и на воду. Проходитъ день. Фельдфебель докладываетъ, что Сютаевъ ничего не ѣстъ: ни хлѣба, ни воды,—словомъ, ничего въ ротъ не беретъ. «Ладно, думаю, посидишь, такъ эта дурь-то съ тебя сойдетъ». Другой день проходитъ—не ѣстъ, третій день—то же самое... Отощалъ до того, понимаете, что едва на ногахъ стоитъ, съ трудомъ поднимается съ лавки, а все на своемъ стоитъ... Призвалъ я священника и говорю ему: «Батюшка, вы знаете Священное Писаніе, поговорите съ Сютаевымъ, убѣдите его, внушите ему, что вѣдь такъ нельзя же наконецъ, что вѣдь это... это чортъ знаетъ что такое!... Вѣдь невозможно же въ самомъ дѣлѣ, чтобы безъ войска, безъ солдатъ, безъ... Ну, гдѣ это видано?»—Священникъ въ полномъ облаченіи, съ Евангеліемъ въ рукахъ, отправился его усовѣщевать.

— Ну, и что же?

— Ахъ, лучше не говорите! Священникъ одно слово скажетъ, а Сютаевъ десять... Въ концѣ концовъ онъ просто разсвирѣпѣлъ и началъ ужасно дерзко и грубо поносить священниковъ и духовен-

ство... Я сталъ не радъ, что затѣялъ эту исторію, и говорю: «Батюшка, уходите, ради Бога, поскорѣе!»

— Что же сталось съ Сютаевымъ?

Собесѣдникъ мой пожалъ плечами.

— Приказалъ выпустить его изъ карцера, принужденъ былъ это сдѣлать, иначе онъ непремѣнно уморилъ бы себя голодомъ... Непремѣнно уморилъ бы... Фанатикъ!

Въ Торжкѣ я узналъ между прочимъ, что послѣдователи новой секты недавно устроили было въ Шевелинѣ общину, но что община эта вскорѣ распалась: участники ея перессорились между собой, и все дѣло кончилось двумя исками, предъявленными мѣстному мировому судьѣ, А. А. Бакунину.

Мнѣ хотѣлось поточнѣе узнать объ этомъ дѣлѣ и потому я, прежде чѣмъ ѣхать въ Шевелино, рѣшилъ сдѣлать крюкъ и отправиться сначала къ г. Бакунину, который живетъ въ имѣньи своемъ, въ селѣ Прямухинѣ, чтобъ отъ него получить интересовавшія меня свѣдѣнія.

Щегольская тройка крѣпкихъ «вольныхъ» ямщицкихъ лошадей въ маленькомъ, красивомъ тарантасѣ съ бубенчиками и колокольчиками, бойко понесла меня по проселочной дорогѣ. Погода стояла сырая и холодная; хмурое, пасмурное небо ежеминутно угрожало дождемъ. Яркая зелень озимыхъ полосъ рѣзко выдѣлялась на сѣромъ неприглядномъ фонѣ тощихъ яровыхъ полей широко разстилавшихся по обѣ стороны дороги. Изможденныя, жалкія лошаденки крестьянскія надрывались, таская сохи и взрыхляя крѣпкій, жесткій суглинокъ. За сохами двигались какія-то странныя, согбенныя фигуры: это—бабы, дѣвки-подростки, старухи.

Дѣло въ томъ, что съ ранней весны и до глубокой осени почти все мужское населеніе уходитъ от-

сюда на заработки въ Питеръ и другія мѣста. Въ селахъ и деревняхъ остается одно «женское сословіе», малые ребята, да старики. Такимъ образомъ вся тяжесть крестьянской страды ложится здѣсь почти исключительно на однѣхъ женщинъ,—онѣ однѣ выносятъ ее на своихъ плечахъ. Онѣ пашутъ поля, боронятъ, сѣютъ, косятъ, поднимаютъ новь, рубятъ лѣсъ,—словомъ, нѣтъ такой тяжелой мужицкой работы, которую не исполняли бы здѣсь бабы.

— Въ нашемъ мѣстѣ бабамъ жисть чижолая—страсть....—говорила мнѣ одна старуха, вволю поработавшая на своемъ вѣку.—Не приведи Господи! Бывало по полю-то ходишь, ходишь за сохой—измаешься... Лошадь опристанетъ, и понукаешь ее, и стегаешь—ничего нейметъ... Изъ силъ выбьешься... Земля-то твердая—глина да каменьё. А особливо ежели соха неловка, худо налажена, въ землю идетъ-задираетъ,—тутъ ужъ совсѣмъ бѣда. На одномъ мѣстѣ часъ пробьешься... До того руки-то надергаешь, что домой придешь, за столъ сядешь—не можешь ложкой-то въ ротъ угодить,—такъ руки и дрожатъ, такъ и трясутся, словно онѣ у тебя чужія, не слушаютъ... Спина ноетъ, на ногахъ жилы опухнутъ.

Вотъ она «все выносящаго русскаго племени многострадальная мать!»

«Доля ты, русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать!...»

Родъ Бакуниныхъ считается однимъ изъ самыхъ древнихъ, именитыхъ родовъ тверскаго дворянства. Въ настоящее время братья Бакунины, особенно П. А. и А. А., являются видными дѣятелями тверскаго земства, извѣстнаго своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ нуждамъ народа. Старшій братъ

ихъ. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, былъ нѣкогда однимъ изъ самыхъ выдающихся и вліятельныхъ членовъ знаменитаго кружка, группировавшагося около В. Г. Бѣлинскаго. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Михаилъ Александровичъ, живя въ качествѣ эмигранта за границей, всецѣло отдался революціонной дѣятельности и вполнѣ заслуженно пользовался репутаціей «апостола анархіи». Недавно онъ умеръ въ глубокой старости, причемъ до самой смерти оставался вѣренъ своимъ идеямъ.

Усадьба Бакуниныхъ сразу переноситъ васъ на полстолѣтія назадъ. Неуклюжія, но очень прочныя каменныя зданія, всевозможныя пристройки и надстройки, людскія, длинные, широкіе корридоры, обширныя залы, тяжелая массивная мебель, огромныя старомодныя зеркала—все это говоритъ о томъ времени, когда здѣсь жизнь текла бойко, на широкую ногу, когда здѣсь было и шумно, и весело, и оживленно. Не то теперь. Несмотря на радушіе, любезность и гостепріимство хозяевъ, какой-то таинственный духъ запустѣнія незримо носится въ воздухѣ этихъ обширныхъ залъ и корридоровъ, а старые фамильные портреты съ тихою грустью смотрятъ со своихъ стѣнъ на то, какъ новые запросы и волны жизни уходятъ съ каждымъ днемъ все дальше и дальше изъ этихъ усадьбъ...

Въ дѣлахъ мирового судьи А. А. Бакунина дѣйствительно оказались два дѣла, имѣвшія тѣсную связь съ появленіемъ новой секты. Оба дѣла состоятъ изъ исковъ, предъявленныхъ къ отставному солдату Сергѣю Луневу. Крестьянка Василиса Петрова взыскиваетъ съ Лунева 150 руб. 50 коп., а крестьянинъ Евстратъ Семеновъ Королевъ обвинялъ Лунева въ томъ, что тотъ «подъ видомъ религіознаго ученія выманилъ у него всякаго имущества»,

и ищетъ возврата денегъ по стоимости выманеннаго у него имущества. Въ первомъ дѣлѣ интересно показаніе самого Василія Кириллова Сютаева, присутствовавшаго при разборѣ дѣла въ качествѣ свидѣтеля. Показаніе это разъясняетъ причину возникновенія исковъ.

«Луневъ, Петрова и ея родители,—показывалъ Сютаевъ *) —по ученію Св. Писанія, согласились, чтобы была у нихъ одна душа и одно сердце, и все свое имущество сложили сообща, чтобы не было между ними никакого ни спора, ни дѣлежа, безо всякихъ договоровъ и безо всякихъ условій. Такъ у нихъ и было, но Луневъ вдругъ сталъ отсыпать отъ хлѣба головню, то-есть лучшее зерно, подъ предлогомъ будто бы на сѣмена. Я ему сказалъ, что такъ дѣлать не слѣдуетъ, потому что нечего дѣлить слабыхъ и сильныхъ, дурныхъ и хорошихъ, а надо смѣшать, и чтобы всякій бралъ, сколько кому надо. Луневъ мнѣ сказалъ, что у него на это сердце не лежитъ. — А коли не лежитъ, тогда я ему сказалъ, — чтобъ онъ шелъ изъ овина, и выгналъ его изъ овина вонъ. Это увидѣли другіе и стали требовать, чтобы Лунева отдѣлить и чтобъ онъ раздѣлился съ нами».

Помимо этого показанія ничего характернаго въ дѣлахъ не оказалось. Прошенія написаны страшно безграмотно, а показанія на судѣ черезчуръ кратки и сухи. Между истцами и отвѣтчикомъ Луневымъ состоялась на судѣ сдѣлка, соглашеніе.

По совѣту Бакуниныхъ, которые, въ качествѣ постоянныхъ обывателей уѣзда, хорошо знакомы съ мѣстными условіями, я рѣшилъ поселитьея сначала въ селѣ Повѣди, такъ какъ село это является цен-

*) Показаніе его привожу дословно, безъ измѣненій.

тральнымъ пунктомъ того района, въ которомъ такъ или иначе появилось ученіе новой секты. Ѣхать же прямо въ Шевелино, гдѣ первоначально возникла секта и гдѣ живетъ самъ Сютаевъ, я не рѣшился, боясь на первыхъ же порахъ возбудить подозрѣніе и недовѣрчивость сектантовъ. Село Повѣдь отстоитъ отъ Прямухина на разстояніи 35 верстъ, и такое же точно разстояніе считается отъ него и до Торжка.

Глубокою ночью мы пріѣхали въ Повѣдь. Все спало. Подъѣзжаемъ къ первой попавшейся избѣ и начинаемъ стучать. Въ окнѣ появляется косматая, всклокоченная голова.

— Гдѣ здѣсь можно переночевать?

— Ступайте къ Ивану Зиновенчу, — онъ принимаетъ...

Розыскали Ивана Зиновенча, достучались. Послѣ обычныхъ опросовъ: «Что вы за люди будете, откуда Богъ несетъ?» и т. д. насъ пригласили войти. Ощупью вошли мы въ темную избу. Огромная семья съ дѣтьми, стариками, снохами, невѣстками помѣщалась въ одной избѣ. На полу лежатъ дѣти и взрослые, одни укутаны полушубками, другіе просто въ одномъ бѣльѣ; съ печи слышится чей-то тяжелый храпъ. Спертый, тяжелый, удушливый воздухъ «шибанулъ» въ носъ, ударилъ въ голову. Я невольно остановился. Хозяинъ вздулъ огонь.

— Что, тяжко? — спросилъ онъ, замѣтивъ мое движеніе. — А мы окно откутаемъ, воздухъ-то полегче будетъ... Вотъ вамъ кроватка. Али на печку полѣзете?

На кроваткѣ, скрытой за старымъ ситцевымъ пологомъ, плакалъ ребенокъ, а женскій голосъ уговаривалъ и убаюкивалъ его. Зная по горькому опыту прелести этихъ кроватокъ, я наотрѣзъ отказался

отъ предложенія и выразилъ непремѣнное желаніе лечь на полъ. Мой ямщикъ избралъ печь.

— На полъ! Ну, такъ ложись сюда... вотъ сюда, на тулупъ... Баушка, а-баушка! — говорилъ Иванъ Зиновеичъ, потрогивая спящее на полу тѣло, укрытое цѣлою грудой грязныхъ лохмотьевъ,—подвинься маненечко, пусти барина... Она у насъ древняя, за сто лѣтъ... Вѣрно слово: сто второй годъ изжила... Далъ Богъ вѣку!... Не дослышитъ малость... Ну, ложись рядомъ со старухой... Хе-хе-хе... Ничаво, она подвинется, ложись!...

III.

О чемъ говорятъ въ деревнѣ.

Я поселился въ Повѣди у одного изъ родственниковъ Ивана Зиновеича, бѣднаго мужика, изба котораго приходилась какъ разъ съ краю села, надъ самыми полями. Мое появленіе въ селѣ не могло, разумѣется, не вызвать среди крестьянъ множества всевозможныхъ толковъ, предположеній и пересудовъ.

Очевидно, всѣ были убѣждены, что въ моемъ лицѣ они дождались новаго начальства,—въ этомъ, повидимому, никто изъ нихъ не сомнѣвался. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, какое именно начальство, «по какой части». Они видѣли, что это — не мировой, не урядникъ, не становой, не слѣдователь, не исправникъ, не «членъ» (земства), не докторъ,— кто-жъ это такой, наконецъ? Мужики недоумѣвали, ломали головы и создавали самыя невозможныя предположенія относительно цѣли моего проживанія въ Повѣди.

— И все-то онъ, братецъ ты мой, испытываетъ, все разспрашиваетъ, во все вникаетъ: какъ, что?... Дивное дѣло!

— Стало-быть ужъ отъ начальства предоставлено, препоручено.

— Сказываютъ—изъ Питера!

— Левизоръ, должно-полагать.

— Въ Шевелинѣ, баютъ, скотъ переписалъ: у кого сколько коровъ, лошадей, овецъ, — все, какъ есть до-чиста, переписалъ... Что есть свиней — и тѣхъ!...

— Энто ужъ, видимое дѣло, для облога... На подать прибавка будетъ.

— Сказываютъ, со всего плата положится: съ лошади плата, съ жеребца, примѣрно, одна, съ кобылы—другая; съ коровы—плата, съ овцы—плата... То-есть со всего, со всего!

— Говорятъ, все чего-то пишетъ, все пишетъ, все пишетъ.

— Старшина сказывалъ, насчетъ будты вѣры пріѣхалъ.

— А ты слушай больше старшину-то. Онъ тебѣ наскажетъ.

— Онъ, може, и самъ-то не знаетъ.

— А ты какъ думалъ? Такъ сейчасъ ему и доложатъ?... Какже жди, держи карманъ-то шире... Нѣтъ, братъ, такіе люди есть, особенные, тайно ѣздіютъ, испытываютъ... Объ нихъ нихто можетъ и не знаетъ...

— А они порядки смотрятъ: гдѣ и какъ, — до всего касаются...

— Въ родѣ какъ тайна полиція, къ примѣру... Чуть что—сичасъ и готово!

— Н-да, очень даже просто... Возьмутъ подъ секретъ и—шабашъ.

— А не то въ темну карету, да на казенны харчи...

— Да это за што же, примѣрно?

— А за то, чтобы говорилъ, да не договаривалъ... Больше бы зналъ-помалкивалъ... И слышишь, да не слыхалъ,—и видишь, да не видалъ...

— Гм... Можетъ и *онъ* по этой части?

— Хто-жъ его знаетъ!?...

— А може онъ прямо отъ царя посланъ развѣдать доподлинно, какъ то-есть мужички, примѣрно, чего имъ требуется, какъ достатокъ, нѣтъ ли обиды какой, али чего прочаго...

Это послѣднее предположеніе, казалось, многимъ пришлось по душѣ. Чуть ли не большинство согласилось, сошлось на мысли, что пріѣхавшій къ нимъ неизвѣстный, загадочный для нихъ человѣкъ— не кто другой, какъ царскій посланникъ. Возникновеніе такихъ странныхъ предположеній объясняется тѣми смутными ожиданіями и надеждами, которыя живутъ и бродятъ въ нашемъ народѣ. Во многихъ мѣстахъ народъ ждетъ, что царь пошлетъ — и притомъ *непремѣнно тайно*—особыхъ довѣренныхъ отъ себя людей для того, чтобъ узнать на мѣстахъ, какъ живутъ крестьяне, не терпятъ ли они обидъ, утѣсненій, нуждъ и т. п.,—словомъ, узнать «всю правду». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобныя ожиданія высказываются крестьянами вполнѣ опредѣленно. Нынѣшнимъ лѣтомъ, напримѣръ, мнѣ пришлось быть, между прочимъ, въ одномъ изъ глухихъ угловъ Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи. Здѣсь (въ селѣ Патровкѣ, напримѣръ) крестьяне прямо спрашивали меня: «Не слыхать ли чего насчетъ кесаревыхъ посланниковъ?.. Не ходятъ ли, молъ, они въ народѣ?»

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Повѣдь, я шелъ домой изъ деревни Удальцова, отстоящей версты на три отъ Повѣди. Вижу какой-то старикъ, копавшійся на сосѣднемъ полѣ, оста-

взяетъ работу и идетъ ко мнѣ навстрѣчу. Поздоровались.

— Мнѣ бы охота тебѣ два словечка сказать,— говоритъ мужикъ, останавливаясь.

— Что такое?

— Да насчетъ, значитъ, энтихъ самыхъ дѣловъ-то...

— Какихъ дѣловъ?

Мужикъ переминается.

— Да ты говори толкомъ, въ чемъ дѣло!

Мужикъ вдругъ принимаетъ самый таинственный видъ и, понижая голосъ, чуть не шепотомъ, многозначительно спрашиваетъ меня:

— Ты какъ? Отъ новаго царя посланъ, али ишшо отъ стараго?

Представьте мое изумленіе!... И вотъ я вынужденъ увѣрять этого чудака, что я никѣмъ не посланъ, что я совсѣмъ частный человѣкъ, писатель, нигдѣ не служу, пріѣхалъ къ нимъ для того только, чтобъ узнать о новой вѣрѣ, появившейся въ ихъ волости.

Мужикъ внимательно, почти напряженно слушаетъ все, что я говорю, слушаетъ и поддакиваетъ:

— Такъ... такъ... такъ-съ... А ты самъ отколь — изъ Питенбурха?

— Нѣтъ, я изъ Москвы.

— Изъ Москвы... Такъ, такъ... А царь теперь гдѣ?

— Въ Гатчинѣ.

— Гдѣ-ѣ?

— Въ Гатчинѣ. Это городъ такой есть подъ Петербургомъ

— Зачѣмъ же это онъ туды, батюшка? На жительство, али такъ, на прохладу?

— На лѣто, на дачѣ!...

— Гмм... Такъ, такъ, на легкой воздухъ!... Понимаемъ... А ты вотъ что скажи намъ,—круто по-

вернулъ старикъ.—чаво ты пишешь-то? Будетъ ли намъ льгота-то отъ тебя, али не будетъ?... Чаво намъ ждать-то велишь?

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось снова встрѣтиться съ этимъ мужикомъ. Поздоровавшись, онъ опять остановился и, глядя мнѣ прямо въ лицо, въ упоръ, съ разстановкой произнесъ:

— Ты что тамъ не говори, только ты меня не обманешь,

— Да развѣ я тебя когда-нибудь обманывалъ?

— Не обманешь!... Я вижу, вижу, братъ, насквозь вижу...

— Да что ты видишь-то?

— Вижу, другъ... Вижу, что ты отъ высо-о-каго лика посланъ, отъ высокаго!... Вижу.

Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ я продолжалъ жить въ селѣ Повѣди, толки о «царскомъ посланникѣ», о «высокомъ ликѣ» и т. п. мало-по-малу стихали и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Крестьяне видимо разочаровались и успокоились. Этому главнымъ образомъ способствовало то обстоятельство, что я почти все свое время началъ проводить въ обществѣ Сютаева и его послѣдователей. До крестьянъ доходили слухи, что я обыкновенно записываю все то, что говоритъ Сютаевъ, и вотъ новое рѣшеніе созрѣло въ ихъ головѣ.

— За Сютаевымъ пріѣхалъ!—порѣшили они.— Сютаева вóзьмутъ, Сютаева угонятъ, — заговорили мужики.

— Прощай Сютаевъ!—говорили бабы. – Бѣдный ты, бѣдный Сютай!... И снова всплыли сначала неясные, туманные намеки и толки о «темной каретѣ», а затѣмъ уже болѣе опредѣленные—о «казенныхъ харчахъ».

Интересно было бы прослѣдить, откуда и когда

зародилось въ народѣ представленіе о «темной каретѣ». Что это представленіе существуетъ въ народной массѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ первый разъ мнѣ пришлось слышать отъ крестьянъ о «темной каретѣ» въ одной изъ подмосковныхъ деревень. «Пріѣдетъ, молъ, темная карета, посадятъ и — былъ таковъ!... Столько, молъ, тебя, голубчика и видали». Затѣмъ почти тѣ же самые толки я слышалъ въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, и, наконецъ, вотъ теперь въ третій разъ здѣсь, въ Тверской губерніи.

Вообще едва ли когда-нибудь ходило въ народѣ столько всевозможныхъ слуховъ и толковъ, какъ нынѣ. Богъ вѣсть, откуда нахлынули они; Богъ вѣсть, какими путями проникаютъ они въ деревню... Къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ мы не имѣемъ возможности повѣдать на этотъ разъ о многихъ весьма интересныхъ народныхъ толкахъ и чаяніяхъ. Но мы приведемъ хотя кое-что изъ того, что намъ удалось слышать во время пребыванія въ Повѣдской волости

— Люди сказываютъ, подушнаго не будетъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, не будетъ, да и все тутъ... Нешто душу-то можно облагать?—Она, чай, Божья!

— Экъ сказалъ!... Мало ли что Божья!... Все Божье, одначе оброкъ идетъ.

— А таперь отмѣнятъ.

— Хто отмѣнитъ-то?

— Хто!... Извѣстно хто—начальство!

— Ладно. Врн больше.

— Право слово говорятъ!.. Чудакъ, не вѣритъ!..

— Ты бы сказалъ: царь отмѣнитъ, — дѣло-то было бы въ строку,—а то начальство!... Ишь...

— Мало ли чаво зря болтаютъ.

— Не зря, а до самаго дѣла. Хорошіе люди сказывали... Не будетъ, баютъ, подушнаго, не будутъ больше съ души брать...

— Съ души не будутъ, а съ чего же будутъ?

— Съ капиталовъ.

— Съ капиталовъ?!

— Да, съ капиталовъ... Чего ты дивишься-то?

— Гм... Хорошо у кого капиталы-то есть, а у кого ихъ нѣтъ, съ того какъ?

— У кого капиталовъ нѣтъ, съ того ничего и не возьмутъ.

— Вотъ такъ!... Ловко разсудилъ!

— Ужь куда бы лутче!...

. . . . . .

— Говорятъ, новый царь сталовѣровъ похвалилъ.

— За што такъ?

— За то, будты лутче за царя Богу молились.

— Пустое!...

А може и правда!?...

— Нѣтъ, вы послухайте, говорятъ, за пачпорты-то будутъ по двадцати рублевъ брать.

— Съ человѣка?

— Извѣстно съ человѣка. А ты думалъ съ барана, што ли?

— Полно зубы скалить, говори дѣло-то!... Что такъ больно много—двадцать рублевъ?!

— Затѣмъ, чтобы хрестьяне больше дома сидѣли, землей занимались, на сторону бы не ходили... Царь заприметилъ, что народъ землю началъ покидать, весь въ Питеръ вдарился... Ему это не полюбилось...

— Другой и радъ бы землей-то заняться, да не у чего...

— То-то и бѣда-то наша.

И разговоръ незамѣтно перешелъ на больное мѣсто деревни—на аграрный, земельный вопросъ. За время моего пребыванія въ Повѣдской волости (я прожилъ въ ней двѣ недѣли) мнѣ пришлось два раза вести бесѣды на эту щекотливую тему.

Однажды я ѣхалъ въ Шевелино съ однимъ знакомымъ старикомъ изъ Повѣди. Толковали о томъ, о семъ. Мало-по-малу разговоръ принялъ «душевный», интимный характеръ.

— А что, спрошу я васъ, А. С., — началъ старикъ и голосъ его какъ-то вдругъ измѣнился: какая-то новая нота—не то нерѣшительности, не то таинственности послышалась въ немъ, — спрошу я васъ: какъ то-есть насчетъ земли?

— Какой земли, Иванъ Михайлычъ?

— Примѣрно, есть слушокъ... Извѣстно, люди болтаютъ... Должно зря, али до самаго дѣла?

И онъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

Я догадывался, въ чемъ дѣло; но, желая, чтобы собесѣдникъ мой опредѣленнѣе высказался въ этомъ случаѣ, я дѣлалъ видъ, что не понимаю, о чемъ идетъ рѣчь.

Иванъ Михайловичъ снова началъ длинную дипломатическую канитель, которую окончилъ такъ:

— Люди баютъ, будто, значитъ, нарѣзки будутъ хрестьянамъ, — значитъ, прибавка землицы выйдетъ... Правда, али нѣтъ?

— Гдѣ же земли-то возьмутъ для новыхъ нарѣзовъ.

— Это точно, гдѣ-жъ ее возьмешь!... Извѣстно, съ глупости болтаютъ... Н-ну, ты, одеръ! — и Иванъ Михайловичъ безъ всякой видимой нужды вытянулъ кнутомъ буланую кобылу, бойко втаскивавшую на горку нашу телѣгу.

Помолчали. Но минуту спустя Иванъ Михайловичъ, перегнувшись черезъ телѣгу и наклонясь къ моему лицу, произноситъ:

— Будто, значитъ, отъ богатыхъ... Маненичко этакъ... То-есть чтобы всѣмъ значитъ хрестьянамъ...

— Какъ же это такъ: отъ однихъ отобрать, а другимъ дать? Да развѣ это справедливо?

— Гдѣ-жь тутъ справедливо!... Что говорить!— немедленно соглашается Иванъ Михайловичъ, а кобыла получаетъ новый ударъ вожжей. Но, помолчавъ немного, онъ уже снова поясняетъ мнѣ: — Говорятъ, что господамъ али купцамъ, значитъ, деньги за это самое выдадутся, что стоитъ, примѣрно, по оцѣнкѣ...

Я долго доказывалъ всю несообразность и нелѣпость этихъ слуховъ, ссылался на извѣстный циркуляръ бывшаго министра Макова. Чѣмъ больше я говорилъ, тѣмъ все чаще и чаще поддакивалъ мнѣ Иванъ Михайловичъ; но когда я кончилъ и заглянулъ въ лицо своего собесѣдника, я понялъ, что рѣчь моя пропала даромъ. Иванъ Михайловичъ, помолчавъ немного, — очевидно, изъ приличія, — круто перевелъ рѣчь на «корма» и заговорилъ о сѣнѣ, соломѣ, овсѣ.

Другой разъ такой случай былъ. Мужикъ, который говорилъ мнѣ о «высокомъ ликѣ» (безъ сомнѣнія, простоватый, наивный мужикъ), какъ-то въ разговорѣ со мною спрашиваетъ меня:

— А что на счетъ пустошей... какъ это дѣло будетъ?... Идетъ слушокъ, али нѣтъ?

— Какихъ пустошей?

— Извѣстно, какія пустоша бываютъ...—И мужикъ подмигиваетъ мнѣ съ добродушно-хитрою усмѣшкой.

— Я не понимаю, о какихъ ты пустошахъ говоришь.

— А о тѣхъ, что богаты мужики завладали... объ энтихъ самыхъ...

— Что же о нихъ слышать-то?

— Отойдутъ они къ намъ, али нѣтъ?

— Съ чего это ты взялъ, что они отойдутъ къ вамъ?—рѣзко спрашиваю я.

Мужикъ, видимо, озадаченъ,—онъ недовѣрчиво смотритъ на меня.

— Нешто нарѣзокъ-то не будетъ?—удивленно спрашиваетъ онъ.

— Да откуда ты взялъ, что онѣ будутъ-то?

— А то какъ же?...—И старикъ растерянно и вопросительно смотритъ на меня...—А вѣдь мы... того... въ ожиданіи...

Много вопросовъ назрѣло, и копошится, и роится въ мужицкихъ головахъ цѣлая куча различнаго рода недоумѣній мучитъ мужицкую душу. Едва ли когда-нибудь жизнь среди народа могла представлять такой огромный, захватывающій интересъ, какъ именно въ настоящее время. Каждый, кому только удавалось за послѣднее время близко становиться къ деревенской средѣ, вѣроятно, согласится съ нами, что теперь, на нашихъ глазахъ, въ массѣ народа происходитъ какое-то смутное, глухое, сдержанное броженіе. Несомнѣнно, что мысль народа сильно возбуждена; этому способствовали весьма многія условія, многія событія послѣдняго времени. Въ воздухѣ деревни носится что-то новое, мало знакомое, что-то напряженное, недоумѣвающее и вмѣстѣ тревожное... Деревня чего-то ждетъ... Но это не то пассивное, вялое, инертное ожиданіе, которое съ удобствомъ можетъ тянуться долгіе годы, цѣлые вѣка,—нѣтъ, въ теперешнемъ ожиданіи деревни

бьетъ напряженное, страстное чувство; въ немъ кроется давно затаенная активная сила. Старые устои жизни шатаются, а новыхъ нѣтъ: жизнь должна ихъ создать и выработать...

Мы не знаемъ, разумѣется, и не можемъ указать даже приблизительно, чѣмъ разрѣшится это броженіе, въ какую форму отольется оно... Знаемъ только, что теперь подобнаго рода броженіе весьма часто отливается въ форму особаго рода ученій, въ основу которыхъ обыкновенно принимается тотъ или другой тезисъ Св. Писанія, говорящій о правдѣ, любви и добрѣ, и который обыкновенно служитъ для народа исходнымъ пунктомъ для критики современныхъ порядковъ, современнаго строя жизни...

Одно изъ такихъ ученій и разсмотримъ мы въ этомъ очеркѣ.

— · —

IV.

У батюшки.

Изслѣдователю сектантства по необходимости приходится сталкиваться и имѣть дѣло съ мѣстными священниками. Въ самомъ дѣлѣ, кому, какъ не имъ, духовнымъ пастырямъ, должно быть ближе всего знакомо настроеніе прихожанъ, ихъ духовныхъ овецъ?

Село Яконово, служащее резиденціей приходскаго священника, по здѣшнему мѣсту большое, богатое село. Да и самый приходъ считается однимъ изъ самыхъ «хлѣбныхъ» и доходныхъ въ благочиніи.

Я постучалъ у крыльца большого церковнаго дома.

— Кто тамъ?—сурово окликнулъ голосъ изъ комнаты и вслѣдъ затѣмъ изъ окна выглянуло жирное, рыхлое, лоснящееся лицо, принадлежавшее, по всѣмъ видимостямъ, матушкѣ-попадьѣ. При видѣ культурнаго человѣка, голосъ матушки вдругъ смягчился и она вѣжливо-слащавымъ тономъ проговорила: —Вамъ кого угодно?

— Батюшка дома?

— Кажись, дома... Пожалуйте...

Я вошелъ въ залу, для деревни весьма прилично убранную: крашеный полъ, тюлевые занавѣсы, хорошая мебель.

Батюшка, какъ оказалось, «отдыхалъ», то-есть попросту спалъ. Его разбудили, и онъ вышелъ ко мнѣ заспанный и всклокоченный. Передо мною стоялъ длинный, костлявый, но жилистый и еще крѣпкій старикъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ крохотною головой, съ красноватымъ крайне помятымъ, дряблымъ лицомъ и шаршавою, тощею растительностью на подбородкѣ. Маленькія, жидкія, торчащія въ разныя стороны косички, мутные, испещренные мелкими кровяными жилками, глаза, большой, широкій, беззубый ротъ и какой-то шрамъ на носу— дѣлали наружность батюшки далеко не презентабельною. Движенія его были медленны и неуклюжи; говорилъ онъ глухо, неразборчиво, шамкая, постоянно останавливаясь и подыскивая слова. Въ довершеніе всего, отъ него сильно попахивало тѣмъ специфическимъ «душкомъ», который обыкновенно является у людей, сдѣлавшихъ постоянною привычку «къ чарочкѣ»: а его старый, на ватѣ, казинетовый подрясникъ, неуклюже сидѣвшій на его нескладной фигурѣ, казалось, весь былъ пропитанъ запахомъ тютюна.

Отрекомендовавшись, я попросилъ было его разсказать все, что ему извѣстно о состояніи сектантства въ его приходѣ, но тотчасъ же долженъ былъ убѣдиться, что батюшкѣ не подъ силу сколько-нибудь связный, послѣдовательный разсказъ. Пришлось задавать отдѣльные вопросы.

— Старовѣры есть въ вашемъ приходѣ?

— Старовѣры!... Какіе они старовѣры?... Наша вѣра православная— самая старая, старѣе ее нѣту.

Наконецъ, съ немалымъ трудомъ мнѣ удалось добиться слѣдующихъ данныхъ. Въ Яконовскомъ приходѣ старовѣры живутъ въ четырехъ деревняхъ: въ Бавыкинѣ. Сельцѣ, Насывкинѣ и Головорѣзовѣ. О сектахъ и толкахъ. на которые распадаются старовѣры. батюшка имѣлъ самыя смутныя представленія. По нѣкоторымъ признакамъ, однако, можно было заключить. что въ двухъ первыхъ деревняхъ, Бавыкинѣ и Сельцѣ, живутъ безпоповцы. а въ остальныхъ двухъ—Насывкинѣ и Головорѣзовѣ—послѣдователи поповскаго толка. На мои разспросы о жизни и ученіи старовѣровъ батюшка категорически заявилъ. что онъ ничего по этому предмету не знаетъ, такъ какъ никогда не бываетъ у нихъ и «совсѣмъ не знается» съ ними.

— Вѣдь теперь имъ свобода!—съ недовольною миной говорилъ мой собесѣдникъ.—Что хотятъ, то и творятъ: сами крестятъ, сами вѣнчаютъ, сами хоронятъ... Насъ не зовутъ... Все разрѣшено, все!... Съ 1867 года дозволеніе вышло... Бумагу подавали,—ну, ихъ и отписали отъ церкви. Съ этой поры мы ихъ и не касаемся... А прежде и крестили, и хоронили все мы, — безъ насъ они ничего не могли: хоть и крестили они, и вѣнчали по-своему, да все тайкомъ, тихонько. крадучись, а ужъ теперь—въявь стали, никого не боятся. ни-ко-го!

— А много ли старовѣровъ въ этихъ деревняхъ?

— Бавыкино какъ есть все заражено. Я туда и не ѣзжу никогда, — ну ихъ!... Каждый разъ мимо проѣзжаю, какъ отъ зачумленныхъ все равно... Въ другихъ деревняхъ поменьше.

— А что вы скажете о новой сектѣ, появившейся у васъ?

— Это о сютаевской-то?

— Да, о ней... Что эта за секта?

— Это-то?...— Батюшка съ минуту помолчалъ.— Да это... это ужъ прямо сказать—нигилисты!

— Какъ нигилисты?

— Н-ни-гилисты, какъ есть настоящіе нигилисты!... Ни Бога, ни царя—никого нѣтъ, никого знать не хотятъ... Вотъ какая это секта!

И батюшка раздраженно поднялся съ мѣста и направился въ сосѣднюю комнату. Черезъ минуту онъ явился оттуда, держа въ рукахъ старый, засаленный кисетъ, сшитый изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ. Развязавши кисетъ, батюшка началъ дрожащими руками свертывать «цыгарку» изъ обрывка какой-то ученической тетради.

— Не потребляете?—спросилъ онъ меня, кивая на кисетъ.

— Нѣтъ.

— Корешки... Отъ нихъ вреда человѣку нѣтъ... Можетъ, папиросы уважаете?

Я отказался и постарался направить разговоръ на интересовавшій меня предметъ.

— Развѣ сютаевцы не признаютъ Бога?

— Какъ они признаютъ?—снова загорячился батюшка.—Все, все превратно, все по-своему... Зачѣмъ, — спрашиваю намеднись Сютаева, — зачѣмъ ты въ церковь не ходишь? - «А зачѣмъ, говоритъ, я пойду въ церковь?... Я самъ—церковь!»—Вотъ ты и поговори съ нимъ... Кресту не вѣруетъ, святыхъ иконъ не почитаетъ... «Это, говоритъ, идолы, которымъ вы поклоняетесь... Стану, говоритъ, я вашимъ кумирамъ кланяться, — какъ же, ждите!»... Одно слово—отступникъ и еретикъ!

Батюшка усиленно затянулся, и густыя струи махорки закружились въ комнатномъ воздухѣ.

— А относительно власти?...

— Не признаетъ,—перебилъ батюшка,—госу-

дарственной власти, совсѣмъ не признаетъ... — «Земля... — говоритъ: — да нешто она царская?... Земля, говоритъ, Божья: Богъ намъ далъ ее, мы и должны владать.. » Понимаете, къ чему это онъ клонитъ-то?... Да ужъ что и говорить о властяхъ, коли онъ законъ Божій отвергъ, а вѣдь царская власть у у насъ на законѣ Божіемъ основана.

— А я слышалъ, что эта секта власти признаетъ,—попытался возразить я.

— Лицемѣріе!... Одно лицемѣріе, повѣрьте... Какъ же онъ власть признаетъ, когда подати не платитъ, оброковъ не платитъ?

— Теперь они платятъ все. За Сютаевымъ, какъ я слышалъ, нѣтъ никакой недоимки.

— Да, это теперь, когда онъ увидѣлъ, что ничего ему не подѣлать... А прежде что?—Ни копѣйки не давалъ. Бывало старшина придетъ за оброкомъ, такъ онъ ворота запретъ, калитку на запоръ. «Не пущу,—говоритъ,—не будетъ тебѣ ни гроша!... Какой такой оброкъ? Какія подати? Куда онѣ идутъ? На кого? На какія надобности?.. »—Вѣдь вотъ что онъ затѣвалъ... Прямо сказать – бунтъ!

Батюшка усиленно засосалъ «цыгарку».

— Бывало старшина честью ему говоритъ: «Чудакъ ты, Василій Кирилловъ, какъ же безъ податей-то? Нешто это возможно? Нешто начальство-то можетъ безъ жалованья-то служить, а?... Или члены тамъ разные, при разныхъ мѣстахъ, безъ жалованья-то, а?... Али опять войско, министры?... Что они даромъ, что ли, будутъ тебѣ служить-то, суконное твое рыло, а?»

— Что-жъ онъ?

— Онъ все свое: «По-мнѣ, — говоритъ, — хоть вѣкъ ихъ не будь... Зачѣмъ, говоритъ, намъ войско, зачѣмъ членовъ?» Слышите?!... «Прежде, говоритъ,

безо всего безъ энтого жили... Намъ, говоритъ, все это безъ надобности...»

Батюшка бросилъ окурокъ, сердито плюнулъ на него и придавилъ ногой.

— Право, я ужъ и не знаю, какъ это гражданское начальство можетъ терпѣть этакую... этакую зловредную секту!

— Но теперь они платятъ подати и оброки исправно?

— Еще бы имъ не платить!... Сколько разъ у нихъ старшина-то ворота ломалъ, сколько разъ имущество ихъ съ аукціона продавалъ... Видятъ, небось, теперь, что невыгодно, да-а!... Корова-то у него можетъ двадцать рублей стоила, а старшина-то ее за десять продаетъ; лошадь-то сорокъ стоитъ, а продаютъ за пятнадцать,—поневолѣ будешь платить... Только все это лицемѣрно... Сынъ его теперь на службу не хотѣлъ идти: хоть что хошь съ нимъ дѣлай, хоть до смерти запори,—не присягаетъ и дѣло съ концомъ... Такъ и теперь безъ присяги служитъ. Одно слово—бунтовщики, смуту затѣваютъ!... И то сказать: можетъ ли быть что доброе отъ человѣка, который... который святыя церкви не признаетъ, святыя иконы всячески поноситъ?...

— Говорятъ, у него иконы стоятъ въ избѣ?

— Стоятъ... Что-жъ изъ того, что стоятъ?.... А если кто войдетъ да перекрестится, Сютаевъ сейчасъ же и смѣяться: «Ну, кому ты, говоритъ, кланяешься-то? Доскамъ-то?... Вѣдь это малеванныя доски!»— Вотъ какой грубіянъ, богохульникъ!

— Таинства признаютъ сютаевцы?—спросилъ я.

— Ни-никакихъ! Никакихъ не признаютъ. Къ причастію не ходятъ, къ покаянію тоже... Къ священному сану никакого уваженія не имѣютъ,—даже, напротивъ, всячески издѣваются и поносятъ... Бракъ

отрицаютъ, — живутъ все равно, какъ скотъ .. «Любовь, говорятъ, должна быть со всѣми... Нечего, молъ, разбирать, сноха ли, жена ли,—все, дескать, равно».

— Правда ли это?

— Гм... Доказать этого нельзя, только люди говорятъ... Ужь коли Сютаевъ дочь свою прямо, можно сказать, въ развратъ отдалъ, такъ чего тутъ путнаго ждать?

— Что же онъ сдѣлалъ съ своей дочерью?

— Взялъ парня изъ Удальцова, сына Ильи Иванова,—слышали, можетъ, тоже по его вѣрѣ?—взялъ, привелъ его къ себѣ и говоритъ дочери: «Вотъ тебѣ, Домна (Домной дочь-то зовутъ), мужъ, ложись съ нимъ, живи...» Почиталъ чего-то изъ Евангелія... «любите, говоритъ, другъ дружку, почитайте»,—да и шабашъ... «Ступайте, говоритъ, съ Богомъ,—будетъ съ вами любовь супружеская...»

— А давно ли Сютаевъ отпалъ отъ церкви?

— Да лѣтъ шесть ужъ будетъ.

— А прежде какъ онъ жилъ?

— Прежде?—Прежде былъ христіанинъ ревностный, да и къ церкви у него усердіе было большое... Можно такъ сказать, что онъ ревностнѣе всѣхъ былъ къ церкви... А потомъ сталъ отпадать, да отпадать, и совсѣмъ отшатнулся, вовсе совратился...

— Какъ же онъ совратился-то, гдѣ?

— Я и самъ добивался, гдѣ это онъ почерпнулъ эту самую ересь, и дознался-таки.

— Гдѣ же?

— Въ Питерѣ, отъ барона...

— Отъ какого барона?

— Этого я ужъ не могу сказать... Только вѣрно знаю, что отъ барона; а ужь какой баронъ — Богъ его вѣдаетъ... Сютаевъ у этого барона шесть лѣтъ

работалъ, монументъ дѣлалъ... А теперь-то оказалось, что баронъ-отъ—нигилистъ!

— Какъ же это оказалось?

— Люди говорятъ. Доказать этого, разумѣется, нельзя... Слышалъ я только, что этотъ баронъ Евангелія разсылаетъ по деревнямъ.

— А есть ли послѣдователи у Сютаева?

— Какъ не быть!... На худое-то у насъ всегда много охотниковъ. На доброе-то нѣтъ, а на худое—всегда!... Теперь такъ можно сказать, что вся деревня Шевелино погибаетъ, — вся заразилась его лжеученіемъ. Никто почти и на исповѣдь не ходитъ... Прежде эта деревня самая лучшая была по усердію къ церкви, первая можно сказать изо всего прихода, а теперь стала послѣдней... Въ нынѣшнемъ году изъ всей деревни всего-на-все два человѣка на исповѣди были: двѣ старушки -- больше никого... Съ крестомъ въ праздникъ придешь, почти никто и не молится... Бросятъ тебѣ пятнадцать или двадцать копѣекъ,—какъ бы отвязаться поскорѣе... А другіе и вовсе не принимаютъ съ иконами, а коли и примутъ, такъ сами наровятъ уйти изъ избы-то куда нибудь на это время, пока пропоешь, что слѣдуетъ... И не смотрятъ, и не глядятъ на священника-то...

Затѣмъ батюшка, по моей просьбѣ, перечислилъ всѣ тѣ семейства, которыя, по его мнѣнію, приняли ученіе Сютаева. Въ этомъ перечисленіи ему не мало помогала матушка-попадья, сидѣвшая въ другой комнатѣ и оттуда подсказывавшая батюшкѣ имена и фамиліи отступниковъ отъ церкви. Но при всемъ этомъ батюшка могъ назвать только восемь семействъ, члены которыхъ, по его увѣренію, всецѣло приняли ученіе Сютаева. Семейства эти распредѣляются между тремя деревнями: Шевелиномъ, Удальцовымъ и Запольемъ.

— Онъ хотѣлъ было и у насъ въ Яконовѣ свою ересь завести, — повадился сюда ходить... Есть тутъ одна вдова и у ней сынъ молодой мужикъ, и мужикъ хорошій... Къ нимъ-то онъ и зачастилъ, и зачастилъ... И что же?—вѣдь онъ этого мужика совсѣмъ было съ толку сбилъ, да и старуха-то да-сдури на старости лѣтъ приняла его ученіе... Задумали уже бросить село и ѣхать въ Шевелино, чтобы тамъ, значитъ, жить всѣмъ вмѣстѣ, устроить этакое... все общее, въ родѣ какъ... въ родѣ — эхъ, забылъ слово-то!— вотъ въ газетахъ пишутъ... Эхъ, чтобъ ему!...

— Коммуна, что ли?

— Вотъ, вотъ, вотъ, она самая!... Ну-съ, хорошо. Пришелъ онъ какъ-то разъ сюда великимъ постомъ и сидитъ у вдовы... Народъ и говоритъ: «Пойдемъ, ребята, Сютаева слушать, — что онъ тамъ проповѣдуетъ?»—Приходятъ въ избу. А онъ сидитъ да свинину ѣстъ,—это ему нарочно на закуску дали.

— Къ водкѣ, что ли?

— Нѣтъ, водку они за грѣхъ считаютъ. Окромя чаю ничего не пьютъ... Какъ увидѣли мужики свинину,—«бей, говорятъ, его, ребята,—что это онъ постовъ не соблюдаетъ?!...» Вытащили его изъ избы и давай лупить, и давай тузить, кто во что!... Смѣху тутъ было. Ха-ха-ха!... «Крестись!—говорятъ ему,— крестись, такой-сякой!» А онъ упирается, не хочетъ креста положить... Они вѣдь кресту не вѣруютъ: «въ душѣ, говорятъ, долженъ быть крестъ, въ сердцѣ...» Хорошо. Притащили его къ ручью. Можетъ запримѣтили на выгонѣ ручей у насъ?... Глубокій, большой ручей... А стояла ростопель, — ручей шумитъ, вода такъ и хлещетъ... Притащили его къ водѣ. «Крестись, — говорятъ, — такой-сякой, а не то—въ воду!...» И начали его въ воду окунать .. Онъ рвется отъ нихъ, а они его въ воду, а вода-то холодная...

Онъ брыкается руками, ногами, а креститься—каналья—не хочетъ... Народъ-отъ смотритъ, помираетъ со смѣху, хохочетъ....

Батюшка совсѣмъ развеселился.

— Съ тѣхъ поръ полно сюда ходить,—ш-а-а-батъ,—какъ рукой сняло!... Это, какъ-то на Пасхѣ, былъ я съ иконами въ Шевелинѣ. Иду по деревнѣ, а Сютаевъ у воротъ стоитъ.—«Что, говоритъ, сборщики, ходите?...» Вѣдь каковъ грубіянъ!...—«Нѣтъ, молъ, мы не сборщики: мы—видишь съ чѣмъ—со святыми иконами».—«Зайди ко мнѣ поговорить».—«Нѣтъ, говорю, лучше ты къ намъ въ Яконово приходи... Помнишь, молъ, какъ тебя поучили тамъ? Каково выкупали-то? Здорово, небось, а? Ха-ха-ха!... Помнишь, говорю, али забылъ?... Приходи, такъ, молъ, еще не такъ выкупаютъ!...» Ему не полюбилось, отвернулся и говорить не сталъ...

И батюшка снова смѣялся тѣмъ тихимъ, довольнымъ смѣхомъ, какимъ смѣются люди при воспоминаніи о чемъ нибудь очень пріятномъ, отрадномъ.

— Правда, что Сютаевъ не запираетъ своего имущества и что у него совсѣмъ нѣтъ замковъ?

— Нѣтъ, теперь онъ эту самую глупость ужъ оставилъ,—запираетъ, а прежде, дѣйствительно, никакихъ замковъ у него не было, все было открыто...

— Отчего же онъ сталъ запирать?

— Красть стали... Сначала баба въ амбаръ залѣзла... Баба-то, правду сказать, зашибаетъ, захотѣла опохмѣлиться, а гдѣ взять? Знаетъ, что у Сютаева все настежъ,—ну, и идетъ туда. Забралась въ амбаръ, набрала двѣ мѣрки ржи да и въ кабакъ. А за ней и другія повадились... Заперъ, небось...

— Не знаете ли вы, изъ-за чего распалась община, которую устроили было сютаевцы?

— Съ Луневымъ поссорились... Изъ-за этого и

распалась. Луневъ жилъ исправно, торговалъ хорошо, деньжонки имѣлъ и вдругъ все оставилъ: это его Сютаевъ совратилъ. И вѣдь черезъ него Луневъ чуть всего не рѣшился, право! Онъ его до сумы чуть не довелъ... Ну, только жена его поддержала. А теперь онъ и самъ за умъ взялся: «нѣтъ, говоритъ, полно тебя слушать»,—и, кажись, опять началъ поторговывать полегоньку... Теперь у Сютаева большая дружба съ Ильей Ивановымъ, и хоть они вмѣстѣ не живутъ, однако я слышалъ, что у нихъ все сообща, все общее. Жена Ильи разсказывала мнѣ, что какъ-то Сютаевъ пришелъ къ нимъ и говоритъ: «дай, братъ, мнѣ телку,—нужна, молъ, мнѣ». А тотъ, Илья, и говоритъ: «что-жъ, братъ (у нихъ все *братъ*—любимое слово), обирай коли нужна», и пошелъ за телкой. Только тутъ жена вступилась.— «Съ чего, говоритъ, тебѣ телку? Я поила-поила, да и отдай? Да ни за что, говоритъ, ни въ жисть не отдамъ! Ишь что выдумали...» Такъ и не дала. Отъ этого больше у нихъ и раздоръ-отъ идетъ въ домѣ.

— Говорятъ, Илья жестоко обращается съ женой... Можетъ-быть, онъ бьетъ ее?

— Нѣ-ѣтъ, этого у нихъ нѣтъ... Ка-акже, вѣдь они все-таки того... по духу... Хе-хе-хе! Она часто ко мнѣ ходитъ, жалуется, только о битьѣ никогда слова не говаривала.

— На что же она жалуется?

— Тѣснитъ, говоритъ: иконы всѣ перекололъ, молиться стало не на что. Все неудовольствія... Опять же на счетъ постовъ. *Они* не разбираютъ: среда ли, пятница ли, чистый ли понедѣльникъ,— для нихъ все равно. У нихъ круглый годъ масляница, каждый день молоко... А она этого не можетъ. Вотъ у нихъ и идетъ раздоръ.

— На какомъ же основаніи они отрицаютъ посты?

— Гм... основаніе!... Захотѣли вы тоже отъ этихъ людей основаній! Одно они толкуютъ: у Бога, молъ, всѣ дни одинаковы: что суббота, то пятница—все равно; значитъ—ѣшь что хочешь! Тогда постись, когда нѣтъ ничего... Вотъ они такъ-то обо всемъ разсуждаютъ. Все-то есть нелѣпо, все нелѣпо... Кто понимаетъ, тотъ и говорить-то съ ними не станетъ.

— Что, они грамотны, или нѣтъ?

— Сютаевъ съ грѣхомъ пополамъ читаетъ, а Илья—тотъ ничего не смыслитъ. Однако книги тоже имѣетъ... ка-акже! Жена разсказывала: возьметъ, говоритъ, въ руки Евангеліе, развернетъ его и смотритъ, смотритъ, какъ будто понимаетъ что,—перелистываетъ, а самъ вѣдь ни аза въ глаза не знаетъ!... Вздохнетъ, говоритъ, и опять на полку положитъ, какъ будто и начитался... Просто смѣхъ съ ними!... Смѣхъ и горе.

Батюшка помолчалъ.

— Да и то надо сказать, что отъ этихъ самыхъ книгъ не малый вредъ идетъ въ народѣ.

— Какъ такъ?—изумился я.—Отъ какихъ книгъ?

— Отъ Евангелій, отъ этихъ самыхъ дешевыхъ изданій, отъ Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Кабы они могли понимать, что къ чему значитъ въ словѣ Божіемъ, тогда такъ, а то вѣдь они все посвоему, все превратно понимаютъ, все вкривь... Вотъ поэтому ко вреду все и идетъ... Ужъ я, грѣшный человѣкъ, когда случится, отбираю у нихъ эти самыя книжки-то. «Дай-ка, молъ, мнѣ почитать,—я что-то этакого-то не видѣлъ...» А у меня ихъ пятнадцать штукъ!... Возьму да и оставлю у себя,—соблазну меньше... Да, большое зло отъ этой сек-

ты... И она не выведется такъ... Что-жъ!... Преслѣдованій на нее никакихъ нѣтъ, никто ихъ хорошенько не пугнетъ, — вотъ они и колобродятъ... Да-а, безъ правительства ее не искоренить...

— Какія же мѣры, по вашему мнѣнію, слѣдовало бы предпринять относительно этой секты?

— Гражданская власть можетъ скорѣе прекратить... Писалъ я объ этомъ преосвященному, а онъ отписываетъ: «словомъ, говоритъ, Господнимъ, убѣжденіемъ...» Словомъ Господнимъ!... Да вѣдь это легко говорить тому, кто не знаетъ. А попробуйка на дѣлѣ, такъ и увидишь, что словомъ-то Господнимъ ничего не подѣлаешь съ этими народами... Да, ничего не прекратишь съ «убѣжденіемъ»-то... Назначили благочиннической совѣтъ «для увѣщанія»... Пріѣхалъ благочинный, священники... Привезли Сютаева, семейныхъ его, еще кой-кого... Что же? Часа три съ ними бились, а толку никакого. Каждый свое, кто во что гораздъ... Пришли всѣ съ книжками—съ Евангеліями... Бабенки—и тѣ какъ кричатъ—бѣда! Благочинный ихъ увѣщеваетъ, а они и слушать его не хотятъ, кричатъ: «мы теперь новая тварь, обновленная тварь. Прежде блуждали, теперь познали...»

— Обращался я какъ-то къ помощнику исправника. Зачѣмъ, говорю, вы дозволяете въ подпольѣ хоронить? Сютаевцы хоронятъ гдѣ попадется: на огородѣ, въ избѣ подъ полами,—для нихъ все равно... Послали урядника. Тотъ пріѣхалъ, чаю у Сютаева попилъ, взялъ съ него десять рублей, да съ тѣмъ и уѣхалъ. А начальству доноситъ, что искалъ тѣла, но ничего подозрительнаго не отыскалось... Ну, слыхано ли дѣло, чтобы тѣла не найти? Вѣдь это не иголка. Какой же онъ послѣ этого урядникъ? Какъ же начальство-то не вникнетъ въ это дѣло?...

Ну, возьми мать: она должна знать, гдѣ дите схоронено... Взять ее, засадить, давать ей только что бы не околѣла съ голоду!... Небось, скажетъ... Нѣтъ, это что?—Поблажки!... У меня бы она заговорила! Дали бы мнѣ жезлъ власти, какъ примѣрно становымъ, такъ я бы живо открылъ, я бы раскопалъ, я... я бы имъ показалъ!... Я. . я...

И въ сильномъ раздраженіи батюшка снова берется за кисетъ, снова начинаетъ крутить «цыгарку» на этотъ разъ еще болѣе дрожащими руками... Я начинаю прощаться *).

---

*) Долгомъ считаю сдѣлать здѣсь оговорку, что вскорѣ по напечатаніи настоящаго очерка, священникъ, описанный въ немъ, былъ уволенъ отъ должности и на мѣсто его назначенъ новый, молодой и—какъ писали тогда—образованный и доброй нравственности.

V.

Первыя знакомства.

На другой день моего пріѣзда въ Повѣдь въ этомъ селѣ былъ какой-то мѣстный праздникъ и вмѣстѣ базаръ. Устроившись на новой квартирѣ, я зашелъ къ Ивану Зиновеичу. Вся семья сидѣла за самоваромъ и усердно занималась чаепитіемъ. Кромѣ своихъ тутъ было нѣсколько человѣкъ гостей, дальнихъ родственниковъ, пріѣхавшихъ въ Повѣдь на базаръ и праздникъ.

Иванъ Зиновеичъ разсказывалъ объ Ильѣ Ивановѣ.

— Урядникъ его спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты, Илья Ивановъ, образа раскололъ?» — А онъ говоритъ: «я имъ молился-молился, они меня не милуютъ, я взялъ да и раскололъ ихъ, а сынъ въ печку бросилъ».

При этомъ разсказѣ одни разсмѣялись, другіе же, большинство, сурово-неодобрительно покачивали головами. Но въ хозяйкѣ, женѣ Ивана Зиновеича, разсказъ этотъ видимо взволновалъ всю жолчь.

— Ишь какой богохульникъ! — горячо загово-

рила она,—ишь!... Нѣтъ, эту вѣру надоть прекратить, а то бѣда... Избави Богъ,—и она посматривала на всѣхъ, ожидая поддержки.

Однако никто не спѣшилъ становиться на ея сторону, и Иванъ Зиновеичъ своимъ всегдашнимъ тономъ «полированнаго» человѣка мягко замѣчаетъ:

— Не наше дѣло, матушка!... Это ужъ начальству виднѣе.

Онъ, какъ и большинство нашихъ мужиковъ, не долюбливаетъ, когда жена слишкомъ рѣзко и самостоятельно выступаетъ въ какомъ-нибудь важномъ, серьезномъ дѣлѣ.

— Насильно, матушка, никого не спасешь,— внушительно заявляетъ одинъ изъ гостей.

— Онъ (Сютаевъ) какъ быть худого ничего не производитъ. Все старается какъ ни на есть лучше, чтобы все, значитъ, по правдѣ было... въ мирѣ, въ согласіи.

— Это вѣрно, онъ правды желаетъ, правды добивается.

— Какая тутъ правда, коли человѣкъ креста не несетъ! — возмущалась хозяйка. — Спроси ты его: есть ли у него крестъ-отъ за пазухой? Вѣдь у него нѣтъ креста-то!

Но Иванъ Зиновеичъ и тутъ не сдался.

— Да это што,—снова началъ онъ своимъ примирительнымъ тономъ.—Не надо этого говорить: мало ли людей креста не носятъ, а законъ все же исполняютъ. Это што! Не въ энтомъ сила.

Эти доводы однако нисколько не убѣждали его жены,—она не унималась.

— Дядя Михайла разсказывалъ,—повѣствовала она,—что это, говоритъ, Василій Кирилловичъ у тебя иконъ-то нѣтъ въ избѣ? Божница-то говоритъ, никакъ пустая стоитъ?—«Были говоритъ, иконы-то

много было, да всѣ, говоритъ, признаться, вылиняли»?

— Хозяйка съ негодованіемъ оглядѣла всѣхъ присутствовавшихъ. — Я дивлюсь, какъ у него языкъ-то не отсохнетъ. Вылиняли!... Вѣдь этакое слово сказалъ!

Она на минуту остановилась, чтобы разлить чай въ чашки, которыя ежеминутно опоражнивались гостями: но, покончивши съ чаемъ, тотчасъ же снова разразилась:

— Великимъ постомъ говядину трескаетъ!.. Дивлюсь, какъ у него брюшина-то не лопнетъ!

Въ сущности это была женщина необыкновенно добрая, внимательная, даже, если хотите деликатная; вообще она была крайне словоохотлива и говорлива, но ея болтливость всегда была самаго безобиднаго и добродушнаго свойства... А тутъ вдругъ—негодованіе, жолчь, чуть не свирѣпость. Ясно, что вопросъ, о которомъ шла рѣчь, затрогивалъ больное мѣсто.

На этотъ разъ она даже не замѣчала или вѣрнѣе не хотѣла замѣчать косыхъ, недовольныхъ взглядовъ своего мужа, котораго вообще замѣтно побаивалась и который давно уже поглядывалъ въ ея сторону, какъ бы желая сказать: «полно тебѣ, прикуси языкъ-то,—не твоего ума тутъ дѣло».

— Мы почитай что сусѣдями будемъ съ Шевелинымъ,—началъ одинъ изъ гостей, хранившій до тѣхъ поръ молчаніе.—Видимъ *его* жисть...

— Ну, и что же?—спросилъ я.

— Ва-а всемъ поступаетъ какъ слѣдыть быть, то-есть какъ нельзя лутче дѣлаетъ. Одно худо...

— Что такое?

— Иконы нарушилъ, посты нарушилъ. Кабы не

ого, прямо сказать—первый бы человѣкъ былъ по жизни.

Я спросилъ, начитанъ ли Сютаевъ и каково онъ говоритъ.

— Говоритъ онъ... одно слово—четко говоритъ и отъ Святаго Писанія начитанъ въ избыткѣ, можно сказать.

— Резонисто говоритъ,—авторитетно подтвердилъ «сусѣдъ».

Не желая откладывать въ дальній ящикъ, я рѣшилъ въ тотъ же день начать свое знакомство съ сютаевцами и на первый случай выбралъ Илью Иванова. Отъ Повѣди до Удальцова, гдѣ живетъ Илья, какъ я уже замѣтилъ, не болѣе трехъ верстъ. Дорога веселая и красивая: по высокимъ зеленымъ берегамъ рѣчки Повѣди густо разбросались деревеньки: Житниково, Головорѣзово, Удальцово и проч. Мѣстность привольная, слегка холмистая, поля смѣняются рощами и перелѣсками. Бѣлая повѣдская церковь, стоящая на высокомъ берегу Повѣди, ярко свѣтлѣется далеко во всѣ стороны. Кругомъ, куда ни посмотришь, всюду сочная, свѣжая, весенняя зелень, кажется, такъ вотъ и прыскаетъ изъ земли.

Я иду по гладкой, ровной дорогѣ, что желтоватою полоской перерѣзываетъ зелень луговъ и полей и змѣйкой бѣжитъ по холмамъ. День выпалъ теплый и хотя бѣловатыя тучевыя облака по временамъ набѣгаютъ цѣлою гурьбой и закутываютъ солнце, но вскорѣ снова проносится и снова синее небо привѣтливо сверкаетъ съ вышины и солнце снова таетъ въ огненныхъ снопахъ своихъ лучей.

Вотъ и Удальцово. На бревенчатомъ углу избы виситъ бѣлая дощечка, на которой черными буквами написано: «сельскій староста». Я подхожу къ избѣ

и осторожно, какъ это обыкновенно дѣлаютъ странники, стучу палкой въ ставень.

— Хозяйка, а хозяйка!

— Кто тамъ? Чаво ты?—послышались вопросы и нѣсколько женскихъ лицъ показалось въ окнахъ.

— Нельзя ли молока испить?

— Молока-то?.. Да, вишь, топленаго-то нѣтъ.

— Да мнѣ топленаго и не надо. Небось съ устоемъ есть?

— Какъ не быть... Ну, что же, ступай въ избу.

Я, разумѣется, не заставилъ себя ждать. Вхожу. Самая обыкновенная крестьянская изба; вся обстановка ясно доказываетъ, что владѣлецъ этой хаты отнюдь не можетъ похвалиться своимъ достаткомъ. Голыя, темныя, бревенчатыя стѣны, лавки вокругъ, огромная закоптѣлая печь, низкія палати, съ которыхъ въ одномъ мѣстѣ свѣсилась пола стараго, грязнаго полушубка; маленькія окна съ зеленоватыми стеклами. Но есть въ этой хатѣ одна особенность, которая невольно бросается въ глаза и поражаетъ каждаго входящаго въ эту избу: это—полное отсутствіе иконъ. Правда, въ переднемъ углу, гдѣ всегда ставятся иконы, виднѣется большая полка, но на ней нѣтъ ни одной иконы; вмѣсто нихъ тутъ лежитъ нѣсколько книгъ.

На лавкахъ, идущихъ вдоль стѣнъ, сидятъ двѣ красивыя молодухи, хозяйка, пожилая, высокая баба, одѣтая вся въ темномъ и повязанная чернымъ платкомъ, и самъ Илья Ивановъ. Одна изъ молодухъ, какъ послѣ оказалось, была Домна, дочь Сютаева, вышедшая замужъ за сына Ильи Иванова, другая—гостья, сосѣдка. На широкой скамейкѣ, приставленной сбоку печки, сидитъ дряхлая-предряхлая старуха, мать Ильи Иванова: она сидитъ, спустивши ноги къ полу и прислонивъ туловище и голову на

груду грязнаго тряпья, замѣняющаго ей подушку. Вся высохшая, сморщенная, съ слабыми, трясущимися членами, полуглухая, полуслѣпая, она походила скорѣе на какую-то замогильную тѣнь, чѣмъ на живаго человѣка; казалось, въ этомъ, высохшемъ, какъ мумія, тѣлѣ не оставалось болѣе ни одной капли живой крови. По временамъ она приподнимала голову, дрожавшую на тонкой, морщинистой, худой шеѣ, неподвижно вперяла то на одного, то на другого изъ насъ свои тусклые, слезящіеся, съ красными орбитами глаза и издавала какіе-то странные, стонущіе звуки. Богъ вѣсть что означали эти звуки; сначала мнѣ казалось, что она хотѣла выразить этими стонами ужасъ, который, по всему вѣроятію, должны были вызывать въ ней вольнодумныя рѣчи ея сына; но затѣмъ я убѣдился, что это— не то; скорѣе всего эти стоны были просто жалобами на судьбу, пославшую столь долгую жизнь, что она обратилась, наконецъ, въ тяжкое бремя. Жутко было смотрѣть на этотъ заживо разлагающійся организмъ.

Самъ Илья Ивановъ—высокій, крупный, широко-костный человѣкъ. Меня поразилъ цвѣтъ его лица—блѣдный, чуть не матовый, съ легкимъ землистымъ оттѣнкомъ; такія лица бываютъ у людей, которыхъ долгое время держатъ въ тюрьмѣ, безъ свѣжаго воздуха, безъ движенія. Очевидно, прежде онъ былъ брюнетъ; но теперь обильная сѣдина густо забѣлила волоса и особенно окладистую бороду и необыкновенно большія брови. Съ блѣднаго лица вдумчиво и нѣсколько грустно смотрятъ большіе, выразительные глаза; на лбу глубокія морщины. Движенія его медленны, лицо серьезно, въ общемъ вся фигура весьма внушительна.

Поздоровались; меня попросили сѣсть къ столу. Вскорѣ передо мной появилась корчажка съ густымъ,

цѣльнымъ молокомъ и деревянная ложка, носившая несомнѣнные слѣды долгаго употребленія. Затѣмъ предложили, не нужно ли хлѣба, соблазняли «мягкимъ караваемъ»; все это дѣлалось и предлагалось какъ-то особенно радушно, любовно.

Разговоръ шелъ о только-что оконченныхъ посѣвахъ. Но затѣмъ незамѣтно и мало-по-малу перешелъ на вѣру, церковь и священниковъ. Сколько помнится, началось съ праздниковъ. Жена Ильи укорила мужа, что онъ праздниковъ не почитаетъ, въ праздники работаетъ.

— Въ работѣ грѣха не бываетъ, — возразилъ Илья.—А такихъ праздниковъ, чтобы напиться, наѣсться—я не почитаю. Въ праздники нужно добрыя дѣла творить, бесѣдовать, совѣтовать. А мы вина накупимъ, напьемся. Споръ, ругань... Пересужаемъ другъ дружку, скверныя пѣсни...

— У васъ никакъ иконъ-то нѣтъ?—спросилъ я, взглянувъ въ передній уголъ.

Всѣ вдругъ замолчали, а Илья Ивановъ коротко проговорилъ: «Нѣту... Не держимъ».

Домна, которая, сидя на лавкѣ, вполголоса переговаривалась о чемъ-то съ гостьей, вдругъ смолкла.

— Ты въ избу-то вошелъ, небось креста не положилъ,—посмѣиваясь, сказала она мнѣ,—а тоже икону спрашиваешь!..

Я только-что хотѣлъ ей возразить, но меня перебила жена Ильи. Она вдругъ заговорила порывисто, спѣша, и въ тонѣ ея голоса ясно слышались и прорывались то раздраженіе, то насмѣшка.

— И хотѣлъ бы перекреститься, да не на што! Можетъ и хотѣлъ бы помолиться, да не кому, — уголъ-то пустой стоитъ .. Ни одной-то святой иконы нѣтъ во всемъ домѣ. . На што намъ иконы? Какая отъ нихъ польза есть? Мы ихъ лутче на истопку

изведемъ, по крайней мѣрѣ дровамъ замѣна... А иконы намъ не нужны,—на што онѣ?!

Все время, какъ говорила жена, горькая улыбка бродила по лицу Ильи. Но онъ и не думалъ перебивать ее; когда же она замолчала, онъ началъ:

— «Поклонитесь единому Богу... *Единому* Богу», сказано въ Писаніи, — медленно, съ чувствомъ произнесъ онъ. — А народъ-то иконы зоветъ Богами... Покланяется имъ. . Чаетъ отъ нихъ защиту себѣ получить... Сколько у нихъ боговъ-то, подумаешь... Это ужь прямо идолопоклонство выходитъ. Въ Писаніи сказано: «деревянные, каменные, серебряные—не боги, а идолы».

— Когда это мы Писанію-то обучились?—перебила жена.—Кажись, аза въ глаза не знали, а тоже о Писаніи разсуждаемъ... Всѣ люди, выходитъ, вишь глупѣе насъ: всѣ иконамъ покланяются, одни мы не хотимъ... Этакіе мы особенные, ужь видно и въ правду умнѣе насъ на свѣтѣ нѣтъ... Всѣ въ церковь ходятъ, а мы не хотимъ... Зачѣмъ туда идти? Тамъ зло,— передразнивала она кого-то.

— Да што такое церковь-то?... Ты объ этомъ-то посуди.

— А по-твоему што? — вызывающимъ тономъ перебила жена.

— Человѣкъ—вотъ что! Люди. Въ насъ самихъ церковь-то... А ты какъ думала? Мы сдѣлали церковь-то вертепомъ: идоловъ тамъ наставили, торгуемъ въ ней... А не для торговли она дадена, а для праведности, чтобы любовь въ ней была... А у насъ у всѣхъ корысть, а у священниковъ-то вдвое.

Жена вступилась за священниковъ.

— Ты пить-ись хочешь, а имъ, небось, голодомъ жить? Надо и имъ какъ ли питаться... У нихъ расходу-то, можетъ, побольше твово... Пословица го-

воритъ: купецъ — торгомъ, мужикъ — горбомъ, а попъ—горломъ... Всякому свое.

— Видно, ты, Авдотья, забыла, какъ лонись батюшка-то о прибыткахъ своихъ говорилъ?... Кажись, при тебѣ разговоръ-отъ былъ. «Вотъ, говоритъ, у меня подрядчикъ,—а самъ на крестъ указываетъ,—не надо его лучше: махну имъ, и есть двадцать копѣекъ!»

Домна и гостья смѣялись.

— Какъ шибай кнутомъ,—продолжалъ Илья,—все равно и попъ крестомъ... Стало-быть они слѣпые вожди, стало-быть надо оставить ихъ, не ходить слѣдомъ за ними, — тутъ добра не будетъ: слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму упадутъ.

Всѣ молчали; только хозяйка что-то бормотала про себя.

— Безъ покаянія человѣку спасенія не будетъ,— слышалось по временамъ.—Другихъ осуждаемъ, а сами закона не исполняемъ. Ты скажи лучше, давно ли ты на исповѣди-то былъ? Чай, забылъ ужъ.

— Давно не былъ, что и говорить... Да дастъ Богъ и совсѣмъ не пойду. А отчего? Я тебѣ скажу,— обратился Илья ко мнѣ.—Не говѣлъ я какъ-то, за недосугомъ больше, хоть и въ ту пору въ мысляхъ-то у меня ужъ пошло энто сумленіе. Годъ не говѣлъ и другой не говѣлъ. Священникъ и пристаетъ: «Чего ты, говоритъ, къ исповѣди не идешь? Безъ покаянія, братъ, не спасешься, говоритъ, не думай, а душу, говоритъ, безпремѣнно загубишь, коли на исповѣдь не сходишь. Прямо, говоритъ, въ огнь кромѣшный уготоваешь».—Да вотъ, говорю, батюшка, недосугъ все, ужо соберусь. — «А мы за васъ, говоритъ, отвѣтъ должны держать и передъ Богомъ и передъ начальствомъ. Начальство-то, говоритъ, вѣдь тоже о васъ попеченіе имѣетъ: отчего говоритъ,

такой-то Илья Ивановъ въ исповѣдной не записанъ, а? Вотъ тутъ и отвѣчай, говоритъ, за вашего брата... А было бы ише за што. Ты не придешь на исповѣдь, другой не придетъ; ты ничего не принесешь, другой не принесетъ, а вѣдь мы энтимъ только и живемъ». Вижу я, куда это онъ клонитъ-то, и говорю ему: Ну, што же, батюшка, извольте, молъ, получить съ меня, я, дескать, не прочь,—и даю ему двадцать копѣекъ. Онъ сейчасъ мягче сталъ и говоритъ:—«Ладно, братъ, я тебя запишу, что молъ былъ у исповѣди... не безпокойся, говоритъ». И пошелъ дальше. Только я этакъ остановилъ его маненько да и говорю:—«Стало-быть, батюшка, я теперь получилъ прощеніе въ грѣхахъ своихъ? Душу-то свою теперь ужъ я не погублю, стало-быть?»—Онъ какъ глянетъ на меня, смотрѣлъ-смотрѣлъ, погрозилъ этакъ пальцемъ и говоритъ:—«Ты смотри у меня, того... не заговаривайся больно! А не то, говоритъ, я найду на тебя расправу!» И пошелъ. Съ энтихъ самыхъ поръ я ужъ больше не хожу на исповѣдь. Богъ съ ними!

— Хоть то хорошо, что не дорого берутъ за спасеніе-то: всего-то двадцать копѣекъ,—говорила, смѣясь, Домна.

— Ужъ чего дешевле!—вторила ей гостья. Но она сейчасъ же спохватилась.—Охъ, согрѣшила я съ вами!—и стала собираться домой.

Старуха, мать Ильи, вдругъ заохала, застонала. На этотъ разъ въ ея стонахъ можно было явственно разслышать слова:—«Смерти... смерти Богъ не даетъ».

Обыкновенно положеніе такихъ старухъ и стариковъ въ крестьянской семьѣ весьма незавидное; семья всегда тяготится ими, такъ какъ они требуютъ за собой слишкомъ много ухода. Намъ случалось

даже нерѣдко встрѣчать случаи замѣчательно безсердечнаго отношенія родной семьи къ своимъ одряхлѣвшимъ сочленамъ. Но,—съ удовольствіемъ отмѣчаемъ это,—ничего подобнаго не встрѣтили мы здѣсь, въ семьѣ Ильи Иванова: напротивъ, какъ онъ самъ, такъ и его жена да и остальные члены семьи относились къ этой развалинѣ-старухѣ съ полною заботливостью и вниманіемъ, вслушивались въ ея стоны и старались угадать ея желанія.

Старуха, наконецъ, успокоилась и разговоръ снова возобновился. Авдотья, жена Ильи, снова начала толковать объ иконахъ, настаивая на томъ, что «нигдѣ не показано, чтобы рубить да колоть иконы на дрова».

— Нигдѣ не показано, чтобы и поклоняться иконамъ,—возражалъ мужъ.—Ты вѣришь попамъ, а слову Господню не вѣришь, Евангелію не вѣришь.

— Сютаевскому евангелію не вѣрю,—съ насмѣшкой говорила Авдотья,—да и вѣрить избави Богъ.

— Сютаевскому!... Нешто его Сютаевъ писалъ? Евангеліе-то, братъ, одно для всѣхъ, — апостолы писали. Тамъ объ иконахъ-то прямо обозначено, не помню только твердо—гдѣ, въ какомъ мѣстѣ...

Онъ полѣзъ на полку, досталъ оттуда Новый и Ветхій Завѣтъ на русскомъ языкѣ и положилъ передо мной.

— Не знаешь ли ты,—спросилъ онъ меня,—гдѣ это показано, что деревянные и каменные—не боги?

Для меня было ясно, что онъ говоритъ о текстѣ, столь распространенномъ среди молоканъ, штундистовъ и тому подобныхъ сектантовъ, это именно—о двадцатомъ стихѣ девятой главы «Откровенія Іоанна».

— «Чтобы не поклоняться бѣсамъ и золотымъ,

серебрянымъ, мѣднымъ, каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, которые не могутъ ни видѣть, ни слышать, ни ходить» —сказалъ я наизусть. — Это что ли?

— Вотъ-вотъ, это самое!—повторялъ Илья. Онъ, видимо, былъ очень доволенъ и замѣтно расположился въ мою пользу.—Вижу я,—сказалъ онъ,—что ты въ Писаніи свѣдущъ. Поговори со мной о законѣ, сдѣлай милость! Какъ ты насчетъ крещенія полагаешь?...

По многимъ причинамъ я вовсе не желалъ на этотъ разъ высказывать своихъ взглядовъ какъ на разные частные религіозные вопросы, такъ и на православіе вообще (что неизбѣжно пришлось бы при подобной бесѣдѣ), а потому, на просьбу Ильи, отвѣчалъ ему такъ:

— Къ чему много говорить о законѣ? Вѣдь сказано, что весь законъ въ одномъ словѣ заключается: «люби ближняго твоего какъ самого себя» (Послан. къ Галат. гл. 5, стихъ 14).

Илья вдругъ поднялся съ мѣста. Глаза его свѣтились: взволнованное чувство слышалось въ голосѣ.

— Вотъ это самое!... Это самое завсегда говоритъ братъ Василій,—произнесъ онъ.—Эти самыя слова!

— Кто это братъ Василій?—спросилъ я.

— Василій Кирилловъ, шевелинскій, Сютаевъ. Вотъ что она смѣялась-то: евангеліе-то, говоритъ, сютаевское,—этотъ самый. Ахъ, кабы ему съ тобой увидаться!

Само-собой понятно, что я какъ нельзя болѣе былъ радъ такому обороту. Мы условились увидѣться на другой же день. Илья обѣщалъ отправиться въ Шевелино и привести ко мнѣ Сютаева.

— Будемъ, безпремѣнно будемъ за утро. Мотри, ожидай,—говорилъ Илья, провожая меня на крыльцо.

VI.

Сютаевское евангеліе.

За все послѣднее время мнѣ пришлось такъ много наслушаться о Сютаевѣ, что, признаюсь, не безъ нѣкотораго волненія ожидалъ я на другой день встрѣчи съ этимъ человѣкомъ.

Седьмой часъ утра. Хозяйка внесла самоваръ и «доложила», что пришли какіе-то люди, «должно изъ Удальцова», и спрашиваютъ меня.

— Веди, веди ихъ сюда!

Дверь отворилась и вошелъ Илья Ивановъ. За нимъ переступилъ порогъ маленькій, тщедушный человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, одѣтый въ суконный, потертый, съ узкими рукавами, туго застегнутый кафтанъ, изъ-подъ котораго виднѣлись синія, пестрядинныя порты и большіе, тяжелые, неуклюжіе сапоги; въ рукахъ онъ держалъ фуражку, какія обыкновенно носятъ въ городахъ рабочіе.

Все мое вниманіе сосредоточилось на этой маленькой, невзрачной фигурѣ и, признаюсь, что-то въ родѣ разочарованія, что-то въ родѣ обманутой надежды проскользнуло въ головѣ,—такъ эта фигура была обыденна, такъ заурядна. Во всей внѣш-

ности этого человѣка не было рѣшительно ничего сколько нибудь выдающагося, ничего экспрессивнаго, если можно такъ выразиться; ни въ его осанкѣ, ни въ его походкѣ, ни въ его манерѣ держать себя, ни во взглядѣ, наконецъ, его простыхъ, добрыхъ сѣрыхъ глазъ съ бѣлобрысыми бровями—не было ничего такого, что бы хотя сколько нибудь импонировало васъ,—ничего, что бы выдѣляло его изъ тысячи другихъ, подобныхъ ему, субъектовъ, составляющихъ сѣрую массу народную,—ничего, что бы говорило, что предъ вами стоитъ человѣкъ далеко не дюжинный, создатель особаго ученія, съ новыми, неслыханными въ этой средѣ, принципами, — создатель «новой вѣры», пропагандистъ и проповѣдникъ, увлекшій за собой сотни людей.

Не то рыжеватые, не то бѣлобрысые, рѣдкіе волосы, всегда слипшіеся, всегда чѣмъ-то смоченные, зачесаны на выпуклый лобъ. Худое лицо съ розовымъ оттѣнкомъ, съ тонкимъ, маленькимъ носомъ и двумя рѣзкими морщинами, идущими отъ угловъ рта, кончалось острымъ подбородкомъ, на которомъ торчала клиномъ, или вѣрнѣе мочалкой, небольшая, всегда скомканная, блѣдно-рыжеватая бороденка. На тонкихъ, сухихъ губахъ то появлялась, то снова исчезала какая-то особенная улыбка съ оттѣнкомъ грусти и горечи.

Они вошли, не крестясь; даже не взглянули на образа, висѣвшіе въ правомъ углу. Мнѣ показалось, что Илья Ивановъ былъ какъ-то особенно серьезенъ, сосредоточенъ, почти важенъ; въ то же время замѣтное, внутреннее возбужденіе сказывалось въ его движеніяхъ, въ его взглядѣ; не только лицо, но и губы его были совсѣмъ блѣдны.

Не безъ нѣкоторой торжественности представилъ онъ мнѣ своего учителя. Послѣ первыхъ привѣтствій

мы усѣлись за столъ и принялись за чаепитіе. Дорогой я слышалъ отъ кого-то, что сютаевцы, подобно нѣкоторымъ изъ старовѣровъ, отрицаютъ чай и считаютъ за грѣхъ пить его.

— Все это пустое! — заговорилъ Сютаевъ, и его обычная усмѣшка засвѣтилась въ глазахъ, расплылась по лицу. А у него была замѣчательная усмѣшка; обыкновенно въ ней проглядывало какое-то горькое, скорбное чувство, чувство сокрушенія, соболѣзнованія или, если хотите, «міровой скорби»; но, когда онъ начиналъ говорить о чемъ нибудь веселомъ, отрадномъ, когда онъ начиналъ подтрунивать, иронизировать надъ чѣмъ нибудь смѣшнымъ и нелѣпымъ, — тогда въ широкой усмѣшкѣ этого некрасиваго, обыденнаго мужицкаго лица появлялось столько добродушія, столько ясности, юмора и свѣта, что, глядя на него, ваше лицо совершенно невольно складывалось въ улыбку, а на душѣ у васъ становилось какъ-то особенно хорошо.

— У Бога все создано на пользу человѣка, — какой тутъ грѣхъ? Всякое произрастеніе — для человѣка: и чай растетъ, и хлѣбъ растетъ, и дубъ растетъ, и... и ленъ растетъ, — все растетъ, и все для человѣка.

— А водка?

— Што-жъ водка? — По-моему и въ водкѣ никакого грѣха нѣту. Напиваться — энто другое дѣло... А што бы выпить стаканчикъ, примѣрно, тутъ грѣха нѣтъ никакого.

— Отъ водки вредъ идетъ большой, — замѣтилъ Илья Ивановъ.

— Вредъ отъ всего идетъ — не отъ одной водки, а отъ всего, отъ всего... Захворалъ ты, къ примѣру, — дохтуръ тебѣ и хлѣба не дастъ, потому что отъ него вредъ, отъ хлѣба-то... Ужъ на што, кажись, хлѣбъ,

а нельзя, ни-ни... Хлебай одно молоко и дѣло съ концомъ... А отъ водки, случаемъ, люди исцѣленіе получаютъ... Въ питьѣ, да въ ѣдѣ душа мѣру должна знать, а грѣха въ нихъ нѣтъ никакого.

— Ну, а свинина какъ?... Неужто тоже не грѣхъ? — спросилъ я.

Меня интересовалъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ извѣстно, что даже такіе раціоналисты, какъ молокане, считаютъ большимъ грѣхомъ употреблять въ пищу свиное мясо.

— Для чистаго все чисто... И свинья на пользу идетъ. Коли въ мѣру, нѣтъ грѣха ни въ чемъ.

— Но, вѣдь, о свиньѣ, — возразилъ я, — прямо сказано въ Священномъ Писаніи, что хотя она и имѣетъ раздвоенное копыто, но жвачки не отрыгаетъ, а потому должна считаться нечистою.

Сютаевъ, улыбаясь, выслушалъ цитату.

— Энто гдѣ, бишь, сказано-то?—прищурившись, съ хитрымъ видомъ, спросилъ онъ.

— Въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ книгѣ Левитъ, глава 11-я,—отвѣчалъ я.

— Такъ... А что Спаситель сказалъ? «Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ»... Почитай-ка Матвѣя, 15-я глава, стихъ 11-й, почитай... Да и у Марка то же самое обозначено, да и у Луки то же самое. Стало-быть, што тутъ толковать!... Мы должны Спасителевымъ словамъ вѣрить... Въ одномъ мѣстѣ мнѣ свинины дали закусить, а дѣло-то великимъ постомъ было,—и я ѣлъ. Въ Евангеліи сказано: «и ежели придете въ какой городъ и примутъ васъ, ѣшьте, что вамъ предложатъ», и «ежели придете въ домъ, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть, и не переходите изъ дома въ домъ»... Евангеліе Луки, глава 10-я,

стихъ 7 и 8. Вѣдь *прямо сказано*, чаво же мы ипо хитрить будемъ?

— Стало-быть, по-твоему, и посты?...

— Одна наша глупость, больше ничего,— отвѣчалъ Сютаевъ, наливая себѣ въ чай молока. — Въ молокѣ нѣтъ грѣха, поэтому можно его хлебать и сегодня, и завтра, и завсегда, когда только захотѣлъ. Убивать -- грѣхъ, поэтому и сегодня грѣхъ убивать, и завтра грѣхъ, и завсегда грѣхъ .. Такъ и мясо, такъ и все... А у насъ малый ребенокъ заплачетъ, молока запроситъ,—мать сичасъ его въ голову— хлопъ! «Не знаешь, молъ, сегодня какой день-то?— Среда! Завтра дамъ, завтра —четвертокъ!»... Какой же это постъ?

— Но, вѣдь, и самъ Іисусъ Христосъ постился,— возразилъ я.

Это замѣчаніе однако нисколько не смутило Сютаева. Онъ отвѣчалъ (передаю лишь общій смыслъ его возраженій), что пощеніе І. Христа не имѣетъ ничего общаго съ постами, установленными православною церковью. Онъ, Сютаевъ, признаетъ, что совершенное воздержаніе отъ пищи (какъ дѣлалъ Христосъ) въ теченіе нѣкотораго времени можетъ быть иногда очень полезно для обузданія страстей и похотей человѣка. Но къ этому средству человѣкъ долженъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ, какъ это дѣлалъ и Христосъ, и притомъ лишь тогда, когда дѣйствительно является у него желаніе, извѣстное настроеніе и потребность въ обузданіи плоти. Считать же постомъ извѣстное, строго-опредѣленное число дней и недѣль, разъ навсегда, для всѣхъ заранѣе назначенныхъ — нелѣпо. Точно также нелѣпо считать постомъ дни, въ которые люди вмѣсто мяса и молока «набиваютъ себѣ брюхо картошкой, рѣдькой, да грибами».

Когда вопросъ о постахъ и объ ограниченіяхъ въ пищѣ и питьѣ былъ достаточно исчерпанъ, разговоръ, мало-по-малу, началъ направляться на болѣе существенныя, принципіальныя положенія ученія Сютаева.

Мнѣ не нужно было прибѣгать ни къ какимъ рѣшительно уловкамъ, чтобы вызвать откровенность и сообщительность Василія Кириллова. Достаточно было съ моей стороны заявить желаніе знать его ученіе, его толкованіе Евангелія, чтобы сразу же расположить его въ свою пользу и вызвать на разговоръ.

Я сказалъ, что читалъ о немъ въ газетахъ, очень заинтересовался его ученіемъ и вотъ нарочно пріѣхалъ къ нему, чтобы лично познакомиться съ нимъ, поговорить, потолковать и лично убѣдиться, насколько справедливы газетные толки объ его ученіи и жизни. Онъ уже прежде слышалъ, что въ газетахъ писали о немъ: сыновья его, живущіе въ Петербургѣ, присылали ему оттуда тѣ нумера газетъ, въ которыхъ были помѣщены извѣстія о немъ... Съ добродушной, довѣрчивою улыбкой слушалъ онъ меня; мнѣ показалось, что онъ былъ польщенъ тѣмъ, что, вотъ, человѣкъ, Богъ знаетъ откуда, пріѣхалъ нарочно только для того, чтобы повидаться и поговорить съ нимъ. Выслушавши меня, онъ съ разстановкой произнесъ:

— Господа пріѣзжаютъ къ намъ для оброка, али тѣлогдѣ убивши... А штобы для слова Господня — ни одинъ не пріѣдетъ, ни въ жисть! .. А вотъ ты пріѣхалъ.—дай тебѣ Господи!..

И мы разговорились и проговорили цѣлый день, такъ-таки буквально цѣлый день, съ семи часовъ утра и до вечера, вплоть до шести часовъ, до тѣхъ поръ, пока хозяйка, очевидно, потерявъ всякое тер-

пѣніе, вошла въ избу и, спросивъ: буду ли я обѣдать,—объявила, что «шти совсѣмъ простыли, а каша выгорѣла и засохла вся дочиста».

Съ этихъ поръ мы начали часто видаться съ Сютаевымъ: то онъ приходилъ ко мнѣ въ Повѣдь, то я ѣздилъ къ нему въ Шевелино. До встрѣчи съ Сютаевымъ я все боялся, что онъ, напуганный судами и преслѣдованіями, приметъ меня за чиновника и отнесется ко мнѣ недовѣрчиво и подозрительно. Но съ перваго же свиданія я убѣдился, что мои опасенія были напрасны. Мой пріѣздъ не возбудилъ въ Сютаевѣ и тѣни подозрительности, и онъ отнесся ко мнѣ какъ нельзя болѣе просто и вполнѣ довѣрчиво; даже деревенскіе слухи, сдѣлавшіе изъ меня на первыхъ порахъ какого-то соглядатая, чуть не шпіона, ни мало не испугали его.

— Люди говорятъ про тебя, што ты слѣдователь, — говорилъ мнѣ Сютаевъ. — А по мнѣ все равно, хто бы ни пріѣхалъ, хоть царь,—я принимаю всѣхъ... Думаю, што всякому нужно истину получить.

Съ полною готовностью вступалъ онъ въ пренія о вѣрѣ, о жизни, о церкви, откровенно и рѣзко разоблачалъ онъ всякаго рода «неправду», гнѣздящуюся, по его мнѣнію, въ церкви и въ жизни, и съ полною охотой, съ необыкновенною любовью развивалъ планъ того «устройства», которое непремѣнно должно явиться на мѣстѣ нынѣшнихъ «непорядковъ», чтобы даровать всѣмъ людямъ миръ и любовь.

Итакъ, послушаемъ сначала, что говоритъ Сютаевъ о церкви и каково его собственное ученіе о вѣрѣ, его «евангеліе», какъ, смѣясь надъ нимъ, называютъ его ученіе тѣ изъ мужиковъ и бабъ, которые остаются вѣрными приверженцами церкви.

— Никакой секты у насъ нѣтъ,—говоритъ Сю-

таевъ.—Мы желаемъ только быть «истинными христіанами».

— Въ чемъ же, по вашему, состоитъ истинное христіанство?

— Въ любви... Сказано, Богъ—любовь. Стало-быть, гдѣ любовь, тамъ и Богъ, а гдѣ любви нѣтъ, тамъ и Бога нѣтъ.

И затѣмъ обыкновенно слѣдуетъ указаніе на текстъ. «Весь законъ въ одномъ словѣ заключается» и т. д. (Посланіе къ Галатамъ, глава V, стихъ 14-й).

— Много разныхъ вѣръ на землѣ... Говорятъ, семьдесятъ семь вѣръ... Собрать бы всѣхъ вмѣстѣ отъ разныхъ вѣръ и сказать: «покажьте всякъ свою вѣру»,—штобы столковаться всѣмъ, штобы не было у тебя вѣры, у меня вѣры,—штобы не было раадору изъ-за вѣры... Вотъ, говорятъ, въ Москвѣ о вѣрахъ спорятъ. По-моему, энто—пустое дѣло!.. Вѣра одна: вѣра—любовь... Што тутъ спорить!

— Въ Св. Троицу вѣруете?

— Вѣруемъ.

— Что же это такое по вашему Троица?

— По-нашему энто, все равно, тоже любовь: Богъ-Отецъ—любовь, Іисусъ Христосъ училъ любви и Духъ Святой черезъ апостоловъ тоже училъ любви. Стало-быть, все энто—одна любовь.

— Говорятъ, вы ветхаго завѣта не признаете?

— Нѣтъ, мы признаемъ ветхій завѣтъ, потому что Спаситель пришелъ не нарушить законъ, а только пополнить... Но Евангеліе—выше всего Писанія, выше всѣхъ книгъ... Въ ёмъ Спасителевы слова...

Говоря о «Писаніи», Сютаевъ всегда прибавляетъ: «не много надо читать, но разсудить,—разсудить все надо, разобрать». Ни Сютаевъ, ни его ближайшіе послѣдователи ничего не слыхали объ

исправленіи патріархомъ Никономъ книгъ Священнаго Писанія. Въ ихъ глазахъ такъ-называемыя «старыя книги» не имѣютъ ровно никакого преимущества передъ «новыми».

— Со старовѣромъ какъ-то я говорилъ, — разсказывалъ Сютаевъ;—слушалъ онъ меня, слушалъ, а потомъ и говоритъ: «Нѣтъ у тебя истаго Бога!» — Какъ такъ нѣтъ? Отчего?—«Оттого, говоритъ, что у тебя креста нѣтъ». Сложилъ этакъ крестъ и говоритъ: «вотъ этотъ самый крестъ нуженъ,—безъ него спасенія человѣку нѣтъ... Да ишо, говоритъ, нужно старыя книги почитать». И началъ свою вѣру хвалить. Я ему и говорю: ты вѣру свою хвалишь, а огородъ, небось, дѣлишь—съ сусѣдями брань заводишь, ссору. Ты, вишь, богачъ, ты имѣнія-то, небось, награбилъ, да ишо грабишь.. Што же энто за вѣра?.. Любовь нужно сотворить, а што твои старыя книги?.. Вотъ новыя-то книги надоть пустить, штобы новую-то жисть устроить!

Уже изъ этихъ словъ можно видѣть завѣтную мысль Сютаева, главную, основную идею его ученія, его «евангелія». Все для жизни! Все для блага, для счастья человѣка!—вотъ та формула, которая невольно напрашивается изъ всѣхъ его рѣчей. Та или другая вѣра, то или другое ученіе, тѣ или другія книги тогда только и постольку именно и хороши, поскольку они служатъ водворенію между людьми любви, правды и мира. Умъ Сютаева одинаково чуждъ какъ суроваго, черстваго аскетизма, такъ и разныхъ стремленій и порывовъ въ туманную область мистицизма. Далѣе мы не разъ будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ самымъ положительнымъ образомъ.

Отсюда намъ будетъ понятно отношеніе Сютаева къ разнымъ установленіямъ, таинствамъ и обрядамъ

церкви; ко всему этому онъ относится строго-критически. Такъ, по его мнѣнію, при рожденіи ребенка ничего не нужно дѣлать, кромѣ простого омовенія, потому что ребенокъ въ это время не можетъ ничего сознавать. Крещеніе водою совсѣмъ не нужно. Сказано въ писаніи, что нужно *переродиться духомъ*. Это значитъ — умертвить грѣхи и «переродить свое сердце», т. е. сдѣлать его доступнымъ всему хорошему. А это возможно лишь тогда, когда человѣкъ уже разовьется и будетъ въ состояніи «познать истину».. И когда я предлагалъ Сютаеву пилатовскій вопросъ: что такое истина,—онъ обыкновенно, не колеблясь, отвѣчалъ: «Истина — въ любви, въ общей жизни».

Крещеніе, покаяніе, причащеніе, миропомазаніе, по ученію Сютаева, пустые обряды, которые не только никого изъ людей не останавливаютъ отъ грѣха и злыхъ дѣлъ, но, напротивъ, еще болѣе способствуютъ усиленію человѣческой грѣховности. Люди теперь постоянно грѣшатъ, постоянно нарушаютъ заповѣди Божіи, надѣясь, что все это имъ будетъ немедленно прощено, какъ только они сходятъ на исповѣдь и примутъ причастія.

Въ сущности же крещеніе—не что иное, какъ «умерщвленіе грѣховъ», покаяніе—значитъ «всегда въ добрыхъ дѣлахъ находиться», причащеніе—значитъ «святыя дѣла дѣлать». Когда мы миромъ помазываемся, должны миръ творить. А между тѣмъ въ жизни ничего подобнаго нѣтъ.

— А священство?—спрашивалъ я.

— Священники... это — вожди, духовные наставники и учителя. Они должны быть «святые, непричастные злу, непорочные, отдѣленные отъ грѣшниковъ и превознесенные выше небесъ» (Посланіе къ Евреямъ, глава VII, стихъ 26-й).

О бракѣ Сютаевъ говоритъ такъ:

— Бракъ значитъ — нужно жить брачно, въ любви... Мнѣ говорятъ: «Ты браку не признаешь».— Я не признаю только лживый бракъ: когда я дерусь, бранюсь, дѣлюсь, тогда нѣтъ браку, нѣтъ любви. А любви нѣту и—таинства нѣту!... Сказано, что, ежели при вѣнчаньи священникъ видитъ съ которой либо стороны неправду и вѣнчаетъ, онъ тяжко грѣшитъ. Они (священники) заповѣдямъ не научаютъ. Я женился, не зналъ заповѣдей, жена моя не знала: бранились, ссорились... Нужно научить заповѣдямъ,— тогда могутъ жениться и жить въ любви А теперь надѣваютъ вѣнцы и не знаютъ, какъ жить надо.

Я спросилъ Сютаева, какъ онъ выдалъ свою дочь за сына Ильи Иванова?

— И дочери, и жениху я все разсказалъ о любви... «Если вы это сохраните, то, значитъ, законъ Божій совершите; а не сохраните, прелюбодѣи будете... А больше всего почитайте всѣхъ людей за братьевъ и за сестеръ».

— Благословилъ ихъ?

— Нѣтъ... Благословенія никакого не даю.

— Отчего такъ?

— Прежде я сына благословлялъ, онъ въ Питерѣ жилъ. Послѣ узналъ, что сынъ ничего того не исполнялъ. Отчего?—Оттого, что заповѣдей, закону не зналъ, не былъ наученъ. А жениху и дочери я сказалъ: когда законъ Господень соблюдете, тогда и Господь васъ благословитъ, тогда и я благословлю. А малый-отъ (женихъ) до тѣхъ поръ жилъ въ Питерѣ на работѣ и сбился, началъ пьянствовать. Какъ бы его на путь наставить? Поговорили ему, женили; ему дочь моя по сердцу,—теперь живетъ хорошо. Вмѣстѣ въ Питерѣ съ моими ребятами живетъ. Ро-

дительскаго благословенія не просятъ теперь и живутъ хорошо; прежде просили и жили худо.

— Святыхъ вы признаете?

— Признаемъ. Сказано: «привѣтствуйте всѣхъ святыхъ». Нужно подражать ихъ жизни и дѣламъ.

На мой вопросъ: всѣхъ ли святыхъ они признаютъ,—Сютаевъ немного замялся и отвѣчалъ: «надо разсмотрѣть, што дѣлали святые, штобы ошибки не вышло». Но молиться святымъ отнюдь нельзя,—грѣхъ. Когда мы молимся святому, а не Богу, то этимъ самымъ мы какъ бы предпочитаемъ святого Богу. Если мы будемъ молиться святымъ, то должны признать ихъ за боговъ,—слѣдовательно, у насъ будетъ множество боговъ,—между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Богъ одинъ.

Ни ангеловъ, ни дьяволовъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Люди злые — дѣти зла, дѣти дьявола; люди добрые — дѣти добра, дѣти ангела. Значитъ, подъ словомъ дьяволъ нужно разумѣть зло, а подъ словомъ ангелъ—добро. «Такихъ ангеловъ и дьяволовъ, которые съ крыльями и хвостами, такихъ мы не признаемъ,—говорятъ сютаевцы.—Никто изъ насъ ихъ не видалъ... Хоть бы разъ довелось увидѣть съ рогами да съ хвостами!»—смѣются они.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что сютаевцы совсѣмъ не раздѣляютъ тѣхъ суевѣрій, которыя такъ распространены среди простого православнаго люда.

— Люди боятся въ лѣсъ ходить, въ озерѣ купаться,—говорятъ: водяной утопитъ, лѣшій уведетъ... И все это - пустое. Я вездѣ хожу,—говоритъ Сютаевъ,—и по ночамъ въ лѣсу ночевывалъ, —нѣтъ, никого не видишь, никто не покажется, никто не уводитъ...

Въ церковь сютаевцы не ходятъ,—не ходятъ по многимъ причинамъ. Одна изъ главныхъ причинъ

состоитъ въ томъ, что люди, ходящіе въ церковь, нисколько, будто бы, не становятся отъ этого лучше и добрѣе, – жизнь ихъ чрезъ посѣщеніе церкви нисколько не улучшается. На вопросъ: отчего не ходишь въ церковь,—Сютаевъ обыкновенно отвѣчаетъ такъ:

— Знамо дѣло отчего: правды въ ней нѣтъ,— вотъ отчего! Мы въ церковь ходимъ, а сами деремся, ссоримся... Какая же тутъ польза? Въ церковь ходимъ, а сами страмимся, дѣлимся, грабимъ, позоримся... Вотъ отъ энтого отъ самаго и не хожу.

Вторая причина, оттолкнувшая сютаевцевъ отъ церкви, заключается, по ихъ словамъ, въ томъ, что въ церкви — вездѣ и во всемъ установлена, будто бы, торговля, купля и продажа. Торговля, даже внѣ церкви, сама по себѣ составляетъ, по мнѣнію сютаевцевъ, тяжкій грѣхъ, а въ церкви она является страшнымъ грѣхомъ и преступленіемъ. Между тѣмъ безъ денегъ ничего не дѣлается въ православной церкви. Зайдешь помолиться Богу, — смотришь — идутъ съ тарелочками, надо положить «на украшеніе храма» (а зачѣмъ ему украшеніе?). Затѣмъ купи свѣчку, заплати за крещеніе, заплати за вѣнчаніе, заплати за исповѣдь, заплати за причащеніе, заплати за похороны, за вѣнчикъ, заплати за поминовеніе, заплати за молебенъ, за панихиду... Словомъ, за все и за вся—плата и деньги. Безъ денегъ, — говорятъ сютаевцы,—въ вашей церкви нельзя ни родиться, ни умереть. Безъ денегъ священникъ не окреститъ, безъ денегъ не повѣнчаетъ,—мало этого, даже не похоронитъ безъ денегъ... Священники не должны брать денегъ за все это, такъ какъ они—пастыри, а не наемники и не торговцы.

— Теперь опять на монастыри собираютъ, на церкви,—говаривалъ Сютаевъ:—на святого Трифо-

на угодника, на Сергія, на Алексѣя, человѣка Божія, на Зосиму-Савватія,—на всякаго, на всякаго святого. И все это—грѣхъ, и все это неправильно! Отощалъ што ли онъ? Оголодалъ, што ли, святой-отъ?... А другой, вѣдь, послѣднее отдаетъ,—думаетъ себѣ черезъ энто спасеніе получить... У насъ въ Толожни *) въ церкви Миліи преподобный стоитъ, какъ бы въ часовни этакъ, изъ камня высѣченъ, большой, борода долгая, страшный такой... Народъ-отъ къ нему и несетъ, кто што можетъ: кто деньги, кто ленъ, кто яйца, кто масло, кто баранки, кто нитки, кто платки,—то-есть всѣмъ, всѣмъ несутъ... Какъ это дѣло разсудить, а?... Почитай-ка, что о жертвахъ-то сказано? Опять же есть въ Писаніи, што деревянные и каменные—не боги.

Далѣе, сютаевцы потому еще оставили ходить въ церковь, что тамъ «наставлены идолы», т. е. иконы, кланяться которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя («Поклонитесь единому Богу»). Что старыя, что новыя иконы—все равно: какъ тѣ, такъ и другія одинаково безполезны.

Наконецъ, то обстоятельство, что служба въ православной церкви происходитъ на славянскомъ, мало понятномъ народу, языкѣ, также является одною изъ причинъ, почему сютаевцы избѣгаютъ церкви. «Нужно,—говорятъ они, — чтобы все въ церкви читалось и пѣлось на знакомомъ языкѣ».

— Былъ я разъ у обѣдни,—церковь поправляли,—иконамъ не кланялся, такъ стоялъ. Кончилась служба, вышелъ изъ церкви, вижу—народъ идетъ. Сталъ я спрашивать: што читалъ священникъ?... Што бы ты думалъ? Вѣдь не могли сказать, ни сиця пороху не могли сказать,—не поняли...

---

*) Ближайшее къ Повѣди село.

Извѣстно, что старовѣры считаютъ большимъ грѣхомъ посѣщать православную церковь, но сютаевцы не считаютъ грѣхомъ побывать въ православной церкви, — они считаютъ только это дѣло безполезнымъ: «это совсѣмъ безъ надобности», — говорятъ они.

— Я, пожалуй, самъ пойду въ церковь,—говаривалъ Сютаевъ,—но любовь не брошу,—нѣ-ѣтъ! По-язычески жить не стану,—нѣтъ!

Крестное знаменіе, по мнѣнію сютаевцевъ, совершенно ненужно: въ Евангеліи нигдѣ не упоминается объ этомъ; нигдѣ не говорится о сложеніи перстовъ, о поклонахъ, поэтому ничего этого не нужно; все это — безполезныя, пустыя выдумки. «Духомъ поклонитеся», сказано въ Евангеліи. «Богъ, вѣдь, не богатый мужикъ, который любитъ поклоны». А спорить о томъ, какъ креститься— двухперстнымъ или трехперстнымъ крестомъ—просто глупо.

Въ домахъ у сютаевцевъ никакого богослуженія не бываетъ, ибо въ Евангеліи ничего объ этомъ не сказано. Молитвъ у нихъ также никакихъ нѣтъ. Прежде, въ православіи, они читали молитвы, но затѣмъ всѣ бросили.

— Почему бросили?—спрашивалъ я.

— Если мы не исполняемъ ничего, — какая польза читать молитвы?... «Отче» читаемъ, а отца съ матерью не почитаемъ... Читаемъ: «не лиши меня царствія небеснаго»,—да, вѣдь, мы сами себя лишаемъ, потому что правды не ищемъ, по правдѣ не живемъ... Ты исполняй, дѣлай такъ, поступай по правдѣ. А если я исполняю, то на што мнѣ молитва?

Мощей сютаевцы не признаютъ.

— Искалъ я въ Евангеліи,—говоритъ Сютаевъ,— насчетъ мощей, все перечиталъ, только о мощахъ

ни одного слова не нашелъ... Ходилъ я по монастырямъ по разнымъ, все мощей искалъ. Въ Коневцахъ былъ, на Валаамѣ. Мощи, говорятъ, лежатъ, только ничего не видно, все сокрыто.—Гдѣ, спрашиваю, мощи?—«Подъ спудомъ».—Можно говорю, посмотрѣть?—«Нельзя». Просилъ какъ, канался, штобы дозволили поклониться,—нѣтъ, не дали. За то на монастыри я насмотрѣлся: нѣтъ тамъ правды ни капельки. Придешь къ нимъ, перво-на-перво поведутъ тебя по колидору... Вотъ она, дверца, тебѣ бы туда, ты первый пришелъ—такъ нѣтъ, мимо ведутъ, дальше пихаютъ, а благородныхъ пущаютъ,—кто, значитъ, платьемъ почище, тѣхъ пускаютъ,—а ты все дальше... Весь колидоръ прошелъ, а нѣтъ тебѣ мѣста, не нашлось,—полѣзай на верехъ; тамъ нары, темно, а внизу-то койки, тепло, свѣтло... Нѣту правды!... Люди смѣются мнѣ: поди, говорятъ, въ пустыню спасаться али въ монастырь, коли у насъ жисть не по тебѣ... Зачѣмъ я туда пойду? Тамъ—лежебоки, а я не хочу лежебокомъ быть... И насмотрѣлся я тамъ на жисть на монашескую... Не приведи Богъ,—страмъ, просто страмъ!

Сютаевцы—горячіе враги всякаго рода обрядности, всѣхъ тѣхъ установленій церковныхъ и обычаевъ, которые, по ихъ мнѣнію, основываются на суевѣріи, рутинѣ или предразсудкѣ. Такъ, напримѣръ, они не хоронятъ своихъ покойниковъ на кладбищѣ, а зарываютъ ихъ, гдѣ попадетъ, и объясняютъ подобныя дѣйствія такъ:

— Говорятъ, кладбище—мѣсто освященное, а другія мѣста не освященны... Неправда это: вся земля освященная, вездѣ одинакова земля. Поэтому я,—говоритъ Сютаевъ,—хороню, гдѣ придется, штобы показать, что земля вездѣ свята. Въ полѣ придется—въ полѣ похороню, на огородѣ придет-

ся—на огородѣ похороню,—для меня все равно... Говорятъ, духъ пойдетъ, запахъ... Не пойдетъ!... Мы зарываемъ глубоко, глубже вашего зарываемъ.

Но когда я началъ выставлять имъ на видъ неудобства хоронить покойниковъ вблизи отъ жилья, они соглашались со мной и въ принципѣ признавали, что было бы удобнѣе хоронить дальше отъ жилья, но они не могутъ этого дѣлать, такъ какъ, будучи вынуждены хоронить покойниковъ тайно, по ночамъ, по необходимости должны выбирать болѣе близкія мѣста, иначе ихъ легко могутъ накрыть и застать «на мѣстѣ преступленія».

«Почему же они хоронятъ тайно?»—спроситъ, быть-можетъ, читатель.—Да потому, что имъ запрещаютъ хоронить открыто безъ священника и безъ соблюденія извѣстныхъ обрядовъ. А сютаевцы съ своей стороны считаютъ совершенно излишнимъ участіе при похоронахъ священника («торговля, молъ») и въ то же время признаютъ совсѣмъ излишними всякаго рода обряды при похоронахъ. Простой гробъ-ящикъ, глубокая яма—и больше ничего: ни молитвъ, ни пѣній, ни свѣчъ, ни ладану не бываетъ у сютаевцевъ,—словомъ:

«Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка!»

Зажиганіе свѣчъ и лампадъ предъ иконами, куренье ладаномъ и тому подобные обряды сильно возмущаютъ сютаевцевъ, и они рѣзко нападаютъ на православныхъ за «выдумку» и введеніе подобныхъ обрядовъ.

— Въ церковь ходишь?—спрашивалъ Сютаевъ въ моемъ присутствіи одного православнаго.

— Хожу.

— Свѣчи иконамъ ставишь?

— По силѣ-возможности...

— Зачѣмъ ты ихъ ставишь?

— Зачѣмъ?... Вотъ тоже спросилъ!... Не глупѣе тебя ставятъ.

— Ладно. Ты богатъ, у тебя кошель-отъ набитъ туго. Ты цѣльную горсть поставилъ; а я-то бѣденъ,— у меня не на што и свѣчки поставить. Стало-быть, я—погибъ, а ты—спасенъ?... Вѣрно?

— На свѣчку-то, братъ, хватитъ,—было бы усердіе,—на ё не много нужно...

— Ну, а у меня нѣтъ ничего, копѣйки за душой нѣтъ... Какъ тутъ быть? Стало-быть, я черезъ энто погибать должонъ, а?

Или иногда въ такомъ родѣ:

— Зачѣмъ у васъ въ церкви кадятъ? Зачѣмъ ладанъ курятъ? Къ чему энто?

— Вотъ ишо... Не нами заведено. Какъ отцы вѣровали, такъ и намъ должно придерживаться...

Подобные отвѣты, столь обычные въ устахъ русскаго мужика, всегда крайне раздражали Сютаева.

— Ежели мой отецъ-то въ яму ввалился, такъ и я должонъ за нимъ, а? Должонъ, али нѣтъ?— приставалъ онъ.

— Слава Богу, мы ишо не въ ямы, пока Богъ терпитъ,—оппонировалъ собесѣдникъ.

— Мы-то?... Мы, братъ, давно вси въ ямы,— вси, какъ есть, вси на Каиновомъ пути стоимъ...

Излишне, конечно, говорить, что «вѣра Сютаева» совсѣмъ не представляетъ собою какого нибудь полнаго, законченнаго ученія, въ которомъ всевозможные теологическіе вопросы были бы разрѣшены и разработаны сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Его ученіе полно разнаго рода пробѣловъ; и это, разумѣется, вполнѣ понятно, и

едва ли кто нибудь можетъ ожидать отъ еле-грамотныхъ людей совершенно цѣльной, стройной, вполнѣ выработанной теоріи или системы. Къ тому же,— и это прежде всего необходимо имѣть въ виду,— ученіе это до сихъ поръ еще находится въ періодѣ роста, развитія, формировки.

Весьма многіе даже изъ наиболѣе существенныхъ, основныхъ религіозныхъ вопросовъ до сихъ поръ остаются нерѣшенными сютаевцами. Къ числу этихъ нерѣшенныхъ вопросовъ можно отнести даже такой важный въ теологіи вопросъ, какъ о будущей загробной жизни и о мученіяхъ ада. — Разные нерѣшенные вопросы, волнуя пытливую мысль Сютаева, заставляютъ его глубже и прилежнѣе «вникать въ Писаніе». Но въ его распоряженіи имѣются только двѣ книги: Библія и сочиненіе Тихона Задонскаго. Нерѣдко онъ находитъ у послѣдняго прямые отвѣты на сомнѣнія, которыя мучаютъ его; онъ радъ этому, но въ то же время его останавливаетъ мысль: почему же въ Евангеліи нѣтъ столь же прямыхъ, опредѣленныхъ указаній, столь же категорическихъ отвѣтовъ на эти самые вопросы? И вотъ въ душу Сютаева закрадывается новое сомнѣніе и онъ говоритъ: «надо разсмотрѣть, не ошибся ли Тихонъ».

Однажды, доказывая мнѣ одну изъ своихъ любимыхъ идей, о томъ, что рай будетъ здѣсь, на землѣ, Сютаевъ выразился такъ:

— Да, надо царствовать на землѣ... Што *тамъ* будетъ (онъ указалъ вверхъ, на небо), не знаю,— на томъ свѣтѣ не былъ... По-моему, тамъ—тьма!

Замѣтивъ, что я отмѣчалъ у себя карандашомъ его слова, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ такою просьбой:

— Што я тебѣ скажу, Александръ... Запиши

ты, штобы энто дѣло разобрали (относительно загробной жизни), — сдѣлай такую милость, штобы тамъ ученые, толкователи разные, разсмотрѣли все по порядку, — не ошибся ли Тихонъ до самаго дѣла?

Придя къ убѣжденію, что въ церкви, какъ и въ жизни, нѣтъ правды (какъ онъ пришелъ къ этому убѣжденію, мы постараемся подробно разсказать въ одной изъ слѣдующихъ главъ), Сютаевъ счелъ необходимымъ отрѣшиться отъ всѣхъ тѣхъ взглядовъ и догматовъ, которые церковь преподаетъ вѣрующимъ. Но взамѣнъ отвергнутыхъ, опредѣленныхъ, давно изготовленныхъ церковью отвѣтовъ на тѣ или другіе запросы мысли ему, конечно, предстояло выработать и дать съ своей стороны новые отвѣты, которые бы успокоивали и удовлетворяли нравственное чувство и возбужденную критическую мысль. И вотъ началась работа—горячая и страстная со стороны сердца и строгая и упорная со стороны мозга. Выше мы видѣли, къ чему привела эта работа, которая, впрочемъ, ни мало не прекращается и до сихъ поръ.

Хотя главными толчками, будившими мысль и чувство Сютаева, всегда служили тѣ или другія печальныя, темныя явленія нашей общественной жизни, но при этомъ онъ постоянно стремился согласовать со Священнымъ Писаніемъ тѣ выводы, къ которымъ приводилъ его анализъ условій общественныхъ отношеній. Но чтобы сдѣлать это, прежде всего необходимо хорошо понять все Писаніе, особенно же Евангеліе и Новый Завѣтъ. А между тѣмъ въ этомъ Завѣтѣ встрѣчается такъ много неясныхъ, темныхъ мѣстъ, особенно же въ Апокалипсисѣ. Читаетъ, напримѣръ, Сютаевъ XIII главу Откровенія:

«И всталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ вы-

ходящаго изъ моря звѣря съ семью головами и десятью рогами; на рогахъ его было десять діадимъ, а на головахъ его имена богохульныя...» А потомъ дальше, въ 18 стихѣ, сказано: «здѣсь мудрость. Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря, ибо это число человѣческое. Число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть...»

Что же такое обозначаетъ этотъ звѣрь, эти головы, эти рога, діадимы? Вѣдь не зря же все это написано? Вѣдь сказано: «здѣсь мудрость. Кто имѣетъ умъ, тотъ пусть сочтетъ число звѣря...» И что это такое за число 666? Что оно означаетъ? Къ чему оно тутъ приведено?...

— По-моему,—говоритъ Сютаевъ,—это должно полагать по заповѣдямъ... 6—это міръ въ шесть дней сотворенъ, 60—значитъ міръ содержитъ по десяти заповѣдей, а каждый день содержитъ по сотни (я ужъ не понялъ *чего* именно),—стало-быть 600, а всего и выходитъ 666.

Такъ онъ силится объяснить себѣ туманныя аллегоріи Апокалипсиса; но, если вы докажете ему, что его толкованіе ошибочно, онъ ни на одну минуту не задумается отказаться отъ него. Вообще сютаевцы допускаютъ полную свободу толкованія Священнаго Писанія.

— Надо толковать,—говорятъ они,—надо истины добиваться. Часть истины познали какъ чрезъ туманное стекло,—говорится въ Писаніи,—остальное доискивать надо. Надо весь законъ Божій понять.

А когда ихъ спросишь, что они разумѣютъ подъ «закономъ Божіимъ», то они обыкновенно отвѣчаютъ:

— Какъ бы было другъ дружкѣ не вредно, то и законъ Божій.

Устроить «жисть по правдѣ», такъ, чтобы «другъ дружкѣ не вредно было», по мнѣнію сютаевцевъ, главная цѣль, главная задача «закона Божія», и въ то же время это-то именно «устройство» и составляетъ завѣтную мечту Сютаева и его послѣдователей. Онъ страстно интересуется всѣмъ, что только можетъ такъ или иначе помочь ему въ его стремленіяхъ осуществить это «устройство» жизни. Не разъ онъ спрашивалъ меня:

— А што, въ Москвѣ и въ разныхъ прочихъ городахъ толкователи есть у васъ насчетъ энтого, насчетъ правды-то, а?... Толкуютъ?—И затѣмъ обыкновенно прибавлялъ:—Я крохотный человѣкъ,— кто мнѣ повѣритъ?... А ежели бы отъ васъ, изъ высшихъ, изъ ученыхъ...

Меня поражала и въ то же время глубоко трогала та искренняя, горячая жажда истины, которая жгла сердце этого «крохотнаго человѣка». Чтобы понять впечатлѣніе, производимое въ этомъ случаѣ Василіемъ Кирилловымъ, мнѣ кажется, необходимо лично слышать то чувство, которымъ звучалъ его голосъ, когда онъ, бывало, вечеромъ, утомившись отъ безконечныхъ разговоровъ и споровъ, сидя у раскрытаго окна и глядя въ поле, задумчиво произносилъ, напримѣръ, такія слова:

— Эхъ,—кабы кто мнѣ дополнилъ што, указалъ, можетъ въ чемъ я маленечко невѣрно..., кажись, до смерти служилъ бы энтому человѣку!... И не знай, не знай, што бы только сдѣлалъ ему!...

Въ чемъ состояла сущность того «устройства», которымъ не на шутку думалъ Сютаевъ избавить людей отъ всякаго рода зла, грѣха и неправды, это мы узнаемъ изъ слѣдующей главы.

VII.

Проповѣдники любви, мира и братства.

Однажды я спросилъ Сютаева, слыхалъ ли онъ о томъ, что на свѣтѣ существуютъ разныя науки, изученіемъ которыхъ занимаются разные ученые люди, и какого онъ мнѣнія объ этихъ наукахъ и объ этихъ ученыхъ людяхъ.

— Слыхалъ я,—отвѣчалъ Сютаевъ,—што есть наука философія, которая учитъ, какъ бы капиталъ нажить. До энтой философіи не надо дотыкаться, а надобно законъ Господень изучать, Евангеліе... Тѣ науки надобны, которыя учатъ, какъ лучше жить людямъ... Надо доискиваться, какъ бы грѣшники не грѣшили, какъ бы воры не воровали.

Въ этомъ отвѣтѣ сказался весь Сютаевъ. «Доискаться», во что бы то ни стало, такого порядка вещей, такого устройства жизни, при которомъ бы «грѣшники не грѣшили», «воры не воровали»— вотъ сильнѣйшее, пламенное желаніе этого сермяжнаго философа, составившаго себѣ столь странное представленіе о философіи. Всѣ свои разговоры Василій Кирилловъ всегда и неизмѣнно сводитъ на эту любимую тему.

Я постараюсь воспроизвести здѣсь по возможности съ дословною точностью разговоръ, который на первыхъ же дняхъ моего знакомства съ Сютаевымъ мнѣ пришлось вести съ нимъ и который какъ нельзя болѣе раскрываетъ сокровенныя думы, желанія, стремленія сютаевцевъ и въ то же время вполнѣ объясняетъ причины того недовольства существующими «непорядками», которое испытывается всѣми послѣдователями Василья Кириллова. Разговоръ этотъ происходилъ въ присутствіи Ивана Зиновеича. Иванъ Зиновеичъ — мужикъ «съ копѣйкой», онъ поторговываетъ, у него маленькая лавка, онъ частенько бываетъ въ городѣ, имѣетъ обращеніе съ господами и можетъ-быть поэтому въ разговорѣ онъ всегда сдержанъ, споровъ не долюбливаетъ, говоритъ «изъ подъ политики»... Василій Кирилловъ, по обыкновенію своему, распространился по поводу «злобы», «непорядковъ», «обмана», которые будто бы въ конецъ завладѣли жизнью.

— Да гдѣ ты обманъ-отъ видишь?... Ты скажи намъ, въ чемъ онъ? — спрашиваетъ Иванъ Зиновеичъ.

— Гдѣ?—удивляется Сютаевъ.—Да вездѣ! Вездѣ обманъ. вотъ что! Въ какой городъ ни придешь, вездѣ неправда. Вездѣ за мздой гоняются, какъ бы только прибытку больше нажить, какъ бы мошну набить, какъ бы, какъ бы.. Каждый наровитъ побольше зацапать другъ передъ дружкой... Мнѣ счастье, — много нахваталъ, а у брата нѣтъ ничего... Всякъ себѣ, всякъ себѣ рветъ... У насъ теперь тридцать дворовъ, тридцать посѣвовъ. Огурцы, конопли — все раздѣливши. Тридцать у насъ сторожовъ!... А, *когда устройство будетъ*, тогда одинъ сторожъ будетъ. а то ни одного не будетъ... Клѣти у насъ заперты на замкахъ, на

запорахъ, скотъ у насъ запертъ... Открылъ клѣть— меня кругомъ обокрали. Клѣть теперь заперъ, отъ воровъ заперъ... Идите за мной, сейчасъ все отопру!... Патни, сѣнокосы... какъ мы дѣлимъ?— Ссоры, брань, до драки доходитъ... Неужто Богъ этто постановилъ, а?... Не повѣрю!! Хоть тысча человѣкъ говори мнѣ этто, не повѣрю!...

Сютаевъ попалъ на свой конекъ. Силой, энергіей, страстью звучала его рѣчь. Широко, медленно ступая тяжелыми, ссохшимися сапогами, онъ то подходилъ къ самому столу, за которымъ сидѣли мы съ Иваномъ Зиновепчемъ, то снова удалялся вглубь избы.

— Нѣту правды!—говорилъ онъ.—Проѣзжай по всей Имперіи, гдѣ найдешь?.. Въ городахъ вси почестей ищутъ. А въ Священномъ Писаніи сказано: «не ищите почестей, не ищите сана...» «Ищите царства правды»—сказано... А мы ищемъ.—Никто не ищетъ! Недаромъ въ Писаніи говорится: «никто не возвышаетъ голоса за правду и никто не вступается за истину...» Этакихъ людей у насъ нѣтъ,— печально закончилъ Сютаевъ.—А надо намъ Бога искать,—охъ, надо, надо!..

— Какъ же мы должны жить, по-твоему?

— Не по-моему, а по-Божьему, — поправилъ старикъ.—А вотъ какъ,—быстро оживляясь, началъ Сютаевъ:—поле не должны дѣлить, лѣсъ не должны дѣлить, домы не должны дѣлить... А у насъ-то все дѣленное,—все, какъ есть все, всякій прутикъ раздѣливши... Это—лживые христіане: другъ друга гонятъ, другъ друга тѣснятъ, другъ друга ненавидятъ... Надо добрыя дѣла творить, а я раздѣлилъ: это—злыя дѣла. Вѣрующіе христіане не дѣлили ничего... Миръ надо творить, — миру нѣтъ; правду надо творить, — правды нѣтъ... У Тихона Задонскаго, — почитай-ка, — тамъ все опи-

сано, какъ первеющіе христіане жили и какъ жить указали.

— Какъ же они указали жить?

— Первое дѣло — замковъ не надо, сторожей не надо, торговли не надо, судей и судовъ не надо, войны не надо... Другъ дружкѣ помогать, другъ дружку любить, грабежа-воровства не бояться.

— Какъ же не бояться-то?—спрашиваю я.

— Чу-удакъ человѣкъ!—говоритъ Иванъ Зиновеичъ, усмѣхаясь и крутя головой.

— Ахъ, другъ любезный! У праведныхъ христіанъ нѣтъ грабежу, потому они любятъ другъ дружку... Чего имъ бояться?.. Рази я полѣзу къ тебѣ въ клѣть? Да ты мнѣ и такъ дашь...

— А если не дамъ—спрашиваю я.

Иванъ Зиновеичъ смѣется: «вотъ это такъ».

— Какъ же ты не дашь-то?—удивленно переспрашиваетъ Сютаевъ.

— Очень даже просто,—говоритъ Иванъ Зиновеичъ,—не дамъ—и дѣло съ концомъ. Самъ добывай—вотъ что!

Сютаевъ разъахался.

— Ахъ, не дѣло ты говоришь! — съ жаромъ началъ онъ.—Ахъ, не дѣло, не дѣло!.. Разсуди самъ: вѣдь тогда жисть-то будетъ какая, какая, ты думаешь?—о-обчая! Вотъ што, другъ!.. У всѣхъ будетъ одно сердце, одна душа, не будетъ ни твоего, ни моего, —все будетъ мѣстное.

— Какъ мѣстное?

— Обчее, значитъ, не дѣленое... Да!.. И не будетъ тогда никого нуждающагося, а вси будутъ довольны и вси изобильны... Почитай ты Дѣянія св. апостолъ, глава четвертая, стихъ... стихъ тридцать второй,—почитай!

— Да чего читать-то? Ты намъ самъ скажи, что тамъ написано, – замѣтилъ Иванъ Зиновеичъ.

— Изволь, другъ милый. скажу!

Сютаевъ беретъ въ руки Новый Завѣтъ и развертываетъ его.

— Вотъ што тамъ написано. другъ ты мой любезный, – говоритъ онъ, перелистывая книгу. Но цитата не находится, тогда онъ начинаетъ говорить на память:—У вѣрующихъ христіанъ было одно сердце и одна душа; никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было обчее... Вотъ, мой другъ! Понялъ?

— Да вѣдь это, можетъ, ишо въ ту пору было, когда всѣхъ людей-то на свѣтѣ десять человѣкъ счетомъ было,—возражаетъ Иванъ Зиновеичъ.

Безъ труда разбиваетъ Василій Кирилловъ это возраженіе. Найдя текстъ. онъ обращаетъ вниманіе на слова: «*у множества же увѣровавшихъ* было одно сердце» и т. д.

— А вотъ ишо стихъ тридцать четвертый. продолжаетъ Сютаевъ и читаетъ:—«и не было между ними никого нуждающагося...» Слышишь, братъ?— «Никого нуждающагося!.. Ибо вси, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ: и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду» .. Ну, понялъ теперь?

Вмѣсто отвѣта Иванъ Зиновеичъ тяжело вздыхаетъ, приговаривая: «о-охъ, грѣхи наши тяжкіе!»

А Василій Кирилловъ подходитъ къ окну, показываетъ пальцемъ на поле, широко растилавшееся во всѣ стороны, и говоритъ съ недовольнымъ видомъ:

— Глянь-ка въ окошко-то: все межи, все межи... Смотри-ка, какъ поле-то располосовали... а-я-я!...

Колько тутъ земли-то дарма пропадаетъ на энтихъ самыхъ межахъ... Али опять загороды,—къ чему онѣ намъ?... Иду я въ поле—изгороду городятъ... «Ребятушки, говорю, зачѣмъ намъ изгороды? Городимъ, городимъ, а вѣдь пользы-то какъ быть не видать. Не надо, говорю, энтаго дѣлать»... Не послухали; сами загородили, рупь съ меня взяли за участокъ... На другой годъ то же, на третій то же... Четыре раза взыскивали... Какая же тутъ любовь?... Только я и теперь не горожу, и не буду!

Онъ прошелся по комнатѣ и затѣмъ снова подсѣлъ къ окну.

— Выйдешь въ поле: чьи это земли?—казенныя. Чей энтотъ лѣсъ?—господскій... Энто дѣло надо разсмотрѣть. Мы тоже были казенные, а другіе—господскіе... Дали же намъ надѣлъ (надѣлъ)... У другаго господина не одна тысча десятинъ. Онъ долженъ разсмотрѣть свой грѣхъ. Господина тогда не бросятъ хрестьяне... Господинъ теперь господствуетъ, а мы—рабствуемъ.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Такъ... Земля-то господская ишо... Изъ половины беремъ, позоримся—во какъ!... Я иду въ поле, а поле-то у господина снято... Господа должны землю отдать... Хрестьяне должны его (господина) не бросать... Вси должны сообча жить, сообча трудиться въ потѣ лица.

— А кто не пожелаетъ?

— Неволить нельзя,—слобода должна быть... Въ царство Господне втащить насильно нельзя... Только желающіе... Зачѣмъ неволить! Сохрани Господи! Сказано: избранные съ избранными; кто пойметъ, тотъ только и пойдетъ на энто... Каждому воля, куда хоть ступай: отецъ направо, сынъ налѣво,—отецъ на правду, сынъ на кривду.

— Въ писаніи сказано,—продолжалъ Сютаевъ, развертывая Евангеліе:—«стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства» *). Стало-быть въ слободѣ надо жить, а мы связаны.

— Чѣмъ?

— Грѣхами, грѣхами связаны, неправдой связаны кругомъ.

Мало-по-малу разговоръ перешелъ на войну.

— По-твоему, стало-быть, выходитъ, войско-то теперь и не требуется?—спросилъ Иванъ Зиновеичъ.

— Теперь и войско требуется. и оброки злые требуются... Коли любви нѣтъ, тогда и война надобна, и замки надобны, и оброки надобны, и сторожа надобны... Только все энто—ало, все энто—неправда! Избраннымъ не слѣдуетъ энтого дѣлать... Война!... Ты скажи: для чего она?—Вѣдь для убивства. А коли любовь есть,—какая война? Если у насъ любовь,—тогда мы и хлѣбомъ, и животами, и всѣмъ помогаемъ другъ дружкѣ. А у насъ замѣсто того вражда, война, распря... Со старичкомъ я однимъ говорилъ, о смиренствѣ говорилъ, о любви. Онъ все слушалъ, да какъ дастъ мнѣ въ щеку!... Вотъ и вражда, вотъ и война.

— Все же, чай, въ солдаты-то надотъ идти, коли начальство приказываетъ?—спросилъ Иванъ Зиновеичъ.

Василій Кирилловъ помолчалъ.

— Кабы двое, трое, много народу взяли бы да уговорились: не надо войны, не идти на войну... Сказали бы, што неладно идти, нельзя... Одному ничего нельзя подѣлать: ты хошь подѣлать, а тебя связываютъ. Сначала надо, штобы избранные съ

*) Посланіе къ Галатамъ, глава 5-я, стихъ 1-я.

избранными. Вдругъ не остановиться, когда мы всѣ заблудивши. Нужно поучаться другъ отъ дружки... Нужно исповѣдывать Христа, тогда и войны не нужно будетъ, и солдатовъ не нужно... Въ Евангеліи показано, штобы вси люди жили въ любви. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ; гдѣ любви нѣтъ, тамъ и Бога нѣтъ... Если выйдетъ вражда, — всѣмъ тяжело. А коли мы будемъ въ любви жить, то у насъ стѣна будетъ супротивъ врага,—да, стѣна,—почитай-ка Тихона Задонскаго... А со-временемъ и враговъ-то можетъ никакихъ не будетъ.

— А турка-то? Куда ты его дѣнешь?...

— Мы сами турка—вотъ што!... Турка-то тоже отъ Бога,—съ сердцемъ говоритъ Сютаевъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, приговаривая: — А-я-я! Какъ энто мы турки-то боимся, а себя-то не боимся,— зла не боимся, грѣха не боимся... Приди ты ко мнѣ татаринъ, еврей, турка,—рази я могу его тронуть? Да для меня вси равны, вси братья, вси ближніе!... Господь сотворилъ одного человѣка и отъ того человѣка народились вси люди, вси народы... Вси мы дѣти одного Отца Небеснаго. — вси, стало-быть, братья? — Братья по духу. Только по дѣламъ своимъ раздѣлились: одни—добрые, другіе—злые.

— Ну, а ежели, къ примѣру, турка возьметъ насъ, завоюетъ, тогда что? — спрашиваетъ Иванъ Зиновеичъ.

— Онъ тогда насъ возьметъ, когда у насъ любви не будетъ.

— Да ужь тамъ какъ хошь... Только, къ примѣру говорю, ежели возьметъ насъ турка, что тогда дѣлать, а?.. Вѣдь, поди, какъ-никакъ, а воевать все же придется?

— Зачѣмъ? — спрашиваетъ Сютаевъ.

— А то какъ же?.. Неужли такъ-таки поддаться басурману?

— А мечъ духовный на што?

— Какой такой мечъ духовный? Что ты имъ сдѣлаешь?

— Мечъ-то духовный?.. Мечъ духовный — любовь... Турки насъ возьмутъ, а мы ихъ въ любовь обратимъ. И будетъ у насъ единство, и будемъ мы вси единомысленные... И будетъ тогда всимъ добро и всимъ хорошо... Такъ-то, другъ! Сказано въ Писаніи: «возлюби ближняго твоего».. А кто нашъ ближній?—Всякъ человѣкъ, вотъ кто!.. Духъ-отъ одинъ во всѣхъ людяхъ.

— Духъ-отъ одинъ, одначе вѣры-то, небось, разныя.

— Да какая у насъ вѣра?.. Одинъ—такъ, другой—такъ. Одинъ грабитъ, другой убиваетъ... Все энто расколы... Нѣтъ у насъ вѣры! Вѣра одна, вѣра — любовь; а любви нѣтъ, значитъ и вѣры нѣтъ никакой.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я началъ разспрашивать Сютаева объ его сынѣ, призывавшемся къ отбытію воинской повинности.

— Говорятъ, твой сынъ, Иванъ, отказался принять присягу? Правда это?

— Правда. Сынъ мой не принималъ присяги.

— Почему же?

— Почему? — горько усмѣхнулся Сютаевъ. — Нѣтъ, ты лутче скажи, къ чему присягать-то, а?.. «Къ пролитію крови!..» «До послѣдней капли!..» Да нешто энто возможно? Гдѣ же энто намъ указано, штобы другъ дружку бить, другъ дружку колоть, кровь человѣческую проливать, а?.. Опять же Евангеліе не приказываетъ кляться... «Не клянитеся всяко, но да будетъ ваше слово: да-да и ни-ни». Какъ же

можно кляться?.. И Тихонъ Задонскій говоритъ, што присяга вредна.

— Говорятъ, твой сынъ не хотѣлъ ружья въ руки брать?

— Не хотѣлъ, энто вѣрно... Зачѣмъ его брать? Вѣдь ружье-то для убивства. А кого убивать-то, — убивать, когда они вси братья намъ?...

— Что же съ нимъ сдѣлали?

— Садили въ карцеръ... Военный начальникъ меня спрашиваетъ: «Энто твой сынъ?» — Мой, говорю. — «Можешь, говоритъ, ты заставить его слушать?» — Коли я добрыя дѣла дѣлать заставляю, должонъ слушать, а коли злыя—нѣтъ.—«Заставь, говоритъ, его насъ слушать, заставь штобъ онъ съ ружьемъ всталъ».

— Нѣтъ, говорю, ваше благородіе, энтого мнѣ любовь не дозволитъ.

О дальнѣйшей судьбѣ своего сына Сютаевъ, какъ можно было заключить изъ его словъ, не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній. «Взяли сына въ Тверь,— разсказывалъ онъ,—а оттуда угнали въ Свеаборгъ. Тамъ его судили; осудили на два съ половиной года въ крѣпость».

— Въ какую крѣпость?—спрашивалъ я.

— Въ Шлис... Шлис-сельбургскую.

Это вполнѣ правдоподобно, такъ какъ въ настоящее время Шлиссельбургская крѣпость обращена, какъ извѣстно, въ военно-дисциплинарный баталіонъ и туда заключаютъ нижнихъ воинскихъ чиновъ за разнаго рода нарушенія воинской дисциплины *). Но что теперь съ сыномъ. Сютаевъ не знаетъ, такъ какъ давно не получалъ отъ него никакихъ извѣстій. Я

*) См. нашъ разсказъ: „Шлиссельбургская крѣпость", помѣщенный въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли* за 1880-й годъ.

не могъ не замѣтить, что разговоръ о сынѣ поднимаетъ въ Сютаевѣ горькія, тяжелыя воспоминанія, а потому прекратилъ свои распросы и постарался дать другое направленіе нашему разговору.

Послѣ нѣкотораго перерыва въ разговорѣ Сютаевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «что я думаю насчетъ рая?

— То-есть, къ примѣру, гдѣ онъ будетъ, энтотъ рай отъ? — пояснилъ онъ.

— А по-твоему гдѣ? — уклонился я отъ отвѣта.

— По-моему-то?—въ свою очередь переспросилъ Сютаевъ. И снова добродушно-хитрая усмѣшка засвѣтилась у него въ лицѣ.— По-моему на земли, на земли, другъ!.. Прямо обозначено, какъ отрѣзано все равно. Гляди вотъ... И онъ торжественно прочелъ 10-й стихъ V главы «Откровенія» Іоанна:

— «И мы будемъ царствовать на земли!»... Слышь? На земли, братъ, на земли,—радостно сіяя, повторилъ онъ, и было что-то дѣтски-наивное въ его радости.

— Какъ же это мы будемъ царствовать-то? — спросилъ я.

— Коли мы добрыя дѣла сотворимъ, то будетъ рай на земли, и будемъ мы въ емъ, въ энтомъ самомъ раю, царствовать.

— Да въ чемъ же наше царствованіе-то будетъ состоять?

— Царство-то наше?.. Не будетъ грабежу, не будетъ убивства, дѣлежа не будетъ, ссоры и драки не будетъ, найму не будетъ, торговли не будетъ (шабашъ, братъ! — усмѣхнулся онъ въ сторону Ивана Зиновеича), денегъ не будетъ, — если братство будетъ, къ чему деньги? Любовь будетъ, смиренство...

Энто гдѣ читается: «вся братія по духу?» Братолюбіе будетъ, единство... Вотъ какъ мы будемъ царствовать!

— Стой, погоди!—перебилъ Иванъ Зиновеичъ,— ишь сколько наговорилъ! Что ты сказалъ: найму не будетъ?

— Не будетъ,—твердо, увѣренно отвѣчалъ Сютаевъ.

— Что-жь, по-твоему, наемъ-отъ—грѣхъ, что ли?

— А ты какъ думалъ? Не грѣхъ?.. Почитай-ка въ Евангеліи, што о наемникахъ-то сказано... Кто нанимается—грѣшитъ, а кто нанимаетъ—тотъ вдвое грѣшитъ.

Всѣ вдругъ замолчали. Иванъ Зиновеичъ сидѣлъ потупясь, очевидно, что-то обдумывая, что-то соображая. Но вотъ онъ поднимаетъ голову и, обращаясь къ Василію Кириллову, произноситъ:

— Это что ты разводишь насчетъ, значитъ войны, насчетъ найму, али опять насчетъ торговли—этому, братъ, во вѣки не бывать... Н-да!

— Не бывать? — насмѣшливо, почти задорно, переспрашиваетъ Сютаевъ.—Ой-ли?

— Н-да!.. Вотъ тебѣ и ой-ли... Что ты, до самаго дѣла, думаешь своей головой: неужто же начальство-то потерпитъ это, а?.. Вотъ помяни ты меня на этомъ мѣстѣ, ничему-то этому не бывать,—вотъ что ты говоришь-то, — то-есть ни въ жисть!.. Пустыя слова и больше ничего!

— Да отчего не бывать-то?

— Отчего?.. Говорятъ тебѣ — начальство этого не потерпитъ... Вла-асть, власть не допуститъ!

Но о томъ, что думаетъ Сютаевъ о «начальствѣ» и властяхъ, поговоримъ потомъ.

VIII.

Деревня Шевелино.

Прихотливыми зигзагами извивается рѣчка Повѣдь. По зеленымъ холмистымъ берегамъ ея раскинулись поля, луга и рощи. На одномъ изъ такихъ холмовъ, вся въ зелени, ютится маленькая деревенька Шевелино. Въ ней всего-на-все тридцать дворовъ: въ этихъ тридцати дворахъ живетъ 88 душъ мужскаго и 107 душъ женскаго пола. Отъ уѣзднаго города и вмѣстѣ станціи желѣзной дороги Шевелино отстоитъ на разстояніи тридцати верстъ и отъ приходской церкви въ 9 верстахъ. Крестьяне деревни Шевелина — временно-обязанные помѣщика Львова. До Львова, въ теченіе долгаго времени, ими владѣлъ Сабуровъ, поэтому и до сихъ поръ весь Шевелинскій районъ слыветъ среди крестьянъ подъ именемъ „Сабуровщины", Сабуровской вотчины.

Считая необходимымъ дать читателю хотя нѣкоторое представленіе объ условіяхъ экономической жизни шевелинскихъ крестьянъ, я приведу здѣсь нѣсколько данныхъ относительно ихъ надѣловъ, посѣвовъ, заработковъ и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы мною изъ данныхъ, собранныхъ въ

1879 году тверскимъ статистическимъ комитетомъ для „Описанія населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи“.

Количество земли въ десятинахъ: а) надѣльной, б) собственной всего селенія и в) отдѣльныхъ лицъ.						
Усадебной.	Пахатной.	Сѣнокосной.	Выгонной.	Лѣсной.	Всего удобной земли.	Неудобной.
а) 8	168	183	—	10	369	—
б) —	—	·	—	—	217	·
в) —	—	—	·	·	48	—

Отдѣльно собственную землю (в) имѣютъ 6 домохозяевъ, изъ коихъ одинъ—17 десятинъ, трое—по 7 десятинъ и двое—по 5 десятинъ. Почва пахатной земли—супесчаная и суглинистая. Окладныхъ душъ мужскаго пола считается 83. Размѣръ надѣла на душу не превышаетъ четырехъ съ половиною десятинъ; на дворъ приходится 12 десятинъ.

Что касается разнаго рода платежей, то шевелинскимъ крестьянамъ приходится платить:

Государственныхъ податей . . .	186 р. 87 к.
Оброчныхъ и выкупныхъ платежей	590 » 40 »
Земскихъ повинностей	42 » — »
Мірскихъ повинностей	48 » 88 »
Всего .	868 р. 15 к.

Такимъ образомъ съ каждой окладной души приходится въ годъ около 10 рублей 50 копѣекъ.

Скотомъ шевелинскіе крестьяне, сравнительно, довольно богаты. Такъ, во время нашего пребыванія тамъ, у нихъ было: лошадей — 61, коровъ—60, нетелей и телятъ — 15, овецъ — 60. Стало-быть, среднимъ числомъ, на каждый дворъ приходится по двѣ лошади и по двѣ коровы.

Посѣвъ и урожай въ четвертяхъ, за исключеніемъ сѣмянъ: а) на надѣлѣ, б) на собственной землѣ.									
Рж и.		Ячменя.		О в е с.		Картофеля.		Л ь н а.	
Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.
а) 61	183	20	80	102	306	30	120	5	12
б) 16	48	—	—	32	96	—	—	—	—

Сѣна шевелинскіе крестьяне накашиваютъ до 5.000 пудовъ на надѣлѣ и 1.500 пудовъ на собственной землѣ.

Изъ общаго числа домохозяевъ нуждаются въ покупномъ хлѣбѣ 10 человѣкъ. Среднимъ счетомъ они покупаютъ въ годъ 20 четвертей хлѣба, на сумму 140 рублей.

Изъ числа принадлежащихъ къ селенію лицъ въ 1878 году находилось въ отлучкѣ по паспортамъ и билетамъ: на годъ — 13 мужчинъ и 1 женщина, на полгода—21 мужчина и на срокъ менѣе полугода—2 мужчинъ и 2 женщины. Если эти цифры были вполнѣ точны для 1878 года, то слѣдуетъ признать, что за послѣдніе годы общее число отлучающихся изъ Шевелина на заработки еще болѣе возросло. Женщины идутъ въ услуженіе; мужчины для каменотесныхъ работъ отправляются въ Петербургъ и лишь немногіе въ Москву. Въ числѣ обывателей деревни Шевелина насчитывается грамотныхъ 20 человѣкъ мужчинъ и 2 женщины. По отзыву лицъ, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями Тверской губерніи, слѣдуетъ признать, что населеніе деревни Шевелина въ экономическомъ отношеніи стоитъ нѣсколько выше средняго уровня, существующаго для крестьянскаго хозяйства Тверской губерніи.

Чтобы ближе быть къ Сютаеву и его семейству, чтобы чаще видѣться съ нимъ и удобнѣе наблюдать отношенія, установившіяся между сютаевцами и остальнымъ населеніемъ, — я оставилъ Повѣдь и переѣхалъ въ Шевелино. Василій Кирилловъ устроилъ меня въ сосѣдствѣ съ собою, въ большой, просторной избѣ, хозяинъ которой, богатый мужикъ, жилъ постоянно въ Питерѣ вмѣстѣ съ женою, а дома оставалась его мать, старуха, да маленькая дочка, лѣтъ тринадцати, да племянница, сирота, невѣста. Все это были добрые, простые, душевные люди.

Воспользовавшись первымъ праздничнымъ днемъ, я отправился къ Василью Кириллову.

IX.

Въ семьѣ Сютаева.

Изба Василья Кириллова—самая обыкновенная, ничѣмъ не выдѣляющаяся изъ ряда другихъ крестьянскихъ избъ: старая, приземистая, темно бревенчатая, въ три окна на улицу. Внутри избы на всемъ лежитъ печать опрятности: печь выбѣлена; полъ, стѣны, лавки, столъ — все это чисто вымыто, выскоблено. Въ переднемъ углу видна полка, «божница», на которой вмѣсто образовъ лежитъ нѣсколько книгъ. Тѣмъ не менѣе въ избѣ есть образъ Спасителя, но онъ виситъ не въ углу, какъ это принято у православныхъ, а среди стѣны, точно обыкновенная картина.

Семейство Сютаева состоитъ изъ жены его, Марѳы Андреевны, и сыновей: Михаила, Дмитрія и Ивана. Михаилъ и Дмитрій женаты и имѣютъ дѣтей: у перваго ихъ двое, у втораго - четверо. Оба они, во время моего пребыванія въ Шевелинѣ, были въ отлучкѣ, въ Питерѣ, на работѣ; дома оставались ихъ жены и дѣти. О дочери Сютаева, Домнѣ, я уже говорилъ; говорилъ и о младшемъ сынѣ его, Иванѣ.

Жена Сютаева, еще крѣпкая старуха, всегда чи-

сто одѣтая, съ симпатичнымъ, благообразнымъ и умнымъ лицомъ. Старшая молодуха, жена Михаила, Любовь, наиболѣе словоохотливая и бойкая изъ всего женскаго персонала. Жена Дмитрія, Дарья, заурядная, толстая баба съ добродушно-простоватымъ выраженіемъ лица. Дѣти – все мелкота: старшему, если не ошибаюсь, девять лѣтъ. По случаю дождя всѣ они толпились въ избѣ, играя и рѣзвясь на полу.

Невольно бросилось въ глаза, невольно поразило меня мягкое, любовное отношеніе всѣхъ членовъ семьи между собою; съ дѣтьми же всѣ какъ-то особенно ласковы, какъ-то особенно кротки и любовны. У всѣхъ такія открытыя лица, такія смѣлыя, громкія рѣчи, такое непринужденное обращеніе. Какъ-то сразу чувствовалось, что въ этой семьѣ, несмотря на многочисленность ея членовъ, царитъ миръ, царитъ прочная взаимная любовь, безъ подавляющаго авторитета «большака», безъ ехидства свекрови, безъ забитости невѣстокъ.

Сютаева не было дома, — онъ ушелъ провѣдать скотъ. Глядя на играющихъ дѣтей, я спросилъ старшую молодуху.

— Это все внуки Василья? Твои дѣти и племянники?

— Да, по человѣчески такъ, — отвѣтила она, — внуки, племянники, — люди всяко зовутъ, всякихъ кличекъ надавали, — а по-Божьи — всѣ братья и сестры.

Въ избу вошелъ какой-то мужикъ,—какъ послѣ оказалось, сосѣдъ Сютаева,—волосатый, цыганскаго типа, черный какъ жукъ. Его костюмъ свидѣтельствовалъ о достаткѣ: на немъ была суконная поддевка, рубаха изъ хорошаго ситца и смазные сапоги. Вошелъ онъ, перекрестился на образъ и, неуклюже

мотнувъ головой по направленію сидѣвшихъ на лавкѣ, проговорилъ:

— Здорово!

— Здравствуй, — отвѣчала Любовь. — Садись, такъ гость будешь, — и тотчасъ же добавила: — все здоровкаемся, все — «здорово, здорово», говоримъ, а сами все немощны.

Какъ немощны?... Чѣмъ? — спросилъ я.

Духомъ, духомъ немощны... Кабы здоровы были, не такъ бы жили, не такъ бы поступали другъ съ дружкой.

Пухлый мальчуганъ, въ одной рубашонкѣ, съ круглымъ лицомъ и пухлыми голыми ножками, съ свѣтлыми, ясными глазенками, подобрался ко мнѣ и началъ теребить мое платье, смѣясь и выкрикивая что то дѣтскимъ, ликующимъ, звонкимъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ.

— Не крещеный! — проговорилъ черный мужикъ, обращаясь ко мнѣ и указывая на мальчугана.

— Правда, не крещеный? — Обратился я къ молодухѣ (Жена Сютаева хлопотала за самоваромъ).

— Вѣрно не крещеный... Тебѣ на-диво? Не видалъ, чай, не крещенныхъ-то, а?... А у насъ только двое крещеныхъ-то, а то всѣ не крещены.

Ребенокъ точно понималъ, что рѣчь идетъ о немъ; онъ весь сіялъ, подпрыгивалъ, хихикалъ, стучалъ ручонками о мое платье и, казалось, заливался отъ восторга.

— Отчего же вы не крестите?

— Полагаемъ, какъ быть все равно: што крестить, што нѣтъ. Будто какъ понапрасну крестить-то... Мы вотъ всѣ крестились, а грѣхъ творимъ все равно что не крещеные. Крещеніе, сказано, покаяніе. «Покайтеся и креститеся». А нешто ребе-

нокъ можетъ покаяться? Спаситель то вишь тридцати лѣтъ крестился. Выростетъ, въ умъ войдетъ, познаетъ, — ну, и окрестится.

— Что же познаетъ-то?

— Истину... А то што же?... Истину познаетъ.

— Какъ же онъ познаетъ?

— Родители должны научать, отецъ съ матерью... Безъ наученья ничего не выйдетъ.

Черный мужикъ отстаивалъ крещеніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у православныхъ. Отъ крещенія онъ перешелъ къ покаянію и причащенію и началъ горячо доказывать особенную, настоятельную необходимость этихъ двухъ таинствъ. Въ это время Сютаевъ вернулся домой; онъ также принялъ участіе въ общемъ разговорѣ. Съ первыхъ же словъ Василій Кирилловъ повернулъ споръ на свою любимую тему.

— Я каждую минуту каюсь, въ чемъ согрѣшу,— говорилъ черный мужикъ, отстаивая свою мысль.— Ежели обижу кого, каюсь.

— Да ты не видишь обидженія-то,—возражалъ Сютаевъ.—Полосу свою пашешь, а самъ думаешь, какъ бы другую прихватить...

— Ангелы прегрѣшаютъ... Я говорю: грѣшенъ.

— Ты говоришь: грѣшенъ, а во грѣхахъ не признаешься, отъ грѣховъ не отстаешь... И опять же ты по-старому свою линію ведешь: опять постарому пашешь, по-старому дѣлишь, торгуешь, — ну, и выходитъ, што ты, стало-быть, фарисей.

— Ты за меня не будешь отвѣчать.

— Нѣтъ, буду, буду отвѣчать!... Вси будемъ другъ за дружку отвѣчать... А ты этого не зналъ?

— Чрезъ покаяніе Богъ грѣшниковъ пріемлетъ... Мало ли мы грѣха творимъ?... Каяться надо, испо-

вѣдываться передъ Господомъ,—ну, тогда насъ Богъ и проститъ.

— Нѣ-ѣтъ, другъ милой, вре-ешь!... Тогда Богъ проститъ, когда у насъ любовь будетъ, когда у насъ едино сердце будетъ, едина душа, когда все будетъ мѣстное, обчее,—тогда Богъ проститъ.

И, помолчавъ немного, онъ снова обратился къ сосѣду:

— Признаешься ли въ любви жить, а?... Замковъ не надо?... Подъ замками-то небось у тебя украли?

— Ну, украли,—што-жь такое?

— Ну, а тогда воровъ не будетъ,—слышишь?—когда мы обчую-то жисть устроимъ, когда въ любви-то будемъ жить... А теперь у насъ раздоръ, во всѣхъ злоба, обманъ, суды, неправда...

— Не судите, сказано, да не судими будете,—внушительно произнесъ сосѣдъ и, видимо, остался доволенъ собой: ему, вѣроятно, казалось, что онъ попалъ какъ разъ въ самое больное мѣсто своего соперника.

Но Сютаевъ оказался неуязвимымъ.

— Опять не то!—кричалъ онъ.—Не то, не то!... Должно всю вселенную судить, всю!... Спаситель пришелъ—всю вселенную осудилъ... Апостолы пришли—всю вселенную осудили.

— Не мы же... Намъ далече до Спасителя.

— А што онъ сказалъ? — «Идите за мной!»... Што этто обозначаетъ, а? Какъ ты полагаешь?... *Его* слѣдомъ надо идти: Онъ всю вселенную осудилъ—и мы можемъ осудить; Онъ проповѣдывалъ—и намъ надо то же дѣлать; Онъ страдалъ за добро, за проповѣдь—и намъ надо страдать... Да, пора Господу Богу служить,—пора, пора, пора! Пришло время. Надо намъ обманъ побѣждать...

На столѣ появился самоваръ, который по сво-

имъ колоссальнымъ размѣрамъ, а отчасти и по формѣ, какъ нельзя болѣе напоминалъ собою тѣ паровые котлы, какіе можно встрѣтить на фабрикахъ или заводахъ. Марѳа принесла что-то въ родѣ яичницы, корчашку съ топленымъ молокомъ и нѣсколько кусочковъ сахару. Начались угощенія — радушныя, задушевныя.

Черный мужикъ, который давно уже какъ то особенно пристально и пытливо поглядывалъ на меня, воспользовавшись перерывомъ въ спорѣ, подсѣлъ ко мнѣ и началъ съ допроса: кто я такой, откуда и зачѣмъ именно пріѣхалъ,—бывалъ ли я въ Петербургѣ, и т. д. Покончивъ этотъ опросъ, онъ принялъ нѣсколько таинственный видъ и началъ:

— А што, хочу я тебя спросить, о енералѣ Пашковѣ слыхалъ?

— Слыхалъ.

— Можетъ и видать доводилось?

— Видалъ... А что?

— Такъ, ничего... Можетъ ты самъ есть енералъ Пашковъ?

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что г. Пашковъ пользуется большою извѣстностью среди нашего сектантскаго населенія. Этому главнымъ образомъ содѣйствуетъ разсылка имъ повсюду разныхъ книжекъ, въ родѣ «Любимыхъ стиховъ» и т. п., затѣмъ публичность его бесѣдъ. Газетные толки объ этихъ бесѣдахъ и проповѣдяхъ также много способствовали его извѣстности. Сектанты, отправляясь въ Петербургъ на заработки или по торговымъ дѣламъ, обыкновенно считаютъ своею обязанностью побывать на проповѣди Пашкова. Говорятъ, онъ не только охотно помогаетъ сектантамъ *), которые обратятся

*) Очень вѣроятно, что Пашковъ, извѣстный своею филантропиче-

къ нему съ просьбой о помощи, но даже раздаетъ деньги и тѣмъ изъ нихъ, которые совсѣмъ не просятъ объ этомъ. «Любимые стихи» и другія подобныя книжки, распространяемыя Пашковымъ, мнѣ приходилось встрѣчать среди молоканъ, сютаевцевъ, хлыстовъ, монтанъ, послѣдователей «деснаго братства» и т. д.; я встрѣчалъ ихъ въ Тверской губерніи, въ Самарской, въ Саратовской, въ Нижегородской и въ Тамбовской, и притомъ въ самыхъ далекихъ и захолустныхъ углахъ этихъ мѣстностей. По слухамъ и по разсказамъ самихъ сектантовъ, эти книжки можно найти и на Кавказѣ, и въ Малороссіи среди штундистовъ, и на Уралѣ, и въ Сибири,— словомъ, всюду, гдѣ только есть сектанты.

Сыновья Сютаева также бывали у Пашкова, но они не вынесли хорошаго впечатлѣнія отъ его толкованій Евангелія. Одному изъ сыновей Сютаева Пашковъ, или кто то изъ его ближайшихъ послѣдователей, далъ 25 рублей. Молодой Сютаевъ взялъ было эти деньги, но, продержавши ихъ дня два у себя и раздумавши, возвратилъ ихъ обратно, считая себя не въ правѣ получать деньги «дарма».

Самъ Сютаевъ рѣзко нападаетъ на ученіе Пашкова. Онъ лично знакомъ съ однимъ изъ послѣдователей пашковскаго ученія, живущимъ въ Торжкѣ. Особенно же онъ не можетъ примириться съ основной идеей ученія Пашкова, съ тѣмъ, что самое главное—это вѣра, горячая, страстная вѣра, въ то, что Христосъ спасетъ насъ, какъ бы ни были мы грѣховны и каковы бы ни были наши дѣла, наша жизнь...

скою дѣятельностью, съ одинаковою готовностью помогаетъ какъ сектантамъ, такъ и православнымъ. Дѣлаемъ здѣсь эту оговорку съ цѣлью отклонить отъ себя всякій упрекъ въ желаніи выставить г. Пашкова какимъ-то столпомъ, опорой сектантства.

А. П.

— Стало-быть по ихнему,—говоритъ Сютаевъ.— можно все дѣлать: и дѣлиться можно, и торговать можно,—все равно, молъ, Христосъ спасетъ грѣшниковъ, только надѣйся крѣпче, вѣруй...

Эта мысль не можетъ не возмущать Сютаева, который учитъ, что главное—«жисть», «жисть надо наблюдать», «жисть надо устраивать», и по ученію котораго самая вѣра есть не что иное, какъ любовь къ людямъ... «А какая же любовь безъ добрыхъ дѣловъ?»—говоритъ онъ.

Разговоръ переходилъ съ одного предмета на другой. «Бабы» принимали въ немъ участіе наравнѣ съ мужиками. Между прочимъ, когда зашла рѣчь о духовенствѣ, жена Сютаева разсказала слѣдующій случай:

— Сидѣла я съ дочерью, Домной, въ гостяхъ у Андрея Филиппова (Андреій Филипповъ держалъ въ это время харчевню въ деревнѣ Запольѣ). Входитъ священникъ Никольскій,—входитъ, а самъ чуть на ногахъ стоитъ: такъ его и поноситъ, такъ и пошатываетъ изъ стороны въ сторону, словно вѣтеръ качаетъ.—«Гдѣ тутъ, говоритъ, у васъ боги?».. Вынулъ крестъ, хотѣлъ было пѣть что-то, только увидалъ дочь — и прямо къ ней. — «Андрей Филипповъ! — говоритъ, — откуда ты, говоритъ, такую кралю досталъ?»—«Шевелинскіе, молъ, батька, не ворожь!» — это Андрей-отъ ему говоритъ... Только попъ не унимается: «Нельзя ли, говоритъ, ко мнѣ на вечерокъ?.. Не пожалѣю, говоритъ,—полтинникъ дамъ»... Начала я его стыдить: «Вотъ, говорю, такъ наставники ходятъ!.. Вотъ какое отъ нихъ наученье-то!.. Ахъ, вы,—говорю,—озорники вы этакіе!.. Глядите, молъ, люди добрые!..» А онъ и ухомъ не ведетъ: лѣзетъ прямо къ дѣвкѣ... Согрѣшила я,

не утерпѣла: ухватила его за волосы и — ну таскать!.. *).

Отъ священниковъ разговоръ перешелъ на продажность, будто бы существующую въ православной церкви. По этому поводу Сютаевъ разсказывалъ:

— Дите у насъ умерло. Говорятъ, надо хоронить, отпѣвать надо, — безъ энтого, говорятъ, на томъ свѣтѣ въ царство небесное не примутъ. Ладно, хорошо. Пошелъ я къ попу. — «Похорони, говорю, батюшка...» (Какое слово-то: *батюшка!*) — «Ладно, говоритъ, давай полтинникъ». — «Нельзя ли, молъ, поменьше?» — Не соглашается. А денегъ у меня въ ту пору всего-на-все тридцать копѣекъ серебромъ было... Не согласился. Ушелъ я домой и думаю про себя: какъ такъ?.. За пятьдесятъ можно, а за тридцать нельзя? За пятьдесятъ примутъ, а за тридцать не примутъ?.. Не можетъ энтого быть!.. И увидѣлъ я тогда, што грѣшенъ я кругомъ.

— Въ чемъ же ты грѣшенъ?

— Да нешто можно о Божьемъ благословеніи торговлю заводить?.. Нельзя покупать, думаю, Божьяго благословенія. Коли самъ не заслужишь, ни за какія деньги его не купишь... Ни за какія тысчи не купишь!.. А коли заслужишь, то и безо всякихъ денегъ получишь, што слѣдоваетъ... Раздумалъ я все этто, взялъ дите и самъ похоронилъ—безъ попа, безъ дьячка, безо всего... Подъ поломъ похоронилъ!

Немного погодя онъ снова заговорилъ:

— Али опять, бывало, спросишь кого: былъ на духу?—«Нѣтъ, скажетъ, не былъ».—«А отчего не былъ?»—«Денегъ не было, съ деньгами не собрал-

*) Этотъ разсказъ, какъ и все изложенное здѣсь, въ этихъ очеркахъ—голая правда. Съ удовольствіемъ можемъ заявить при этомъ, что священникъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ разсказѣ, въ настоящее время уже уволенъ отъ должности. *А. П.*

ся...» Ну, и выходитъ, што у васъ за деньги грѣхи-то отпущаютъ: есть деньги — отпустятъ, нѣтъ денегъ — не взыщи!.. Стало-быть вы Божью-то благодать за рубли да копѣйки покупаете.. Видно, у васъ поэтому и въ рай-отъ за деньги пущаютъ... по такціи!

Далѣе разговоръ коснулся, между прочимъ, иконъ. При этомъ Любовь, смѣясь, разсказала:

— Какъ-то у насъ старую избу поправляли, такъ мы въ новую переходили. Все вынесли, однѣ иконы остались въ углу. Ребятишки и смѣются: «Ей, вы, боги, — говорятъ, — пойдемъ за нами!.. Коли вы боги, перейдите сами!..» Нѣтъ, небось, остались, не пришли.

Такое отношеніе къ иконамъ вызвало протестъ со стороны чернаго мужика, — онъ горячо вступился за иконы. Сютаевъ поспѣшилъ успокоить его. Онъ заявилъ (передаю лишь общій смыслъ его возраженія), что отрицаніе или признаніе иконъ есть вещь совершенно несущественная, второстепенная, изъ-за которой отнюдь нельзя людямъ расходиться между собою. Свое возраженіе онъ закончилъ такъ:

— Мы все оставимъ: посты, иконы, все (то-есть оставимъ отрицаніе иконъ, постовъ), но единства не оставимъ, обчаго не оставимъ.

Я постарался навести разговоръ на значеніе семейныхъ отношеній, какъ они понимаются сютаевцами.

— Жена, по Писанію, меньше мужа, — говоритъ Сютаевъ, — поэтому она должна слушать его, повиноваться ему.

Но тутъ у него является сомнѣніе: въ другомъ мѣстѣ Св. Писанія сказано, что во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни мужского пола, ни женскаго, ни раба, ни свободнаго, а что всѣ люди составляютъ одно и всѣ равны между собою. Итакъ, съ одной стороны вы-

ходитъ, что жена—какъ бы «меньше» мужа, а съ другой—равна ему. Это сомнѣніе такъ и остается у него до сихъ поръ не рѣшеннымъ. Онъ только заявляетъ, что «распорядиться надъ женой мужъ не можетъ», не въ правѣ.

Сютаевцы допускаютъ семейный разводъ. Въ случаѣ ссоръ, вражды и несогласій между супругами, они должны разойтись. Но если послѣ развода онъ или она «въ Господа придетъ», т. е. сознаетъ свою вину и раскается, то они должны «соединиться сызнова». При разводѣ дѣти должны оставаться съ вѣрующимъ, т. е. съ правою стороною (съ отцомъ или съ матерью). Для того, чтобы не встрѣчалась необходимость въ разводѣ, чтобы браки были «крѣпче», прочнѣе, нужно, чтобы родители отнюдь не приневоливали своихъ дѣтей выбирать себѣ ту или другую жену, того или другого мужа. Родители должны съ своей стороны только «совѣтовать» сыну или дочери, но отнюдь не «приневоливать».

Изъ всего, что мнѣ пришлось видѣть и слышать въ семьѣ Сютаева, для меня было ясно, что всѣ присутствовавшіе при разговорѣ члены этой семьи вполнѣ солидарны между собою въ своихъ воззрѣніяхъ на церковь, на религію, на обязанности человѣка и его задачи; видно было, что ученіе Василья Кириллова глубоко запало имъ въ сердце, что оно принято ими, продумано, усвоено. Здѣсь не было и намека на ту рознь, какая имѣла, напримѣръ, мѣсто въ семействѣ Ильи Иванова.

— Вы всегда такъ мирно, дружно жили, какъ теперь?—спросилъ я, обращаясь къ «бабамъ».

— Што ты! Прежде всего бывало... Чуть што не до драки доходило... А какъ *познали*, сразу ссорамъ конецъ пришелъ. Злобы прежней ужъ и въ поминѣ нѣтъ... Куда и сердце дѣвалось!

X.

Теорія о добрыхъ и злыхъ властяхъ

По временамъ, когда разговоръ нашъ съ Сютаевымъ направлялся на такъ-называемые щекотливые вопросы и касался разныхъ темныхъ сторонъ нашего общественнаго строя въ рѣчи Сютаева слышались нерѣдко такія ноты, которыя какъ-то невольно наводили на мысль: не было ли тутъ какого-нибудь посторонняго вліянія, какой-нибудь посторонней «пропаганды», которая дала бы толчокъ его мыслямъ въ извѣстномъ направленіи.

Мнѣ удалось близко сойтись съ Сютаевымъ и смѣю думать, что онъ былъ вполнѣ откровененъ со мною. Мы разстались съ нимъ, какъ разстаются близкіе друзья. Еслибъ у него были какія нибудь особенныя встрѣчи съ интеллигентными или иными людьми, которые бы такъ или иначе повліяли на ходъ его мыслей, онъ непремѣнно сообщилъ бы мнѣ объ этомъ. Но этого не было. Только однажды съ нимъ былъ такой случай. Ѣхалъ онъ по чугункѣ. Въ вагонѣ зашла рѣчь о «писаніи». Сютаевъ, по обыкновенію, начинаетъ развивать свои идеи о любви и мирѣ. Въ разговоръ вмѣшивается кондукторъ и начинаетъ оспаривать Сютаева.

— Откуда ты это взялъ? спрашиваетъ онъ Сютаева.

— Почитай Посланіе къ Галатамъ, тогда увидишь, откуда... Тамъ прямо обозначено...

— Да вѣдь это для кого обозначено-то? Вѣдь для *галатовъ*... А ты думалъ для насъ, что ли?

Это возраженіе показалось Сютаеву дикимъ и возмутительнымъ. Онъ рѣзко напалъ на кондуктора и разбилъ его на всѣхъ пунктахъ. Тутъ же, въ вагонѣ, сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ и внимательно вслушивался въ рѣчи Сютаева Онъ подсѣлъ къ Василью Кириллову, и они потолковали съ нимъ по душѣ. Сютаевъ спрашивалъ молодого человѣка, который показался ему очень начитаннымъ: какихъ книгъ слѣдуетъ больше всего придерживаться? Какого онъ мнѣнія насчетъ старинныхъ книгъ, почитаемыхъ старовѣрами, и изъ какихъ именно книгъ можно лучше всего «истину познать»? Молодой человѣкъ говорилъ, что на свѣтѣ развелось многое множество разныхъ книгъ, что есть между ними хорошія, но много есть и худыхъ, негодныхъ, что въ старинныхъ книгахъ также «много есть кой-чего напутано», самая же лучшая книга—это Евангеліе. Чтобы не сбиться съ пути, необходимо держаться Евангелія. Но его нужно умѣть понимать, толковать и объяснять; поповское же толкованіе Евангелія невѣрно... Обо всемъ этомъ уже и ранѣе думалъ Сютаевъ; слова молодого человѣка только еще больше укрѣпили его въ его мысляхъ о значеніи Евангелія и «старинныхъ книгъ». Помимо этой случайной, мимолетной встрѣчи, у Сютаева не было никакихъ столкновеній съ людьми, которые бы задавались цѣлью повліять на его воззрѣнія въ извѣстномъ смыслѣ. Вся его «вѣра», все его ученіе—есть результатъ его собственныхъ думъ, продуктъ

его собственной работы мысли, безъ всякой посторонней помощи, безъ всякаго вліянія со стороны кого бы то ни было. Современная жизнь со всѣми ея ненормальными, уродливыми явленіями — вотъ что единственно будило и направляло его мысль; «писаніе» только подкрѣпляло, освящало своимъ авторитетомъ выводы, догадки и заключенія, къ которымъ приводилъ его анализъ общественныхъ отношеній.

Мы уже видѣли результаты этой работы, этого анализа въ области религіозной и въ области соціальной, — посмотримъ же теперь, что думаетъ Сютаевъ о нашихъ гражданскихъ, государственныхъ порядкахъ и учрежденіяхъ.

— Мы должны почитать высшнію власть.—говоритъ Сютаевъ,—а высшняя власть должна заботиться о насъ, о народѣ. Если же власть не заботится о народѣ, то я долженъ сказать ей объ энтомъ.

— Да... Такъ вотъ тебя и послушаютъ! — иронически замѣчаетъ обыкновенно на это кто-нибудь изъ присутствующихъ.

— За энто, братъ, какъ бы тебя противъ шерсти не погладили!...

— Очень даже просто... Шаровары скинутъ, да та-акими угостятъ горячими!...

— Любовь, братецъ, никто раззорить не можетъ,—возражаетъ Сютаевъ. — Будемъ добрыми и власть будетъ добра.

Относительно моленія за властей Сютаевъ говоритъ: «въ Евангеліи сказано, что нужно молиться перва за народъ, а потомъ за царя. Теперь въ церквахъ дѣлаютъ неправильно, молясь сначала за царя, а ужь потомъ за народъ».

— Властямъ нужно повиноваться... Но власти бываютъ добрыя и злыя. Власти, которыя не вну-

тренія, въ сердцахъ не добрыя—это злыя власти. Онѣ дѣлаютъ неправду, поэтому имъ не слѣдуетъ повиноваться, такъ какъ онѣ запутываютъ насъ, людей.

— Какую же не правду дѣлаютъ злыя власти?— спрашивалъ я.

— А войну хто дѣлаетъ?... А оброки злые хто дѣлаетъ?... Опять же въ острогъ хто сажаетъ?... Все отъ неii идетъ, отъ злой власти!...

О судахъ нашихъ Сютаевъ весьма невысокаго мнѣнія *).

Въ судахъ правды почитай-что совсѣмъ нѣтъ. Судьи должны судить по-евангельски, но никто не судитъ такъ. Правды въ жизни нѣтъ, поэтому и судеii такихъ ставятъ: пьяницъ, злыхъ, мздоимцевъ... На судѣ должны всякое дѣло разсмотрѣть, разспросить, а теперь другоii разъ на судѣ-то и слова не дадутъ сказать: «молчать!!».

Я попросилъ Сютаева подробно разсказать мнѣ о томъ, что происходило у него со старшиноii, когда тотъ требовалъ уплаты податей.

— Прителъ волостной насчетъ оброка. Я и спрашиваю: «кому, молъ, оброкъ? Зачѣмъ оброкъ?» Показываю волостному Евангеліе и говорю: «Ты— вышняя власть, ты разсуди мнѣ». Волостноii на Евангеліе и глядѣть не хочетъ.—«Я, говоритъ, не за энтимъ пришелъ.. Подаii деньги!» — «Я тебѣ деньги отдамъ, мнѣ молъ денегъ не жалко, только ты разсуди мнѣ: кому оброкъ?» — «Начальству», говоритъ.—«Начальство должно быть доброе, говорю. Ты долженъ добрый оброкъ собирать, кроткіii, а не то чтобы выколачивать... Грѣхъ насиліемъ оброкъ отдавать... Разсудимъ, говорю, энто дѣло:

*) Необходимо замѣтить однако, что при критикѣ судовъ Сютаевъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду свои, крестьянскіе, волостные суды.

можетъ тогда и оброку-то не надо будетъ, а?... Разберемъ!...» — «Пошелъ ты, говоритъ, къ лѣшему, есть время мнѣ съ тобой валандаться!» — И началъ меня ругать. — «А коли такъ, — говорю, — коли ты не хошь Спасителевы слова разсудить, нѣтъ тебѣ ни гроша!...» И началъ онъ калитку ломать. — «Пусти!» говоритъ. — «Не пущу! Коли ты не хошь слова Божія разсудить, ты, стало-быть, не высшняя власть, а воръ, хищникъ, грабитель! Вотъ ты хто!...» — «Ломай, говоритъ робята ворота!.. Онъ — бунтовщикъ!» — Разбили ворота. Взяли со двора: корову, лошадь, овцу... Увели, продали съ укціона, деньги себѣ взяли на оброкъ.

— Тѣмъ дѣло и кончилось?

— Нѣтъ, не кончилось, — волостной жалобу подалъ... Слѣдователь Кротковъ разбиралъ наше дѣло.

— Ну, и что же?

— Ну, въ судъ повели... Я взялъ Евангеліе, Тихона Задонскаго взялъ и пошелъ въ судъ. Одинъ судья... какъ бишь его зовутъ?... Товаришъ... про... прокурора говоритъ: «Въ острогъ его надыть безпремѣнно, штобы не бунтовалъ...» А я говорю судьямъ: «Вы не меня судите, вы книги судите», — и показываю имъ Евангеліе... Не взяли во вниманіе!... Осудили сперва на три мѣсяца въ острогъ, потомъ перемѣнили — на семь дней... На судѣ волостной былъ, Тихонъ Ивановъ; онъ разсказывалъ, какъ то-есть я его не пущалъ въ домъ за оброкомъ. Я слушалъ, слушалъ, а потомъ и говорю судьямъ: «Дозвольте мнѣ разокъ спросить Тихона Иванова». — «Спрашивай», говорятъ. Я и спросилъ: «А что, Тихонъ Ивановъ, какъ ты живешь: по духу, али по плоти?...» Онъ помолчалъ, а потомъ и говоритъ: «Я, говоритъ, по плоти живу». — «Ну, коли по плоти, то тебѣ и вѣры нельзя дать. По книгамъ по плоти жи-

вущіе Богу угодить не могутъ, а стало-быть и вѣры имъ нѣтъ никакой...» Што-жь ты думалъ? Волостной-отъ былъ врагъ, а теперь другъ сдѣлался. Теперь онъ изъ волостныхъ вышелъ и все говоритъ: «Ужо покаюсь .. Невѣрно мы живемъ,—охъ, невѣрно!... Не сегодня-завтра, ужо покаюсь...» Денегъ мнѣ какъ-то на оброкъ далъ безъ росписки, безо всего... Я ему говорю: «Ты, Тихонъ Ивановъ, воръ... Ишь сколько нажилъ добра разнаго! Развѣ энто не воровство? Все, молъ, награблено у тѣхъ же крестьянъ...»

— Что-жъ онъ?

— Што?—Самъ признается, што воръ.

— Ну, а на другой годъ тоже вѣдь оброкъ собирали,—были у тебя?

— Какже, были... Я опять говорю: «Сдѣлай милость, разсудимъ, къ чему оброкъ?» — Старшина кричитъ: «Знать ничего не знаю, подавай деньги!» — «А коли такъ,—говорю,—не дамъ...» Силкомъ зашли во дворъ, опять лошадь да корову угнали. А я опять ихъ обозвалъ ворами, хищниками, грабителями.

— Чего же ты добивался-то отъ нихъ?

— Чего? — Онъ долженъ былъ научить меня: куда оброкъ, зачѣмъ... Высшняя власть должна быть добрая, — да, а не то штобы послѣднюю корову со двора сводить.

— Теперь же ты платишь, хотя тебѣ и не объяснили?

— Я и теперь то же говорю. Ни одного рубля не отдамъ такъ, штобы не сказать: воры вы, хищники, грабители... Только ужь теперь меня не гонятъ.

На мои распросы о томъ, каково вообще живутъ въ ихъ мѣстахъ крестьяне, Сютаевъ обыкновенно отвѣчалъ, что крестьяне у нихъ живутъ весьма

«тосшо» (тощо) и скудно, и объяснялъ это явленіе такъ:

— Спервоначалу были обременены господами. Опосля того надѣлъ получили, надѣлъ махонькой. Земли дали худыя, а теперь глядятъ, какъ бы и тѣ оттягать. Въ Заполье господинъ двадцать десятинъ у мужичковъ отрѣзалъ,—говоритъ: этто вамъ землемѣръ лишнихъ далъ. Они судиться, хлопотать... Пользы не получили, а въ долги влѣзли. Опять же народъ въ одиночество бросился, въ раздѣлы. А тутъ оброки злые. За подати скотъ продаютъ, этимъ въ остатки раззоряютъ.

Я спросилъ, часто ли бываютъ случаи продажи скота за недоимку.

— Ишо бы не часто! Въ Удальцовѣ намеднись *кошку* съ укціона продали. Право слово, кошку! Пятнадцать копѣекъ взяли. А все за подати, за оброки.

Какъ-то разъ, послѣ одного изъ подобныхъ разговоровъ, Сютаевъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своей жизни.

— Думалъ, думалъ я объ этомъ, — говорилъ онъ,—да и надумалъ: поiду къ царю! Пойду, пойду и—кончено... Напишу ему прошеніе (такого человѣка найду, што напишетъ) духовное прошеніе, вложу этто прошеніе въ Евангеліе да такъ и подамъ ему.

— Что же ты хотѣлъ написать въ прошеніи?

— Я-то? Хотѣлъ, братецъ... перво-на-перво, што Евангелія нихто не принимаетъ: ни власти, ни хрестьяне,—нихто не принимаетъ, да! По Евангелію не поступаютъ... А черезъ то въ народѣ тягота, обиды... Надумалъ, деревню бросилъ, пришелъ въ Питеръ... Што-же бы ты думалъ?—Не допущаютъ. Не допущаютъ и шабашъ! Хотѣлъ какъ-нибудь инако да

смѣлости нѣтъ... Што хошь, нѣтъ смѣлости да и только!

Извѣстныя событія послѣднихъ лѣтъ не могли, разумѣется, пройдти незамѣченными Сютаевымъ. Стремясь разгадать невѣдомый, сокровенный для него смыслъ этихъ событій, Сютаевъ тщетно пытается уяснить себѣ причины этихъ страшныхъ катастрофъ, кровавымъ слѣдомъ прошедшихъ предъ нашими глазами.

— Ишо есть люди, особенные, на штундистовъ схожи по названью.. Хто говоритъ - они изъ господъ, хто - изъ поповичей... По Питеру ходятъ... Какъ бишь ихъ... Да, штунденты!... Вѣрно, вѣрно—штунденты!... Слыхалъ?

Я сказалъ, что слыхалъ, объяснилъ ему, что это за люди, и затѣмъ спросилъ его, не зналъ ли онъ кого-нибудь изъ этихъ «штундентовъ».

— Нѣтъ, ни единаго не знавалъ... Только люди баютъ, што энти самые штунденты говорятъ: царя не надо... Не надо, говорятъ, царя... Кажись, царь ничего худого намъ не сдѣлалъ. Ну, не надо... Ладно... Што-жъ тогда будетъ?... Вотъ про меня тоже говорятъ: онъ царя не признаетъ, власть не признаетъ. Только этто не вѣрно: я злой власти не признаю, а добрую власть я признаю.

Теперь Сютаевъ, вслѣдствіе тѣхъ возраженій, которыя ему приходится постоянно слышать отъ православныхъ о томъ, что «начальство не допуститъ» до устройства «обчей жизни», о которой онъ мечтаетъ,— начинаетъ все чаще и чаще задумываться на тему о начальствѣ и власти.

— Какой тутъ вредъ!—говоритъ онъ.—Было бы за што гнать-то... Начальство должно понять, разсудить все должно. Тутъ вреда нѣтъ никакого. Окромя пользы нѣтъ ничего. Нужно собраться

всѣмъ вѣрнымъ, нужно жисть устраивать. Можетъ за этто и пострадать придется, только на это не глядѣть.

— Быть тебѣ судиму, Василій, — вслушиваясь въ эти рѣчи и покачивая головами, говорятъ ему знакомые мужики.

— Я суда не страшусь!... На суду должны все разсмотрѣть. Соперники—священники, али другіе какіе народы—должны тутъ же становиться... Желалъ бы я суда! Надо все разсмотрѣть... Тихонъ Задонскій—не спутавши ли онъ какое слово? Али въ Евангеліи—такъ ли все?... Подтвердить надо!

— Ишь что выдумалъ!—возражаютъ ему на это разные «полированные» люди, въ родѣ Ивана Зиновеича.—Какъ же, жди, будетъ тебѣ уголовный судъ Евангеліе разбирать!... Вѣдь ишь чего захотѣлъ!... Да гдѣ-жь энто слыхано?

— Должонъ все разсмотрѣть... Все должонъ по порядку разсмотрѣть!—съ жаромъ, съ увѣренностью заявляетъ Сютаевъ.

— Чу-удакъ!... Да коли законъ воспрещаетъ?

— Ахъ, братъ, да вѣдь этто перемѣнить должно, все по порядку перемѣнить! Коли добрая власть, она должна тебя послухать, должна перемѣнить...

XI.

„Исканіе правильной вѣры“.

Какъ-то разъ я спросилъ Сютаева, давно ли онъ научился грамотѣ.

— Двадцати лѣтъ я женился и сряду же началъ учиться,—отвѣчалъ Василій Кирилловъ.

— Зачѣмъ же ты надумалъ учиться?

— Хотѣлось Писаніе читать... Нужно, думаю, познать законъ Божій. Невѣрно мы живемъ,—охъ, невѣрно! Надо познать законъ Божій,—не будетъ безъ того спасенія человѣку... Ладно. Купилъ азбуку, началъ кое-што разбирать. Пошелъ въ синодальную лавку...

— Гдѣ это было?

— Въ Питерѣ. Купилъ Евангеліе, Тихона Задонскаго купилъ. Началъ читать Евангеліе,—ну, только вижу, все не такъ мы живемъ.

— Кто же тебѣ посовѣтовалъ эти именно книги купить?

— Священникъ въ Питерѣ. «Купи, говоритъ, ты Библію, Евангеліе...» А я говорю: «Отъ Библіи-то, баютъ, люди зачитываются».—«Не вѣрь, говоритъ, этому: мы вѣкъ свой читаемъ да не зачитываемся».

— Ну, и что же, понравилась тебѣ Библія?

— Разныя книги доводилось читать, но только лучче Евангелія не нашелъ... Тихонъ Задонскій тоже остро пишетъ... Купилъ Евангеліе, сталъ вникать, вникать и нашелъ ложь въ церкви, ложь кругомъ, во всемъ ложь!.. Сталъ я искать правильной вѣры... Долго искалъ!... Только вижу, христіанинъ дерется, еврей дерется, старовѣръ дерется, православный дерется... Во всѣхъ вѣрахъ раздоръ, убійство идетъ... Нѣтъ ни одной правой!... Языкомъ вси вѣруютъ, а дѣловъ нѣтъ.. А вѣра—въ дѣлахъ, вѣра—въ жизни... Въ церковь можно ходить, можно и не ходить, а жисть нужно наблюдать... Правда штобы на всякомъ мѣстѣ была, правда! Правда да любовь,—энто пуше всего...

— Въ ту пору я въ Питерѣ жилъ, маклачилъ; деньги наживалъ... Довѣріе мнѣ отъ хозяевъ было большое. По четырнадцати тысячъ довѣряли. У Корфа манументъ дѣлалъ... У насъ лавка была своя на Волковомъ, манументами торговли... Цѣльные три года торговли, только и думали о томъ, какъ бы капиталу нажить побольше... Въ лавкѣ-то у насъ сынъ сидѣлъ, Митрій. Только онъ говоритъ: «Согрѣшаемъ, отецъ,—охъ, согрѣшаемъ!... Много, говоритъ, грѣха въ торговли. Надо, говоритъ, бросить...» Я говорю: «Хоть ишо годокъ поторгуй». — «Нѣтъ, говоритъ, не могу,—*трудиться* пойду...» И пошелъ.

— Что-жь онъ теперь дѣлаетъ?

— Камень долбитъ, — каменотесъ, — отвѣчалъ Сютаевъ.

Онъ вдругъ замолчалъ и задумался.

— Да, долбитъ... Только и тутъ неладно,—проговорилъ онъ въ раздумьи.

— Отчего же неладно?

— Какъ тебѣ сказать?... На совѣсть работать,

безъ ряды,—вмѣсто пятидесяти хозяинъ двадцать дастъ... Наниматься... а што о наемникахъ-то сказано?—Наемникъ—хищникъ... Надо, штобы найму не было, штобы все значитъ сообча было... Когда найму не будетъ, тогда и злобы не будетъ...

— Какой же грѣхъ въ торговлѣ?—спрашивалъ я Сютаева.

— Обманъ!... Хоть у насъ, къ примѣру: вещи были дорогія—памятники, манументы... Испортить бывало, расколешь, а бросать жалко. Задѣлаешь, штобы не видать было, и продаешь такъ... Другой божится, што все хорошо, а у самого.. Сютаевъ махнулъ рукой.

На это я возражалъ, что можно торговать «честно», не прибѣгая къ подобнымъ грубымъ обманамъ. Но Сютаевъ не соглашался со мной и доказывалъ, что всякаго рода торговля непремѣнно основана на стремленіи получить «прибытокъ», то-есть возможно большій процентъ... А взиманіе процентовъ (ростъ), по мнѣнію Сютаева, страшный грѣхъ. «Энтого» не будетъ современемъ, не можетъ это остаться. Не можетъ остаться такой порядокъ вещей, при которомъ одинъ живетъ «дарма», не трудясь и не работая, на готовый капиталъ, на проценты, а другой бьется до кроваваго поту изъ-за каждаго куска хлѣба. «Всѣ должны сами трудиться, сообча,—единство должно быть,»—«за капиталомъ не гоняться, потому въ капиталѣ—наша погибель».

— Покончилъ торговлю,—разсказывалъ Сютаевъ,—деньги всѣ кой-куда извелъ и домой, въ деревню, поѣхалъ.

Куда и какъ «извелъ» онъ деньги, вырученныя отъ торговли «манументами», Сютаевъ обыкновенно не говоритъ; но люди близкіе къ нему разсказываютъ, что по окончаніи торговли Сютаевъ около

1.500 рублей (все, что у него осталось отъ торговли) роздалъ нищимъ въ Петербургѣ; затѣмъ всѣ имѣвшіеся у него векселя онъ изорвалъ въ клочки.

Освободившись такимъ образомъ отъ ненавистнаго ему «прибытка» и «капитала», Василій Кирилловъ бросилъ Питеръ и отправился домой, на родину.

— Пріѣхалъ въ деревню,—говоритъ онъ,—вижу, любви у насъ нѣтъ,—всѣ за мздой гоняемся... И сталъ я разбирать: энто къ чему, то къ чему... Сталъ съ людями совѣтоваться, у священника сталъ спрашивать: «Батюшка, говорю, разсуди мнѣ: какъ энто понять? Какъ намъ добрыми быть, какъ намъ луччими быть?..» Вижу, много мы исполняемъ, только все пользы нѣтъ... Перво-наперво крестъ носить бросилъ.

— Отчего такъ?

— Лицемѣрно это: на вороту крестъ носимъ, а въ жизни не несемъ,—за правду не стоимъ, за правду не терпимъ... Къ чему же носить?.. Ребенокъ о ту пору родился. Люди говорятъ: «крестить надо...» Думаю умомъ: зачѣмъ крестить? Мы всѣ крещены, а живемъ хуже некрещеныхъ. Крестились, а грѣхъ дѣлаемъ,—какая польза отъ энтого?... И бросилъ крестить.

Такъ мало по-малу отрѣшался Сютаевъ отъ установленій православной церкви, такъ шагъ за шагомъ шло его отпаденіе отъ господствующаго вѣроисповѣданія. Хотя оффиціально онъ по-прежнему продолжалъ числиться въ средѣ вѣрныхъ сыновъ господствующей церкви, но сердцемъ онъ уже далече отстоялъ отъ нея; въ этомъ сердцѣ все сильнѣе и сильнѣе назрѣвало чувство полнаго неудовлетворенія,—назрѣвало по мѣрѣ того, какъ опредѣлялись его альтруистическіе порывы, какъ постепен-

но крѣпла его мысль. Связь порывалась... Достаточно было самаго незначительнаго повода, чтобы вызвать его на окончательный разрывъ съ церковью, отъ которой ему казалось, вѣяло холодомъ, мертвою формой. И дѣйствительно, за поводомъ дѣло не стало.

— На праздникѣ это было,—разсказывалъ Сютаевъ.—Священникъ по дворамъ съ крестомъ ходилъ. Пришелъ къ намъ въ избу. Посадили его въ большой уголъ и стали спрашивать... Можетъ онъ, по праздничному дѣлу, хмѣленъ былъ, только онъ ни сипя пороху не могъ мнѣ разсказать—какъ, што.. Сталъ я его о крещеніи спрашивать: «Какого ишо, говоритъ, тебѣ крещенія нужно? Палкой окрестить тебя, што-ли?»—Я ему резонты выговаривать сталъ... — «Зналъ бы, говоритъ, въ купели тебя утопилъ». И началъ браниться,—всячески называлъ: и дьяволомъ, и чортомъ... Я все молчу... Какъ пересталъ браниться, я ему и говорю: «Батюшка! объясни ты мнѣ ишо одно мѣсто, и читаю ему изъ Посланія къ Евреямъ...

И Сютаевъ прочелъ 11-й стихъ 10-й главы Посланія къ Евреямъ: «И всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи и многократно приноситъ однѣ и тѣ же *жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ*».

— О чемъ, говорю, тутъ сказано? О какихъ жертвахъ? Не о причастіи ли молъ?—и даю ему въ руки Евангеліе.

Онъ взялъ, прочиталъ, да ка-акъ шваркнетъ его на полъ, прямо подъ порогъ.—«Яйца курицу не учатъ!»—говоритъ...

— Страхъ меня взялъ...—«Што ты, батька, надѣлалъ?—говорю... А-я-я-я, грѣхъ какой!... Вѣдь этто ты слово Божіе!... Вѣдь оно у тебя въ алтарѣ

стоитъ, на престолѣ... энто самое только што корешокъ въ бархатѣ... Такъ-то ты почитаешь Христовы слова!... Ну, говорю, съ энтихъ поръ я тебя не приму, нѣтъ!... Не учитель ты, а прямо сказать— волкъ! Слѣпецъ!.. А слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму упадутъ... Не надо мнѣ тебя!...»

До сихъ поръ Сютаевъ не можетъ говорить объ этомъ покойно; до сихъ поръ въ голосѣ его слышится сильное волненіе каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь объ этомъ случаѣ изъ его жизни.

— Съ энтой самой поры и въ церковь пересталъ ходить, вовсе бросилъ...

Такъ постепенно совершилось отпаденіе Сютаева отъ церкви. Ни пашковцы, ни штундисты не играли тутъ ровно никакой роли. Сютаевъ оставилъ ѣздить въ Питеръ еще задолго до того времени, какъ Пашковъ впервые выступилъ на сцену въ качествѣ проповѣдника; онъ ни разу не былъ на его проповѣдяхъ и собраніяхъ. Затѣмъ ни въ Кіевѣ, ни въ другихъ мѣстахъ распространенія штунды Сютаевъ также никогда не бывалъ и ни съ однимъ изъ штундистовъ никогда не встрѣчался. Только годъ тому назадъ узналъ онъ о существованіи на свѣтѣ штундистовъ: сыновья его прислали ему изъ Питера нѣсколько нумеровъ газетъ, въ которыхъ сообщались нѣкоторыя свѣдѣнія о штундистахъ. Онъ читалъ эти газеты и ему очень понравилось ученіе штундистовъ.

— Съ нами сходственны,—говоритъ онъ объ ученьи младоштунды.—Все праведно, все истинно!

Итакъ, потерявъ надежду добиться съ помощію церкви и ея служителей отвѣтовъ на тѣ сомнѣнія, которыя терзали и мучили его душу и которыя въ сущности сводились къ вопросу о томъ, «какъ намъ добрыми быть, какъ намъ лучшими быть»,—Сюта-

евъ окончательно порываетъ съ церковью и съ ея пастырями, полная нравственная несостоятельность которыхъ во-очію раскрылась передъ нимъ. Съ этихъ поръ онъ уже болѣе не обращается къ нимъ ни за совѣтами, ни за разъясненіями. Онъ еще болѣе, чѣмъ прежде, углубляется въ «писаніе», вникаетъ въ него, и одинъ, самъ съ собою, обдумываетъ вопросъ, который всецѣло овладѣваетъ его сердцемъ, его головой: «какъ сдѣлать, чтобы грѣшники не грѣшили, воры не воровали?»

Результатомъ этого «вниканія» и чтенія, этихъ думъ и размышленій была теорія «общей жизни». Увѣрившись, что это именно то, о чемъ онъ такъ долго и такъ страстно мечталъ, Сютаевъ рѣшилъ немедленно же оповѣстить о своемъ открытіи всѣхъ своихъ «ближнихъ». Это дѣлалось не изъ тщеславія, а единственно потому, что онъ считалъ себя не въ правѣ скрывать отъ людей открытіе, съ помощію котораго, какъ онъ глубоко вѣрилъ, неминуемо должны были водвориться на землѣ и правда, и любовь, и братство. Онъ просилъ своихъ односельцевъ собраться всѣмъ вмѣстѣ. Пріемъ, употребленный имъ для убѣжденія своихъ слушателей, чрезвычайно оригиналенъ. Дѣло происходило такъ.

Когда всѣ собрались, Сютаевъ, обратившись къ одному изъ стоящихъ подлѣ него мужиковъ, спросилъ:

— Ты, Никита Ивановъ, воръ?

Всѣ не мало удивились такому вопросу, такъ какъ всѣ знали Никиту за хорошаго, честнаго мужика.

— Пока Богъ миловалъ —отвѣчалъ Никита.

— А ты — воръ?—обратился Сютаевъ къ другому сосѣду.

— Избави Господи!—отвѣчалъ тотъ.

— А ты какъ, воръ? — спрашивалъ Сютаевъ слѣдующаго. Но и тотъ оказался тоже совсѣмъ не воромъ. Такимъ образомъ всѣхъ переспросилъ Сютаевъ и не одного вора не оказалось.

— И я тоже не воръ,—въ свою очередь заявилъ Сютаевъ, окончивши опросъ.—Всѣ мы, выходитъ, не воры,- продолжалъ онъ,—зачѣмъ же мы живемъ хуже воровъ? Зачѣмъ у насъ замки, зачѣмъ запоры? Отъ кого энто мы запираемъ, коли всѣ мы не воры?... Зачѣмъ у насъ сторожа, зачѣмъ загороды?.. Зачѣмъ у насъ межи, али опять участки?... Зачѣмъ мы всякій прутикъ раздѣливши?... И пошелъ, и пошелъ.

Нарисовавъ картину всѣхъ тѣхъ непорядковъ, какими, по его мнѣнію, изобилуетъ современная жизнь людей, онъ вслѣдъ за тѣмъ торжественно указалъ на средство исцѣленія отъ всѣхъ тѣхъ недуговъ, что удручаютъ людскую жизнь. Мы уже знаемъ, въ чемъ именно состояло это средство, а потому я не буду приводить здѣсь его рѣчей, обращенныхъ къ его односельцамъ. Скажу только, что эти рѣчи заставили многихъ изъ нихъ крѣпко задуматься.

Мы уже не разъ имѣли случай убѣдиться, что у Сютаева слово не расходится съ дѣломъ. Разъ онъ убѣдился, что отъ крещенія «пользы нѣтъ», онъ немедленно же перестаетъ крестить своихъ дѣтей, нисколько не заботясь о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя неминуемо должно было повлечь за собою такое рѣшеніе. Убѣдился онъ, что всякаго рода погребальные обряды—людская «пустая» выдумка, и онъ тотчасъ же отрѣшается отъ этихъ обрядовъ. тотчасъ же перестаетъ слѣдовать имъ, совершенно пренебрегая тѣми преслѣдованіями, которыя обильнымъ дождемъ сыплятся на него за столь дерзкое

нарушеніе обычая, всѣми принятаго, всѣми исполняемаго. Рѣшилъ онъ, что война—грѣхъ, «неправда», и вотъ онъ радъ, когда его родной, любимый сынъ открыто, смѣло заявляетъ, что его языкъ не повернется для словъ клятвы, въ которой говорится о «пролитіи крови человѣческой», что рука его не прикоснется къ оружію; его не смущаетъ даже мысль о томъ, что это геройство дорого обошлось его любимцу. Онъ отъ всего сердца «жалѣетъ» его, какъ сына, а въ душѣ гордится имъ, какъ гордится учитель своимъ достойнымъ, славнымъ ученикомъ. Рѣшилъ Сютаевъ, что торговля—грѣхъ, что всякаго рода «прибытокъ», «капиталъ»—тоже грѣхъ, и вотъ онъ бросаетъ торговлю, раздаетъ нищимъ деньги, вырученныя не столько отъ этой торговли, сколько добытыя тяжелымъ, упорнымъ, по истинѣ кровавымъ трудомъ каменотеса, рветъ въ клочки векселя, оставшіеся отъ торговли.

Съ тою же самой послѣдовательностью относится Сютаевъ и къ вопросу о реализаціи идей „общей жизни". Проникшись этой идеей, онъ прежде всего спѣшитъ по возможности провести и примѣнить ее къ своей жизни. Началъ онъ съ того, что снялъ всякіе запоры съ воротъ и калитки, снялъ отовсюду замки и забросилъ ихъ, открылъ клѣть, открылъ амбары и сараи, пересталъ городить „загороды". Затѣмъ онъ принялся всюду проповѣдывать эту идею. Ему удалось даже устроить цѣлую братскую общину, основанную на общеніи имущества и труда во имя христіанской любви,—общину, о судьбѣ которой мы уже упоминали въ началѣ настоящаго очерка и о которой когда-нибудь впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе. Въ это же время Сютаевъ оставилъ всякія занятія по хозяйству и сдѣлался пастухомъ „общаго скота". У Сютаева начались по-

кражи. Долгое время онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Какъ относился онъ къ этимъ покражамъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая.

Однажды черезъ Шевелино проходила какая то женщина. Остановилась она у Сютаева. По обыкновенію, ее накормили, напоили и уложили спать. Поутру она встаетъ и видитъ, что клѣть стоитъ не запертою, амбары не заперты, сундуки безъ замковъ. Открыла она сундукъ и видитъ платья женскія, платки, юбки, — соблазнилась. Вынула юбку, еще кое что, завязала все это въ „жгулекъ" (узелъ), а затѣмъ тихонько вышла изъ дому и направилась черезъ поля. Но на поляхъ, какъ на грѣхъ, былъ народъ: видятъ—идетъ незнакомая баба, несетъ жгулекъ съ пестрымъ платьемъ и все оглядывается. Ее заподозрили, спросили, „гдѣ ночевала", — и когда узнали, что она ночевала у Сютаева, то подозрѣнія еще болѣе усилились, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что у Сютаева все открыто, все „настежъ", не заперто. Потребовали, чтобы баба съ жегулечкомъ вернулась и дошла съ ними до Сютаева, съ цѣлью удостовѣриться въ справедливости ея словъ, но баба не хотѣла этого сдѣлать и попыталась бѣжать: тогда ей связали руки и повели въ деревню, къ Сютаеву. Привели. Кража обнаружилась. Приходитъ Сютаевъ и говоритъ:

— Зачѣмъ это вы ей руки-то связали?

— Не воруй! — говорятъ.—Для того воровъ и вяжутъ, чтобы не воровали.

Сютаевъ посмотрѣлъ на всѣхъ, покачалъ головой и говоритъ:

— А мы-то сами кто такіе?... Посмотрите на себя-то,—развѣ мы не воры?

— На судъ ее представить... Тамъ разберутъ.

— Зачѣмъ на судъ?—возражаетъ Сютаевъ.— Судъ въ острогъ посадитъ... А окромя энтого судъ ничего не подѣлаетъ. Будетъ она сидѣть, — какая польза отъ энтого?.. Кабы у насъ все обчее-то было,—не было бы у насъ тогда воровъ и судъ былъ бы тогда обчій и не такой... не то, штобы въ заключенье, и—шабашъ!

— Да ты ей хоть по шеѣ-то наклади, штобъ она на предыдущее время опаску имѣла, — совѣтуютъ Сютаеву.

Жена Сютаева, Мареа, разбираетъ жгулекъ и ворчитъ:

— Ишь какія воровки ходятъ!... Ихъ кормятъ, поятъ, а онѣ только и глядятъ, какъ бы стащить што...

— Полно, Мареа, браниться, — говоритъ Сютаевъ,—дай ей лучше обѣдать... Накорми и пусть себѣ идетъ съ Богомъ.

Время шло, а кражи изъ двора и дома Сютаева не только не прекращались, а наоборотъ—все усиливались. Чаще всего ворами являлись прохожіе, странные люди; затѣмъ свои шевелинскіе ребята, молодые парни изъ числа не принадлежащихъ къ братской общинѣ, тащили хлѣбъ изъ сютаевскихъ амбаровъ каждый разъ, когда у нихъ являлось желаніе выпить или опохмѣлиться. Въ концѣ концовъ эти кражи заставили Сютаева вернуться къ замкамъ и запорамъ. Но онъ и теперь признаетъ эти порядки ненормальными, сильно тяготится ими и скорбитъ сердцемъ объ уступкѣ, которую вынужденъ былъ сдѣлать.

— Открыть клѣть,—говоритъ онъ,—меня кругомъ обокрали. Должонъ былъ замки повѣсить... Идите за мной, сичасъ все отопру, всѣ замки заброшу..

Эта неудача однако не прошла для Сютаева даромъ,—онъ извлекъ изъ нея полезный урокъ. Благодаря этой неудачѣ, онъ убѣдился, что отдѣльныя, единичныя попытки переустройства жизни на новыхъ началахъ правды и любви не могутъ привести къ желанной цѣли, если вся окружающая жизнь будетъ по-прежнему оставаться на тѣхъ же самыхъ устояхъ неправды, злобы, „найма", „капитала" и т. п. Теперь онъ мечтаетъ о томъ, чтобы устроить новую „обчую" жизнь въ цѣлой деревнѣ, въ цѣломъ селѣ или въ поселкѣ—въ Шевелинѣ, въ Удальцовѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ—это все равно но, главное, непремѣнно такъ, чтобы все селеніе цѣликомъ вошло въ общину.

Несмотря на фіаско его братской общины, Сютаевъ и до сихъ поръ остается пастухомъ и ничѣмъ больше, хотя теперь ему приходится пасти уже только свой собственный скотъ. У него много скота, онъ необыкновенно любитъ его, заботливо ходитъ за нимъ, холитъ его.

— Мнѣ ихъ жалко, сусѣдей своихъ,—говоритъ онъ,—вотъ какъ жалко!.. Ругаются промежъ собой, ругаются на животину, на коней... Пашутъ, а сами на лошадь: «стерва», «проклятая»!.. Ахъ, вы мои желанные! Да какая же она стерва? Какая же она проклятая?.. Господь далъ, отъ нихъ питаемся... Наемниковъ нанимаютъ пастуховъ, на поруганіе имъ скотину отдаютъ... Пастуховъ надо выбирать добрыхъ, благочестивыхъ.

Односельцы просятъ его взять пасти и ихъ скотъ, предлагаютъ ему за это жалованье.

— Не надо мнѣ вашего жалованья,—говоритъ Сютаевъ,—не хочу я по жалованью... *Жалованье-то наемники берутъ... Устроимъ жисть по Писанію*, что-

бы все было обчее, тогда съ радостью буду гонять весь вашъ скотъ безъ всякаго безъ жалованья.

Стремленіе «устроить жисть» на новыхъ, справедливѣйшихъ началахъ, „по Писанію", „по Евангелію"—до сихъ поръ составляетъ пламенную мечту Сютаева и въ то же время ученіе объ этомъ устройствѣ является главнымъ догматомъ его „вѣры".

Меня не могъ, конечно, не интересовать вопросъ о томъ, какъ относится окрестное населеніе къ Сютаеву и его ученію. Бродя по сосѣднимъ деревнямъ, встрѣчаясь съ мужиками и бабами въ полѣ, посѣщая ихъ избы и принимая ихъ у себя въ качествѣ гостей, за безконечнымъ чаепитіемъ я, такъ или иначе, почти всегда наводилъ разговоръ на Сютаева.

Извѣстная часть населенія относится къ Василью Кириллову отрицательно; изъ нихъ одни глядятъ на него такъ сказать свысока, другіе—съ насмѣшкой. Это большею частію наиболѣе богатые, наиболѣе зажиточные или же „полированные" люди. Припоминая ихъ отзывы о Сютаевѣ, я убѣждаюсь, что этихъ людей всего болѣе возмущаетъ то обстоятельство, что вотъ, дескать, простой, сѣрый мужичонко, безъ капитала, безъ достатка, даже безъ „полировки", какую гордыню забралъ въ свою голову, что считаетъ себя умнѣе всѣхъ—и архіереевъ, и начальниковъ разныхъ, и митрополитовъ и т. д., никому не вѣритъ, никому не покоряется...

Другіе говорятъ Сютаеву:

— Ты все толкуешь, все толкуешь, а дѣловъ у тебя настоящихъ нѣтъ. Ты возьми да сотвори чудо тогда мы тебѣ повѣримъ. Коли ты святой, вотъ тебѣ рѣка, перейди ее, тогда мы тебѣ повѣримъ.

— Онъ Библіи начитался, а вѣдь это такая книга, что подольше почитать ее, такъ, пожалуй, все бросишь,—даже, говорятъ, нѣкоторые разсудкомъ мѣшаются... Мы ему смѣемся, говоримъ: ужь ты лучче брось трудиться, *живи духомъ!*.. Ступай въ пустыню...

Но рядомъ съ этимъ можно встрѣтить и такихъ людей, въ которыхъ явно замѣчается наклонность представить Сютаева святымъ человѣкомъ, угоднымъ Богу и находящимся подъ Его особымъ покровительствомъ.

— Много ли скота у Сютаева?—спросилъ я однажды молодую дѣвушку, сосѣдку Василья Кириллова.

— Много,—отвѣчала она.—Сколько уводили, уводили со двора, а все много. *Они* уводятъ, а Богъ ему невидимо даетъ, все больше да больше посылаетъ... Ворота ломали, съ укціона продавали, чуть-што не даромъ отдавали... Только хто и купитъ его скотъ—и тотъ не возрадуется... Корову купили повѣдскіе—пала, лошадь купили—охромѣла, ногу сломала... Извѣстно, ужь энто Богъ посылаетъ.

Приходилось мнѣ толковать о Сютаевѣ со старовѣрами. Тѣ чуть ли не больше всего удивляются урожаямъ Сютаева.

—Дивное дѣло—говорятъ они:—Богу не молится, навѣрное знаемъ, доподлинно знаемъ, што не молится, и креста не несетъ,—а хлѣбъ родится... Чудное дѣло!

И они разводятъ руками съ видомъ полнаго недоумѣнія.

Обращался я за справками о Сютаевѣ и къ мѣстному начальству, къ сельскому старостѣ; здѣсь мнѣ пришлось выслушать самую лестную характеристику Сютаева.

*

— Василій Кирилловъ съ-роду не ругался, — сквернаго слова отъ него никто на вѣку не слыхивалъ... Водкой въ жисть свою не напивался... Ото всего (худого) отбѣгаетъ... Всѣмъ, чѣмъ можетъ, помогаетъ... Странныхъ, прохожихъ завсегда принимаетъ, — никому отказа нѣтъ... Первый, можно сказать, хрестьянинъ во всей деревнѣ! — такъ аттестовало Сютаева его ближайшее, непосредственное начальство.

Далѣе, на мои разспросы о Васильѣ Кирилловѣ, слышались такіе отзывы:

— Какъ быть, ничего худого мы отъ него не видимъ... Добру учитъ.

— Все хорошо дѣлаетъ. Одно худо: посты нарушилъ, иконы нарушилъ.

— Кабы онъ ино сотворилъ постъ да молитву, его дѣло было бы правое.

— Кромѣ добра ничего отъ него не видимъ.

— Ежели бы такъ-то жить, какъ Сютаевъ-то, тогда бы и судовъ не надо.

XII.

«Пропаганта».

— И хто этто печатаетъ, хто этто составляетъ!— дивился бывало Сютаевъ, перебирая лежавшіе у меня въ чемоданѣ газеты, журналы и книги. — Обо мнѣ хто-то напечаталъ... Газету сынъ изъ Питера прислалъ... Самъ читалъ: «Василій Сютаевъ» — такъ прямо и написано. Только одно понимаешь, а въ другомъ мѣстѣ совсѣмъ не поймешь. Все прочитаешь, и разъ, и другой прочитаешь, — написано много, а не поймешь... Отчего бы этто такъ?... Вотъ въ которомъ мѣстѣ обо мнѣ было писано, одного слова не могу крѣпко понять,—што хошь дѣлай, не могу и — кончено!

— Какого слова?

— Стой ужо! — Онъ видимо припоминалъ — Да-да, вспомнилъ: «про...про-по-ганта»,—энтого самаго слова! Што оно такое? Обозначаетъ што, али такъ? Къ чему оно приведено?... «Про-па-ганта!..» Чудно! «Сютаевъ,—сказано,—пропагантой не занимается».

Я объяснилъ ему значеніе и смыслъ этого слова. Сютаевъ внимательно выслушалъ меня, подумалъ, а потомъ и говоритъ:

— А вѣдь этто слово неправильно.

— Какъ такъ? Почему неправильно?

— Потому я пропа-гантой занимаюсь. Нельзя безъ энтого, нельзя безъ проповѣди, — никакъ невозможно! Надо проповѣдывать людямъ... Надо другъ дружку научать. Безъ наученья ничего не будетъ.

По мнѣнію Сютаева, какъ мы уже видѣли, нужно не только проповѣдывать, но и проводить свое ученіе въ жизни; послѣднее какъ нельзя болѣе способствуетъ пропагандѣ ученія. Съ цѣлью доказать справедливость этой мысли, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующій дѣйствительно поучительный случай.

Незадолго до моего пріѣзда въ Шевелино, къ нему явился одинъ отпускной солдатъ изъ деревни М. В. (Новоторжскаго уѣзда). Солдатъ этотъ сообщилъ ему, что онъ служилъ рядовымъ въ г. Торжкѣ въ то время, какъ сынъ Сютаева, Иванъ, призывался къ отбытію воинской повинности. Сколько мнѣ помнится, этотъ солдатъ въ числѣ другихъ конвоировалъ Ивана Сютаета, когда этого послѣдняго препровождали въ Свеаборгъ. Какъ бы то ни было, но онъ вволю наслушался рѣчей молодого Сютаева о необходимости новаго «устройства» жизни съ общимъ имуществомъ и общимъ трудомъ. Эти рѣчи какъ нельзя болѣе пришлись ему по душѣ, запали въ сердце. Вернувшись въ отпускъ, домой, въ деревню М. В., солдатъ началъ разсказывать своимъ роднымъ и односельцамъ все то, что онъ слышалъ отъ Ивана Сютаева. Родной братъ его, крестьянинъ деревни М. В., «еще крѣпче ухватился» за слова и ученіе Сютаева; ему еще болѣе, чѣмъ его брату-солдату, пришлась по душѣ мысль объ устройствѣ «обчей жизни». И вотъ онъ начинаетъ просить своего брата, чтобы тотъ сходилъ въ Шевелино, розы-

скалъ тамъ отца Ивана Сютаева и предложилъ бы ему такую дилемму: не хочетъ ли онъ, Сютаевъ переѣхать со своей родней и всѣми единомысленными къ нимъ, въ М. В., чтобъ устроить «жисть сообча», «безъ дѣлежа и найма», или же, въ противномъ случаѣ, они, братья, бросятъ М. В. и переѣдутъ со своими семействами къ нему, Сютаеву, въ Шевелино, чтобы тамъ зажить братской общиной. Вотъ съ этимъ самымъ порученіемъ и приходилъ къ Сютаеву, не задолго до моего пріѣзда, солдатъ изъ М. В.

— Что-жъ ты сказалъ солдату? — спросилъ я.

— Сказалъ, штобы на Петровъ день намъ безпремѣнно съѣхаться всѣмъ вмѣстѣ, штобы, потолковать да разсудить все хорошенько.... А тамъ — што Богъ пошлетъ!...

— Ну, а покорись сынъ, — продолжалъ подумавши Сютаевъ, - ничего бы энтого не было. Сходи онъ къ присягѣ, возьми ружье въ руки, — ничего бы энтого не было. А теперь, вишь, слухъ пошелъ, разговоръ пошелъ, пересуды, въ газетахъ пишутъ... Вотъ оно такъ и будетъ переходить другъ отъ дружки, а тамъ, глядь, и соберутся вси вѣрующіе вмѣстѣ и устроятъ жисть по Писанію, заведутъ все обчее и не будетъ никого нуждающагося!

Сютаевъ замолчалъ. Молчалъ и я, обдумывая его рѣчь. Только вдругъ въ избѣ раздается:

— А сыну-то, чай, за рѣшётками невесело!

Это замѣчаетъ сосѣдъ Сютаева, присутствовавшій при разговорѣ. Въ тонѣ какимъ брошено это замѣчаніе, слышится явное желаніе уколоть разсказчика. И дѣйствительно, цѣль достигнута: Сютаевъ, точно уколотый, вскидываетъ голову, пытливо, грустно смотритъ въ глаза сосѣда и — скорбная, горькая усмѣшка свѣтится въ чертахъ его маленькаго, точно скомканнаго въ комочекъ, лица.

— Спасителя-то, другъ,—заговорилъ онъ послѣ длинной паузы,—живаго на крестѣ распяли, гвоздьемъ приколачивали, по живому тѣлу, копьемъ ребро прободали...

Весьма интереснымъ вопросомъ представляется вопросъ о численности послѣдователей Сютаева. Я уже говорилъ, что слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ, производившій слѣдствіе по дѣлу о возникновеніи этой секты, опредѣляетъ число послѣдователей Сютаева въ 1.000 человѣкъ. Могу съ увѣренностью утверждать, что цифра эта черезчуръ преувеличена, — въ дѣйствительности сютаевцевъ можно считать только десятками. Другое дѣло, если говорить о всѣхъ сочувствующихъ новому ученію, о всѣхъ, кто признаетъ это ученіе «правымъ»,— такихъ можно встрѣтить цѣлую кучу среди населенія окрестныхъ деревень. Но дѣло въ томъ, что сютаевцы только тѣхъ считаютъ своими, кто на самомъ дѣлѣ стремится устроить свою жизнь сообразно тому идеалу, который они выработали и который считаютъ своимъ долгомъ проповѣдывать вездѣ и всюду. Наконецъ многихъ изъ тѣхъ, которые желали бы открыто присоединиться къ «Сютаевской вѣрѣ», удерживаетъ страхъ предъ гоненіями и преслѣдованіями со стороны властей.

— Многіе есть такіе, что на дорогѣ стоятъ познать Христа,—говоритъ Сютаевъ, — и познаютъ другіе; но штобы вполнѣ—не могутъ.

— Отчего же?

— Гониму быть не могутъ... Страшатся!

Во время моего пребыванія въ Повѣдской волости, многіе изъ послѣдователей Сютаева находились въ отлучкѣ, въ Питерѣ, на работахъ, поэтому я не имѣлъ, разумѣется, возможности видѣться съ ними. Затѣмъ, — по мотивамъ, понятнымъ, надѣюсь для

каждаго,—я не называю здѣсь и тѣхъ изъ его послѣдователей, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться лично. Единственное исключеніе я сдѣлалъ для Ильи Иванова, и то только потому, что о немъ, какъ я упоминалъ въ началѣ этого очерка, уже возбуждено дѣло мѣстной администраціей. Что же касается до самого Сютаева, то о немъ уже давно прокричали всѣ газеты, да наконецъ и самыя власти давно и хорошо знаютъ его, такъ какъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ постоянно судится, постоянно привлекается къ слѣдствіямъ и дознаніямъ и даже въ настоящее время состоитъ подъ судомъ за уклоненіе въ ересь. Мнѣ могутъ возразить на это, что мой откровенный разсказъ объ ученіи и стремленіяхъ Сютаева если и не отразится на его судьбѣ въ видѣ какой-нибудь экстраординарной крутой мѣры, то во всякомъ случаѣ можетъ заставить судъ и власти строже, суровѣе отнестись къ этому человѣку. Въ отвѣтъ на такое возраженіе я попрошу пробѣжать нижеслѣдующія строки.

Узнавши о томъ, что я пишу въ журналахъ и газетахъ, Сютаевъ не только не сдѣлался скрытнѣе и сдержаннѣе по отношенію меня, но, совершенно напротивъ, видимо еще болѣе расположился въ мою пользу, сдѣлался еще болѣе откровеннымъ и словоохотливымъ со мною. Онъ не только съ полной охотой далъ мнѣ разрѣшеніе описать его ученіе, но даже нѣсколько разъ самъ настойчиво просилъ меня объ этомъ. Я считалъ своимъ долгомъ предупредить его, что опубликованіе его ученія можетъ навлечь на него серьезныя непріятности и даже, быть-можетъ, строгія преслѣдованія со стороны или мѣстныхъ властей, или духовенства. Но обыкновенно онъ не давалъ мнѣ договорить объ этомъ и каждый разъ съ жаромъ перебивалъ меня:

— Пустое, все этто пустое!... Сказано въ Писаніи: «и погонятъ тебя изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и поведутъ тебя къ царямъ и правителямъ...» Ну, и пусть гонятъ, пусть гонятъ!... Я не страшусь, ни капельки не страшусь!... Я радъ буду. Меня куда хотите возьмите!.. А ты, Александръ, ужь сдѣлай такую милость, опиши...

Иногда, послѣ своихъ длинныхъ рѣчей о «добрыхъ и злыхъ властяхъ» или безконечныхъ толковъ объ «обчей» жизни всѣхъ людей въ мирѣ и любви,—онъ вдругъ смолкалъ и замѣчалъ мнѣ:

— Я все думаю: помоги тебѣ, Господи, все этто написать, штобы вычитывать потомъ...

Разъ какъ-то онъ, увидавъ у меня въ чемоданѣ оттиски моихъ статей о сектантствѣ, началъ просить ихъ прочесть. Я далъ ему статью о значеніи сектантства, предупредивши, что вѣроятно многое въ этой статьѣ останется непонятнымъ для него. Дня два онъ разбиралъ эту статью, многаго, разумѣется, совсѣмъ не понялъ, но онъ все-таки съумѣлъ вычитать въ ней двѣ вещи, которыя необыкновенно понравились ему: это именно ученіе штундистовъ и особенно жизнь общихъ.

— Ну,—сказалъ онъ придя послѣ этого ко мнѣ,—вижу, ты можешь произвести... Ахъ, какъ оно пишется, какъ оно пишется!... Кабы вы пріѣхали, да этакъ передъ народомъ почитали... Ахъ, вѣдь оно видно, видно... ахъ! Обчіе то, а-я-я!... Жисть-то какая у нихъ!.. Ужь тутъ не куда украсть!... Нѣтъ, братъ, не куда! Да и не къ чему ужь будетъ,—*у всѣхъ* изобиліе будетъ.

Съ этихъ поръ онъ все чаще и чаще началъ обращаться ко мнѣ съ просьбой описать его ученіе.

— Соверши-ка хорошую газету, Александръ,—говорилъ онъ,—штобы вси познали истину!...

На слова Сютаева о необходимости проповѣдывать ученіе «общей жизни», любви и мира, православные его собесѣдники нерѣдко указываютъ ему на то, что подобнаго ученія «власть не потерпитъ».

— Затѣснятъ,—говорятъ они ему.

— Затѣснятъ? — переспрашиваетъ Сютаевъ и задумывается.—Этто точно, бываетъ,—говоритъ онъ подумавши.—И у насъ здѣсь были допрежь люди, въ Соснинкѣ жили, по чугункѣ... Народъ стали учить... Што-жь бы ты думалъ?—заслали вѣдь, далече угнали!...

Онъ не могъ мнѣ хорошенько разсказать, чему именно учили эти засланные люди; но изъ его словъ было ясно, что это были какіе-то сектанты.

— Да, заслали, - говоритъ Сютаевъ.—Только надо проповѣдывать, надо научать!... «Собирайтесь и толкуйте Евангеліе», сказано въ Писаніи... Ежели берутъ кого и угонятъ,—продолжаетъ онъ,—не разсмотрѣвши, кого бы, кого бы, и все это—неправда!... Теперь опять въ острогъ берутъ: сидитъ тамъ,—воромъ выходитъ оттуда пуще того... Ни одинъ не выйдетъ, штобы лучче, а все хуже... Пользы нѣтъ никакой... А сажаютъ, все сажаютъ... Высшняя власть, коли она добрая-то, должна энто дѣло разсмотрѣть...

— Люди говорятъ про-тебя, што ты по сютаевской вѣрѣ пріѣхалъ... Говорятъ мнѣ: угонятъ тебя, Василій, возьмутъ...

— Что-жь ты, думаешь объ этомъ?—спрашиваетъ я.

— Я не боюсь осужденья (суда). Говорятъ, въ ссылку угонятъ, въ острогъ запрутъ,—не боюсь. Я боюсь только одного—душу загубить. «Въ арестантскія роты тебя», говорятъ мнѣ люди.

— Чего-жь вы боитесь, ребята? Вѣдь и тамъ

люди такіе же... Мало ли загнавши людей!... Иду я вечеръ въ кузню, мужичокъ встрѣтился знакомый. Остановились.—«Васъ, говоритъ, этакихъ-то, слышно, угонятъ... Въ одно мѣсто будутъ собирать, на Кавказъ, на поселеніе».—Ну, што-жь, говорю, угонятъ, такъ и ладно. Богъ и тамъ все одинъ. И тамъ люди... Я и тамъ буду то же говорить... И тамъ газеты есть,—будемъ вычитывать... Ребята!—говорю,—што этто вы обо мнѣ-то все толкуете, вы о себѣ-то поговорите... А я не страшусь!... Вотъ скажите мнѣ: закопаемъ тебя въ яму живаго,—не устрашусь!... Пусть гонятъ. Этто и должно... Я жду!... Берите меня,—я страдать хочу!...

Наступило время отъѣзда изъ Шевелина. Сютаевъ предложилъ довезти меня до Торжка на своихъ лошадяхъ. Я принялъ это предложеніе, но спросилъ его, что это будетъ стоить. Мой вопросъ далъ Сютаеву поводъ еще разъ распространиться о томъ, какой грѣхъ, какое зло наниматься, продаваться, брать деньги и т. д. Онъ увѣрялъ меня, что ему предстоитъ какая-то надобность побывать въ Торжкѣ, а потому я не долженъ ничего платить ему; въ заключеніе же онъ на-отрѣзъ отказался брать съ меня деньги. Но когда я съ своей стороны категорически объявилъ ему, что не поѣду съ нимъ, если онъ не возьметъ съ меня платы,—Сютаевъ съ видимой неохотой предоставилъ мнѣ право опредѣлить эту плату, замѣтивши, что для него «чѣмъ меньше получить, тѣмъ лучше».

Рано утромъ пара крѣпкихъ сютаевскихъ лошадокъ вывезла насъ изъ Шевелина. Еще съ вечера испортилась погода, цѣлую ночь шелъ дождь: дорога размякла, колеи наполнились водою; непод-

кованныя лошади скользили по глинистой почвѣ и наша телѣга чуть-чуть подвигалась впередъ. А дождь не утихалъ ни на минуту: онъ то сѣялся и моросилъ мелкой водяною пылью, то разражался страшнымъ ливнемъ. Укрытые съ головы до ногъ армяками и полостью, неподвижно сидѣли мы въ телѣгѣ. Чрезъ туманъ и дождевую сѣтку скудная природа Тверской губерніи казалась еще болѣе сѣрой, бѣдной, невзрачной... Вдали, чрезъ туманъ, показалась какая-то деревнюшка.

— Что это за деревня?

— Ямъ прозывается,—отвѣчалъ Сютаевъ.—Чудная деревня! Тутъ почитай што всѣ перебойкой занимаются...

— Какой перебойкой?

— Муку перебиваютъ. Скупаютъ въ Питерѣ гнилую да подмоченую муку, сушатъ ее. а потомъ за хорошую продаютъ... Много грѣха тутъ! Только они энтимъ издавна живутъ. Сами энтимъ питаются да и дѣтей своихъ тому же научаютъ... Такъ ало и идетъ изъ рода въ родъ.

И помолчавши нѣкоторое время. онъ добавилъ:

— Потомъ. со временемъ, ничего энтого не будетъ... Коли любовь будетъ, то ужъ обману не бывать. . Тогда и гнилой-то муки не будетъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы проѣзжали чрезъ какое-то большое село. Длинными рядами тянулись маленькія, жалкія крестьянскія избы; среди ихъ рѣзко выдѣлялись два-три дома, выстроенные на городской ладъ, обитые тесомъ, ярко раскрашенные, съ разрисованными ставнями.

— Чьи это дома?—спросилъ я.

— Энти? —Богачей, міроѣдовъ, кулаковъ, по нашему.

Онъ поправилъ возжами веревочную шлею на

пристяжной и, обратившись ко мнѣ, проговорилъ, старательно подчеркивая слова:

— *Тогда* у всѣхъ такіе дома будутъ.

Я притворился, что не понимаю его намека, и переспросилъ, когда это *тогда*.

— А когда устройство будетъ... Когда все обчее будетъ... Вотъ когда!... А теперь богачъ-то на бѣднаго и глядѣть не хочетъ... Я имъ говорю, богачамъ-то: забыли, что Христосъ вьюношѣ сказалъ?... Смотрите, говорю! Капиталы васъ не спасутъ, а только пуще загубятъ...

Сютаевъ глубоко, всѣмъ сердцемъ, вѣритъ въ то, что «устройство» рано или поздно непремѣнно водворится на землѣ... Нѣкоторое время мы ѣхали молча. По лицу Сютаева, сидѣвшаго рядомъ со мною, было видно, что онъ обдумывалъ что-то.

— Энто такъ не пройдетъ!—съ увѣренностью сказалъ онъ.—Когда ли, да будетъ.

На этотъ разъ я уже не переспрашивалъ его, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „энто"... Въ Торжокъ мы пріѣхали вечеромъ, часовъ въ пять. Остановились въ домѣ какой-то мѣщанки, которая „пускаетъ проѣзжающихъ». Цѣлый вечеръ мы провели вмѣстѣ съ Сютаевымъ, вмѣстѣ ходили по городу, дѣлали закупки; вернувшись домой, пили чай.

— Послѣдній разокъ съ тобой чайку напиться,— говорилъ Сютаевъ, разливая чай на блюдечко.— Можетъ и вѣкъ не видаться...— И въ голосѣ его слышалось глубокое, искреннее чувство.

Мы начали говорить о томъ, какъ бы намъ повидиться зимой. Я приглашалъ его пріѣхать въ Москву, куда я расчитывалъ вернуться къ зимѣ.

— Не пожалѣлъ бы ничего, пріѣхалъ къ тебѣ... Если денегъ не будетъ,—въ долгъ залѣзу, а пріѣду,—

говорилъ Сютаевъ. Его мягкая, привязчивая натура такъ и сквозила въ этихъ словахъ.

Приближался часъ отхода поѣзда. Нужно было спѣшить.

— Не опоздай смотри,—замѣтилъ Сютаевъ.— Давай я чемоданъ-отъ завяжу...

— Ну, прощай. Василій Кирилловичъ!—сказалъ я и сжалъ его руку.—Прощай! Не поминай лихомъ. Помоги тебѣ Богъ найти правду.

Старикъ расчувствовался.

— Прощай,—заговорилъ онъ надтреснутымъ, фибрирующимъ голосомъ,—прощай!... Да, надо выискивать правду.. Выискивай истину, Александръ!... Выискивай правду,—правду, штобы всѣмъ было жить хорошо на землѣ... И дай тебѣ, Господи!... Дай тебѣ, Боже!...

Въ голосѣ его слышались слезы. Я видѣлъ какъ губы его складывались въ трубочку, а шея вытягивалась впередъ. Мы обнялись и поцѣловались. Онъ еще разъ поклонился, еще разъ сказалъ: „прощай"—и, неуклюже повернувшись, направился къ двери. Какъ-то особенно неловко, медленно переступилъ онъ высокій порогъ большими, грязными сапогами, но въ дверяхъ снова остановился и, обернувшись ко мнѣ, проговорилъ несвязнымъ, растроганнымъ голосомъ:

— Надо дознаться придетъ ли Спаситель!

Это были его послѣднія слова...

Москва.
10 ноября 1881 г.

Апостолъ Зосима.

(Изъ того, что я видѣлъ и слышалъ).

АПОСТОЛЪ ЗОСИМА.

(Изъ того, что я видѣлъ и слышалъ).

I.

Разсказъ слѣдователя.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1881 года, — въ самую, сталобыть, тревожную, тяжелую пору, — одинъ изъ урядниковъ Самарскаго уѣзда донесъ мѣстному становому приставу, что крестьянинъ деревни Щигровки, Петропавловской волости, Самарскаго уѣзда, Зосима Семеновъ Шировъ, непочтительно и дерзко отзывается о властяхъ. Этого было, разумѣется, совершенно достаточно для становаго пристава, что бы немедленно же дать дальнѣйшій ходъ доносу, и вотъ загорѣлось „политическое дѣло“.

Въ мирную, захолустную Щигровку наѣхали небывалые, никогда не виданные тамъ гости: пріѣхалъ товарищъ прокурора, пріѣхалъ жандармскій офицеръ и началось дознаніе. Говорили, что дознаніе подтвердило, будто-бы, доносъ урядника. Какъ бы то ни было, но Зосиму арестовали и увезли изъ

Щигровки. Вскорѣ сдѣлалось извѣстно, что Зосима сидитъ въ самарскомъ тюремномъ замкѣ. Къ счастію, прокуроръ самарскаго окружнаго суда, которому поступило это дѣло, съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ нему и, благодаря этому, дальнѣйшее направленіе дѣла получило уже вполнѣ правильное теченіе. Возбужденное дѣло было прекращено за недостаткомъ уликъ, и Зосима былъ освобожденъ изъ тюрьмы; но въ то же время возбуждено было дѣло по обвиненію Зосимы въ порицаніи иконъ св. угодниковъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 177 ст. Уложенія о наказаніяхъ. Это новое дѣло было передано судебному слѣдователю для производства слѣдствія.

Освобожденный изъ тюрьмы, Зосима поселился въ селѣ Владиміровкѣ, Петропавловской волости. Въ концѣ апрѣля туда пріѣхалъ судебный слѣдователь, г. Т. По обыкновенію всѣхъ чиновниковъ, онъ остановился на „въѣзжей", т. е. въ домѣ, спеціально назначенномъ для пріѣздовъ должностныхъ лицъ. По пріѣздѣ, слѣдователь потребовалъ къ себѣ Зосиму, который немедленно же явился къ нему, ведя за руку своего сына, трехлѣтняго ребенка.

— Не успѣлъ явиться ко мнѣ Зосима,—разсказывалъ намъ г. Т.,—какъ во въѣзжую одинъ за другимъ стали набираться крестьяне, мужики и бабы, и вскорѣ едва ли не все село столпилось вокругъ въѣзжей. Вся эта толпа имѣла крайне возбужденный видъ: шумѣла, кричала, негодовала.

— Уберите его отъ насъ!—слышались голоса.

— Онъ—еретикъ!

— Онъ совращаетъ нашихъ дѣтей!

— Ишь какой пророкъ явился!

— До того дожили, что нельзя стало мальчонка

выпустить на улицу: онъ всѣмъ толкуетъ, что святыхъ нѣтъ, что церквей ненадо!..

— Онъ въ Бога не вѣритъ!.. и т. д.

Зосима стоялъ тутъ же: онъ казался совершенно спокойнымъ, — враждебное настроеніе толпы, повидимому, ни мало не смущало его. Трудно, конечно, сказать, что въ самомъ дѣлѣ происходило у него на душѣ; но мнѣ казалось, что это спокойствіе было чисто внѣшнимъ, наружнымъ. Губы его были блѣдны, а лихорадочный блескъ искрившихся глазъ выдавалъ сильное внутреннее возбужденіе. Когда какая-нибудь отдѣльная фраза наиболѣе отчетливо вырывалась изъ общаго гула, стоявшаго надъ толпой, Зосима подхватывалъ ее, повторялъ и иронизировалъ.

— Въ Бога не вѣритъ... Вѣдь ишь что скажутъ!.. Сказали бы лучше: въ идоловъ не вѣритъ, въ доски да въ камни не вѣритъ, а то—въ Бога... а?

— Правда ли то, что они говорятъ о тебѣ?— спросилъ я его.

Глаза его заискрились еще болѣе; онъ пытливо, гнѣвно посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо, какъ бы желая заглянуть ко мнѣ въ душу. Упрекъ, предубѣжденіе, почти ненависть выражалъ этотъ взглядъ.

— Правда!—отрывисто, неохотно кинулъ онъ и отвернулся.

Я подумалъ, что онъ не желаетъ давать никакихъ объясненій. Но черезъ минуту, обращаясь ко мнѣ и глядя на меня прямо, въ упоръ, онъ громко, съ необыкновенной энергіей, силой и ожесточеніемъ, заговорилъ страстнымъ, вызывающимъ тономъ:

— Ничего я не боюсь!.. Сажай меня куда хошь!.. Хоть голову руби!.. Не боюсь я васъ!..

Ребенокъ его вдругъ зарыдалъ въ испугѣ. Зосима

схватилъ его и посадилъ къ себѣ на руки, точно боясь, что его отнимутъ отъ него. Онъ началъ нѣжно успокаивать ребенка и уже болѣе спокойнымъ тономъ, хотя по-прежнему убѣжденно, проговорилъ:

— Што говорилъ, отпираться не стану... Дѣлай со мной што хошь!.

Я понялъ, что передо мной стоялъ прямой потомокъ, кость отъ кости и плоть отъ плоти тѣхъ желѣзныхъ людей, что нѣкогда, не колеблясь, твердою ногой, всходили на костры и, погибая въ пламени, заклинали своихъ приверженцевъ твердо стоять за вѣру, всѣмъ жертвовать во имя идеи. Я пытался, какъ могъ, успокоить его. Прежде всего, мягко и осторожно, я старался объяснить ему, что теперь уже не преслѣдуютъ людей за религіозныя вѣрованія и потому онъ можетъ быть вполнѣ покоенъ за то, что никто не рѣшится насиловать его совѣсти, никто не будетъ заставлять его вѣрить такъ, а не иначе. Но правительство,—говорилъ я,—предоставляя каждому полную свободу вѣровать согласно своему внутреннему убѣжденію, въ то же время считаетъ своею обязанностію оградить послѣдователей господствующей церкви отъ соблазновъ, которые легко могутъ возникнуть въ случаѣ, еслибы разные иновѣрцы и религіозные отщепенцы начали открыто проповѣдывать и навязывать свои вѣрованія другимъ лицамъ, порицая при этомъ основные догматы господствующей церкви.

Зосима перебилъ меня. Онъ высказываетъ свои вѣрованія потому, что считаетъ большимъ грѣхомъ скрывать ихъ. Всѣ должны «познать истину». «Истина то же, что солнце,—ее нельзя скрывать, она должна свѣтить всѣмъ людямъ». Онъ глубоко убѣжденъ, что долженъ говорить то, что онъ говоритъ.

На это я возражалъ, что религіозныя вѣрова-

нія—дѣло совѣсти: каждый вѣруетъ такъ, какъ подсказываетъ ему его совѣсть; но что никто не въ правѣ оскорблять религіозное чувство другого человѣка. Вѣдь живутъ же у нихъ люди другихъ вѣръ: евреи, менониты, татары—и ничего, живутъ мирно, никакой вражды къ нимъ не замѣтно,—почему же къ нему, Зосимѣ, относятся всѣ съ такимъ негодованіемъ?

— Они сами вызываютъ меня,—какъ бы оправдывался Зосима.—Я сижу въ избѣ и читаю Евангеліе. Они приходятъ ко мнѣ и дразнятъ меня: у тебя, говорятъ, вѣры нѣтъ, ты въ церковь не ходишь,—стало-быть, говорятъ, ты въ язычество пошелъ, коли святыхъ не почитаешь... Тогда я начинаю доказывать имъ, что не я сбился съ пути, а они сами заблудились, идоловъ надѣлали, многобожіе установили, капища соорудили, а Христа-то и позабыли!...

Далѣе Зосима настаивалъ на томъ, что его преслѣдуетъ не народъ, а лишь отдѣльныя лица, «негодные люди», въ родѣ бывшаго сидѣльца въ кабакѣ и отставнаго солдата X. Дѣйствительно, обѣ эти личности рѣзко выдѣлялись изъ толпы и, очевидно, заправляли ею: толпа только вторила имъ; крики: «уберите его отъ насъ!» и т. п.—исходили главнымъ образомъ отъ этихъ лицъ.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ съ Зосимой, онъ постепенно становился все мягче и терпимѣе. Явное предубѣжденіе, съ которымъ онъ встрѣтилъ меня, мало-по-малу исчезло; вмѣсто ожесточеннаго, озлобленнаго человѣка, какимъ вначалѣ явился Зосима, предо мной стоялъ кроткій, даже, если хотите, добродушный мужикъ, хотя и съ очень твердыми, устойчивыми взглядами, отъ которыхъ онъ ни на волосъ не отставалъ. Изъ разговора съ нимъ

я понялъ, что предварительное дознаніе съ его допросами и тюремнымъ заключеніемъ оставило въ Зосимѣ тяжелое воспоминаніе и сильно вооружило его противъ чиновнаго люда.

Слѣдствіемъ было обращено вниманіе главнымъ образомъ на выясненіе нравственной личности подсудимаго. Оказалось, что прежде онъ былъ православнаго вѣроисповѣданія, посѣщалъ церковь, принималъ священниковъ, исполнялъ всѣ обряды и установленія церкви; грамотѣ онъ въ то время не зналъ, любилъ выпить и зачастую его видѣли навеселѣ. Жилъ онъ очень скудно и бѣдно, и вотъ это-то обстоятельство заставило его бросить домъ, хозяйство и родину и отправиться на Кавказъ искать «новую землю». Около десяти лѣтъ провелъ Зосима въ отлучкѣ; когда же онъ вернулся на родину, всѣ сразу замѣтили въ немъ большую перемѣну: онъ пересталъ ходить въ церковь, пересталъ молиться, о священникахъ началъ отзываться очень рѣзко и неодобрительно. Въ то же время онъ совсѣмъ пересталъ пить, пересталъ ругаться и на брань никогда не отвѣчаетъ бранью. Все свободное отъ работы время онъ началъ проводить за книгою; во время отлучки онъ выучился грамотѣ и привезъ съ собою Евангеліе и Ветхій Завѣтъ, которые онъ постоянно носитъ съ собою и цитируетъ въ спорахъ о вѣрѣ. Во время своихъ скитаній, Зосима овдовѣлъ и вернулся на родину безъ жены, съ однимъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, котораго страстно любитъ и съ которымъ ни на минуту не разстается.

Свидѣтели по дѣлу Зосимы показали, что Шировъ иконы называетъ идолами, про Св. Николая Угодника отзывается самымъ кощунственнымъ образомъ; священниковъ называетъ «халдеями»; гово-

ритъ, что креста не слѣдуетъ носить на шеѣ, такъ какъ крестъ противенъ Богу; въ Бога онъ вѣруетъ, но всѣ таинства, въ томъ числѣ и крещеніе, отвергаетъ. Ребенокъ его до сихъ поръ не крещенъ. Но при этомъ всѣ, до одного, свидѣтели подтвердили, что Зосима—человѣкъ хорошій, честный и добрый, что онъ прекрасный работникъ, много трудится, каждому, чѣмъ можетъ, готовъ помочь, водки не пьетъ, ни съ кѣмъ не ссорится,—словомъ человѣкъ высокой нравственности; своихъ религіозныхъ воззрѣній онъ никому не навязываетъ, если же завести бесѣду о религіи, то охотно вступаетъ въ разговоръ объ этомъ.

Во время производства слѣдствія Зосима, въ теченіе нѣсколькихъ дней, жилъ у меня на кухнѣ, пользуясь моимъ столомъ. По окончаніи слѣдствія, передъ тѣмъ, какъ отправиться домой, онъ пришелъ ко мнѣ попрощаться; у него былъ очень серьезный, торжественный видъ. Поставивъ рядомъ съ собой сынишку, онъ прочелъ что-то изъ Евангелія, а затѣмъ произнесъ не то рѣчь, не то молитву, въ которой благодарилъ меня за доброе отношеніе къ нему и гостепріимство и молилъ, чтобы жизнь моя «преисполнилась радостью». Говорилъ онъ не особенно складно, но каждое слово его, каждое пожеланіе дышало такою задушевностью, такой сердечностью, что, признаюсь, вся эта сцена глубоко тронула меня.

Закончивъ слѣдствіе, я принужденъ былъ, на основаніи закона, отдать Зосиму подъ надзоръ полиціи, съ обязательствомъ жить въ извѣстномъ пунктѣ и ни съ кѣмъ не вступать въ религіозные споры. Съ тѣхъ поръ Зосима поселился въ деревнѣ Троицкой, Петропавловской волости, у одного изъ своихъ дальнихъ родственниковъ.

II.

«Законъ Христовъ».

Разсказъ г. Т. о Зосимѣ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ его религіознаго міровоззрѣнія заинтересовалъ меня. Я выразилъ желаніе повидать «апостола». Г. Т. любезно предложилъ свои услуги познакомить меня съ нимъ

Въ жаркій іюльскій день тройка изможденныхъ, ободранныхъ земскихъ клячъ привезла насъ въ деревню Троицкую. Остановившись около въѣзжей, мы вышли изъ тарантаса и направились вдоль улицы, залитой лучами яркаго, знойнаго полуденнаго солнца.

— Гдѣ здѣсь живетъ Зосима Шировъ? — спросилъ мой спутникъ первую встрѣчную старуху, которая, держа на дрожавшихъ рукахъ груднаго, совершенно голаго, какъ амуръ, ребенка, осторожно перебиралась черезъ дорогу.

Старуха съ недоумѣніемъ уставилась на насъ. Раза три заставила она насъ повторить свой вопросъ, причемъ каждый разъ, съ видомъ необыкновеннаго изумленія, переспрашивала: «кого такого?» —наконецъ, отрицательно покачала головой и тономъ,

полнымъ соболѣзнованія, объявила: «нѣтъ, касатики, нѣтъ, — такого у насъ не слыхать... Не слыхать, родимые!»

— Да это они никакъ Зосиму-апостола спрашиваютъ? — догадалась какая-то баба, проходившая мимо съ граблями на плечѣ и остановившаяся, чтобы поглазѣть на пріѣзжихъ.

— Желанные! — воскликнула старуха, — да штобы вамъ прямо-то сказать, гдѣ, молъ, тутотка апостолъ живетъ, а то вишь...

Почти у самаго края деревни пріютилась маленькая, убогая, вросшая въ землю, хата съ крохотными, чуть замѣтными окнами, съ растрепанной соломенною крышей, съ покосившимися плетнями. При нашемъ приближеніи на порогѣ хаты показался человѣкъ средняго роста, лѣтъ сорока пяти, держа за руку ребенка, маленькаго мальчугана, съ босыми ногами, съ широкимъ, грязнымъ лицомъ и испуганными глазенками. Это былъ Зосима съ своимъ сынишкой. Смуглое, худое, нервно-подвижное лицо «апостола» носило отпечатокъ нужды и лишеній и въ то же время не то усталость, не то изнуреніе можно было прочесть въ отдѣльныхъ чертахъ этого лица; но каріе, глубоко сидящіе въ орбитахъ, воспаленные, жгучіе глаза свѣтились бодро, увѣренно. Весь костюмъ «апостола» состоялъ изъ очень ветхой, грязной рубахи, рваного, дыряваго жилета, чуть-чуть державшагося на двухъ мѣдныхъ пуговицахъ и казинетовыхъ, тоже весьма ветхихъ и достаточно рваныхъ, штановъ.

Онъ встрѣтился со слѣдователемъ, сколько я могъ замѣтить, безъ всякаго предубѣжденія и поздоровался съ нимъ какъ съ давнишнимъ хорошимъ знакомымъ. Мой спутникъ представилъ меня Зосимѣ

какъ своего знакомаго, совершенно частнаго, отнюдь не чиновнаго человѣка.

— Онъ ѣздитъ по разнымъ мѣстамъ, разныя вѣры узнаетъ, — хочетъ дознать: чья вѣра самая лучшая и самая справедливая, — сказалъ г. Т. — Услышалъ онъ о тебѣ и вотъ захотѣлъ потолковать съ тобой насчетъ твоей вѣры.

Зосима, слушая рекомендацію, добродушно улыбался, кивалъ головой и повторялъ: «Ну, што-жь ладно, ладно... Пойдемъ въ избу, — што-жь мы здѣсь на солнцепёкѣ-то!...»

Г-ну Т. нужно было сдѣлать какія-то распоряженія по службѣ; онъ ушелъ и я остался tête-à-tête съ «апостоломъ».

Изба, въ которой жилъ Зосима, оказалась курною, черною мазанкою, съ земляным поломъ, низкимъ потолкомъ, съ тяжелымъ, сырымъ, удушливымъ воздухомъ. Вся обстановка громко говорила о крайней бѣдности, о нищетѣ обитателей этой мазанки... Мы усѣлись на какое-то подобіе лавки и мало-по-малу разговорились. Я не буду передавать здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ разговоръ, который продолжался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; но я приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ своей бесѣды съ этимъ доморощеннымъ богословомъ-философомъ.

Зосима вѣруетъ въ Бога, вѣруетъ, что Онъ вездѣсущъ, но въ то же время у него существуетъ особое, отличное отъ православнаго, представленіе о Богѣ. По его мнѣнію, Богъ не составляетъ собою чего-нибудь особаго, существующаго отдѣльно отъ природы и видимаго міра. На мой вопросъ: что такое Богъ? — Зосима отвѣчалъ:

— Богъ?... Вездѣ Богъ, во всемъ: и въ деревѣ Богъ, и въ землѣ Богъ, и въ водѣ Богъ, и во вся-

кой, во всякой вещи все Богъ... Что ты ни возьми, вездѣ Онъ... Богъ — міръ... И въ каждомъ человѣкѣ Богъ... Стало-быть каждый можетъ быть сыномъ Божіимъ И ты можешь, и я могу... Въ комъ есть добро, въ томъ и Богъ...

Мнѣ невольно вспомнилось ученіе «богочеловѣковъ», возникшее въ интеллигентной средѣ лѣтъ десять тому назадъ и увлекшее за собою не мало честныхъ, даровитыхъ и искреннихъ головъ изъ среды молодежи.

Другой разъ Зосима говорилъ:

— Богъ — правосудіе... Богъ не есть неустройство. Богъ есть добро и любовь... Богъ прославляется въ словѣ, въ поученіи одного другимъ.... Каждый можетъ имѣть въ себѣ Бога, но никто не можетъ видѣть Бога и никто Его никогда не видалъ...

— А Моисей?

И Моисей не видалъ, только гласъ Его слышалъ...

Св. Троицы Зосима не признаетъ. Іисусъ Христосъ, по его мнѣнію, не былъ Богомъ. Онъ родился «по плоти», т. е. какъ обыкновенный человѣкъ, но «явилъ себя въ духѣ»; то же самое можетъ сдѣлать всякій, -- для этого нужно только «правильно поступать», т. е. жить по Евангелію.

— И ты можешь быть Спасителемъ,—замѣтилъ онъ,—только живи по-евангельски!»

Всѣ таинства Зосима категорически отрицаетъ, — онъ не видитъ въ нихъ ни пользы, ни смысла. Крещеніе, по его понятію, равносильно простому омовенію: «отъ воды не окрестишься», говоритъ онъ. Исповѣдь передъ священникомъ безцѣльна, такъ какъ священникъ ничѣмъ не можетъ помочь мнѣ, простить, если я самъ не заслужу этого прощенія добрыми дѣлами. Причащаться виномъ и хлѣбомъ

также не слѣдуетъ, а нужно стараться, чтобы между нами были «миръ и любовь», тогда мы будемъ «причастниками божественнаго естества».

Зосима энергически отрицаетъ принадлежность къ какой бы то ни было сектѣ.

— Но вѣдь ты же не православный?

— Избави Богъ!—чуть не съ ужасомъ произноситъ онъ. — Ваша православная вѣра порченая, — поясняетъ онъ.

— Въ чемъ и кѣмъ она испорчена?

— Законъ перемѣненъ въ вашей вѣрѣ.

— Кто же перемѣнилъ законъ по-твоему?

— Хто?... Извѣстно хто! Вселенскіе соборы — вотъ хто!... Они перемѣнили законъ Божій, то есть вотъ какъ... до тла перемѣнили! Спорили, спорили о законѣ, а потомъ давай драться... Да, затѣяли промежъ себя драку. Николай отколотилъ Арію... Ну, стало-быть, какой же онъ святой?... По-моему такъ онъ драчунъ!... По нонѣшнему времени за этакую грубость его бы не то што во святые, а прямо сказать на съѣзжую бы, али въ участокъ... А вы ему и молитесь!... Ну, и выходитъ, что вы законъ потеряли...

Я все-таки требовалъ, чтобъ онъ опредѣленнѣе указалъ, въ чемъ именно состоитъ та «перемѣна» или «потеря» закона, о которой онъ толкуетъ.

— Почали церкви строить, поповъ наставили, почали иконамъ молиться, почали креститься, руками мотаться... Бьютъ себя по лбу, да по пузѣ, руками мотаютъ, точно воронъ пугаютъ. Да вѣдь ишо какъ!... Одинъ говоритъ: надо тремя перстами, а другой говоритъ: нѣтъ, врешь, двумя, — тремя никакъ невозможно, грѣхъ, говоритъ, смертный; третій говоритъ — пятью... И все это зря!... въ Евангеліи сказано, *какъ* надо молиться.

И Зосима читаетъ 5-й и 6 стихи 6-й главы Еван-

гелія отъ Матѳея: «И когда молишься, не будь, какъ лицемѣры, которые любятъ въ синогогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми... Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайнѣ: и Отецъ твой. видящій тайное, воздастъ тебѣ явно».

Вотъ какъ Христосъ велѣлъ молиться! А не то, чтобы съ попами да архіереями, со звономъ да съ колоколами...

Зосима сильно не долюбливаетъ духовенство и, чѣмъ выше стоитъ въ духовной іерархіи извѣстное лицо, тѣмъ съ большей антипатіей и рѣзкостью относится къ нему Зосима. Особенно часто нападаетъ онъ на архіереевъ, которыхъ обвиняетъ въ томъ, что они «не поучаютъ народъ» и «не живутъ поевангельски». По его мнѣнію, священниковъ вовсе не должно существовать. — каждый долженъ молиться самъ за себя. Точно также не должно быть ни церквей, ни храмовъ, такъ какъ молиться можно вездѣ, а Христосъ заповѣдалъ молиться втайнѣ, въ душѣ.

На мой вопросъ: признаетъ ли онъ святыхъ, Зосима отвѣчалъ, что считаетъ святыми только пророковъ и апостоловъ.

— Почему же ты не признаешь другихъ святыхъ?

— Не почему признать ихъ. Какіе они святые! Они сами себя описывали, а коли не сами, то сыновья, братья, дружки... Пока законъ не былъ перемѣненъ, были святые, пророки, апостолы; а какъ законъ нарушили,—какіе ужъ тутъ святые! Вотъ и при Навуходоносорѣ царѣ тоже, говорятъ, были святые, а потомъ какъ разсмотрѣли,—ну, и увидали, что никакой святости въ нихъ нѣтъ. Такъ и ваши святые. Какъ же они могутъ быть святы, коли они идоламъ

(иконамъ) покланялись, крестамъ молились? Христосъ этому не училъ. Надо духомъ молиться, надо поучать другъ друга, штобы одинъ отъ другого закону обучались. Што намъ Христосъ заповѣдалъ?— Христосъ велѣлъ о сиротахъ заботиться, о бѣдныхъ... Штобы нисшета не ходила по дворамъ, не морозила лица, не дразнила собакъ. Самый первый завѣтъ — штобы всякихъ сирыхъ, вдовыхъ, бѣдныхъ, низшихъ пріютить, обогрѣть, накормить...

— Но какъ же это сдѣлать, вѣдь бѣдныхъ-то и неимущихъ очень много?

— Такіе дома сдѣлать – сиротскіе... и штобы въ домахъ вся нисшета, да бѣднота покой себѣ находила... Самое это благоугодное дѣло. Главнѣе его нѣтъ!... А вы замѣсто того храмы строите, капища дорогія воздвигаете, ризы позлащенныя... Сталобыть, вы Христовъ законъ забыли.

Рая съ его блаженствомъ и ада съ его мученіями, по мнѣнію Зосимы, въ дѣйствительности нѣтъ и никогда не будетъ, но рай и адъ находятся въ самомъ человѣкѣ. Ни въ страшный судъ, ни въ воскресеніе мертвыхъ Зосима не вѣритъ: но у него существуетъ весьма оригинальная теорія относительно загробной жизни.

— Послѣ смерти,—говоритъ онъ,—тѣло истлѣваетъ и обращается въ прахъ, душа нѣкоторое время носится въ воздухѣ, а затѣмъ переходитъ въ другое существо.

— Въ какое—спрашивалъ я,—въ человѣческое?

— Можетъ-быть въ человѣческое, а можетъ и въ животное, – отвѣчалъ Зосима *).

---

*) Подобное мнѣніе напоминаетъ вѣрованіе духоборцевъ, которые учили, что душа человѣка благочестиваго послѣ смерти его переходитъ въ другого человѣка, а душа беззаконнаго человѣка переходитъ въ животное. *А. П.*

Вознагражденіе за добрыя дѣла и наказаніе за злыя человѣкъ получаетъ здѣсь же, на землѣ. Вознагражденіе это, насколько я могъ понять изъ словъ Зосимы, заключается въ томъ нравственномъ удовлетвореніи, которое испытываетъ человѣкъ, сознающій, что онъ исполнилъ свой долгъ по отношенію къ людямъ. Прежде всего «надо познать истину»; разъ человѣкъ познаетъ истину, онъ будетъ жить «по-евангельски», а живя такимъ образомъ, онъ будетъ испытывать рай въ своей душѣ, ибо совѣсть его будетъ покойна. Главныя же условія жизни «по-евангельски» заключаются въ «любви къ ближнимъ и въ смиреніи». За дурныя же дѣла человѣкъ несетъ наказаніе отъ земнаго суда.

На мое возраженіе, что весьма часто ловкіе люди, несмотря на всю свою порочность и преступность, въ теченіе всей своей жизни искусно избѣгаютъ суда и всякаго рода наказанія, Зосима выдвигалъ свою теорію о переселеніи душъ. Положимъ,—говорилъ онъ,—извѣстный человѣкъ, грѣшившій и поступавшій противъ совѣсти и Евангелія, въ теченіе своей жизни на землѣ избѣжитъ наказанія и умретъ; но вѣдь душа его останется жива, она перейдетъ въ другое существо, которое точно также будетъ жить на землѣ, и вотъ это-то существо уже непремѣнно понесетъ наказаніе за все зло, причиненное человѣкомъ, въ которомъ ранѣе жила эта душа.

Не признавая рая въ томъ смыслѣ, въ какомъ признаетъ его православная церковь, Зосима въ то же время вѣритъ, что рано или поздно на землѣ должно настать «царство небесное».

— Какъ же это на землѣ *небесное* царство?— спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Да што такое небеса-то?—въ свою очередь спрашиваетъ Зосима.—Ты думаешь, во-о... эти, што

на верху-то,—продолжалъ онъ, указывая на небо.— Нѣтъ, братъ, небеса значитъ—праведность. Праведное царство будетъ на землѣ, справедливое...

— Что же это за царство такое и когда оно наступитъ?

— А когда всѣ познаютъ истину, когда законъ Христовъ познаютъ, тогда и царство небесное наступитъ... Будетъ у всѣхъ единомысліе, миръ, добро. Будетъ тогда промежъ людей дружелюбіе, благо, любовь...

III.

Что его ждетъ?

При дознаніи, на вопросъ слѣдователя о царѣ и властяхъ, Зосима отвѣчалъ, что царь—это земной Богъ; чиновники—это ангелы. Но ангелы бываютъ добрые и злые. Царь самъ по себѣ не можетъ сдѣлать ничего несправедливаго, такъ какъ онъ не видитъ и не слышитъ того, что происходитъ въ разныхъ мѣстахъ, а дѣйствуетъ сообразно тому, что ему говорятъ ангелы: добрые—добро, злые—зло. Такъ онъ и поступаетъ. Но царь—идолопоклонникъ, его прельстили архіереи и священники; они ввели его въ идолопоклонство...

Почти то же самое говорилъ онъ и мнѣ:

— Священники да архіереи могутъ прельстить хоть кого. Они и царя прельстили. Вѣдь царь не все же сидитъ надъ книгой. Ему некогда въ законъ вникать. Онъ о черни думаетъ...

Далѣе онъ продолжалъ:

— Богъ—правосудіе и власть—правосудіе. Начальники—Божьи служители. Начальство дадено затѣмъ, чтобы правосудіе на землѣ было. Но теперь многіе начальники измѣну дѣлаютъ, за это они будутъ наказаны.

— Какъ же они будутъ наказаны?

— Коли начальникъ начнетъ неправильно судить, неправильно поступать, то Богъ отступится отъ него и дьяволъ станетъ одесную его (у Давида сказано). Такой начальникъ будетъ хуже дьявола. Тогда ужъ ты его не слушай... Противъ такого начальника встать можно. Прими смерть, а не покорись! Меня теперь хоть повѣсь, да я въ жисть не поклонюсь ни передъ какими изображеніями.

Всѣ свидѣтели, допрошенные слѣдователемъ, показали, что Зосима—прилежный, рачительный работникъ. Трудолюбіе Зосимы не является случайною чертой его характера или личныхъ субъективныхъ свойствъ его, но оно вытекаетъ изъ основныхъ принциповъ всего его міровоззрѣнія. Трудъ—главная основа жизни, по мнѣнію Зосимы. Онъ очень любитъ повторять извѣстный текстъ Св. Писанія: «Въ потѣ лица снеси хлѣбъ свой». Трудъ долженъ служить единственнымъ мѣриломъ права на пользованіе благами жизни. Зосима не отрицаетъ частной собственности, но онъ говоритъ, что человѣкъ только то можетъ считать *своимъ*, что онъ самъ заработалъ своимъ собственнымъ, личнымъ трудомъ. «Што выработалъ, то мое», говоритъ онъ.

Свой взглядъ на землю Зосима высказалъ передо мною въ слѣдующихъ словахъ:

— Земля—Божіе созданіе, поэтому продавать ее никакъ нельзя; владѣть можно, а продавать—грѣхъ. Земля должна быть обчая...

— Почему же общая?

— Потому что она на всѣхъ людей дадена, а не то штобы тебѣ есть, а мнѣ и нѣтъ ничего. У Бога всѣ равны. Земли у Бога много, про всѣхъ хватитъ.

На разспросы о его личной жизни Зосима раз-

сказалъ мнѣ, что въ 1868 году онъ передалъ свой участокъ роднымъ и пошелъ на заработокъ, искать «вольныхъ земель».

— Ужъ такъ видно Богу угодно было, — замѣтилъ онъ. — Какъ Авраамъ оставилъ отчій домъ, такъ и я все равно.

Около двѣнадцати лѣтъ онъ прожилъ на Кавказѣ: сначала восемь лѣтъ онъ прожилъ въ Петропавловской станицѣ Кубанской области, затѣмъ около четырехъ лѣтъ въ Михайловской станицѣ, Ставропольской губерніи.

— Народъ тамъ все больше грамотный, — разсказывалъ онъ, — по праздникамъ книги читаютъ, о законѣ толкуютъ... Промежъ нихъ мнѣ какъ будто совѣстно стало. Думаю: всякому надо дознать слово Божіе. Сталъ учиться, читать самъ—одинъ, азбуку купилъ. Уйду бывало въ камыши, сяду тамъ и ну твердить буквы. Дни деньскіе бывало твержу. Началъ разбирать кое-што... Прочиталъ священную исторію. Очень понравилось мнѣ, какъ это евреи обѣтованную землю искали. Началъ читать Евангеліе—сразу увидѣлъ, што нѣтъ у насъ закона Христова, потеряли мы его, нарушили... Сталъ я думать: какъ бы мнѣ не остаться потеряннымъ, должонъ я поучать другихъ; коли самъ спасся, пусть и другой черезъ меня спасеніе получитъ. И началъ я поучать, сталъ ходить по людямъ и всѣмъ предъявлять... Извѣстно, хто слушалъ, а хто на смѣхъ поднималъ. «Апостоломъ» стали звать. Станичный узналъ, началъ налегать на меня... Жестоко налегалъ!.. Однако, я на это не взиралъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Поиски «новыхъ» земель не привели ни къ чему; никакихъ «вольныхъ земель» въ наличности не оказалось. Между тѣмъ мѣстныя власти все сильнѣе и сильнѣе «налегали»

на «апостола» за его пропаганду «Христова закона». Въ довершеніе всего, у него умираетъ жена. Опечаленный горемъ, разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ относительно «вольной» земли, онъ рѣшаетъ вернуться на родину. Но и здѣсь его встрѣчаютъ нерадостныя вѣсти. Оказалось, что въ его отсутствіе перемерли лица, которымъ онъ сдалъ свой участокъ, и такъ какъ за все это время о Зосимѣ не было никакого слуху, то земля его была подѣлена между односельцами. Такимъ образомъ Зосима очутился нищимъ, пролетаріемъ, безъ клочка земли, безъ хаты, безъ лошади, безъ гроша денегъ, — словомъ, онъ очутился въ томъ положеніи, которое характеризуется народною поговоркою: «платья — что на себѣ, а хлѣба—что въ животѣ».

— Какъ же ты думаешь жить?—спросилъ я.

— Какъ Богъ велитъ.

Теперь онъ, какъ состоящій подъ надзоромъ полиціи, прикрѣпленъ къ деревнѣ Троицкой; здѣсь онъ живетъ въ семьѣ одного своего дальняго родственника, на котораго онъ работаетъ и который его за это кормитъ. Сегодня онъ не могъ пойти на работу въ поле, такъ какъ изъ волости была получена повѣстка о томъ, чтобъ онъ никуда не отлучался изъ дому. Оказалось, что такимъ образомъ распорядился волостной писарь, который зналъ, что въ этотъ день г. Т. будетъ въ д. Троицкой и что онъ желаетъ видѣть Зосиму.

— Итакъ, Зосима,—сказалъ я,—ты сегодня потерялъ изъ-за насъ цѣлый день; ты не могъ идти на работу, потому что ждалъ насъ; я отнялъ у тебя цѣлый день и потому я долженъ вознаградить тебя за это...—И я протянулъ къ нему бумажку.

Зосима вспыхнулъ и рѣзко, категорически, отказался отъ денегъ. Во-первыхъ, онъ не считаетъ

пропащимъ или потеряннымъ тотъ день, который онъ проводитъ въ бесѣдахъ о законѣ Христовѣ, а во-вторыхъ...

— Пусть я голъ и нагъ останусь, но все же денегъ за законъ Христовъ брать не буду! Лучче помереть... Пока живъ, все буду о дружелюбіи говорить.

— Ты бы хоть для сына взялъ на пряники,— попытался еще я.

— Безъ пряниковъ выростетъ!—сурово бросилъ Зосима и сухо добавилъ:—Нѣтъ, нѣтъ, ненадобно.

Чтобъ изгладить непріятное впечатлѣніе, навѣянное этою сценой, я заговорилъ о сынѣ Зосимы.

— Когда меня въ тюрьму взяли,—началъ Зосима, лаская сынишку, который, грызя большую корку хлѣба, подпрыгивалъ у него на колѣняхъ,— я думалъ, што по немъ умомъ рѣшусь: такъ мнѣ было жалко его! Спать не могу, сна лишился, все думаю: остался онъ сиротой, безъ отца, безъ матери, безъ призору,—долго ли до бѣды. Все можетъ случиться: малый—глупый, и въ колодецъ можетъ упасть, и собаки могутъ разорвать... Прошу начальство: дайте мнѣ его сюды въ острогъ, дозвольте ему сидѣть вмѣстѣ со мной!.. Такъ вѣдь нѣтъ, не дозволяютъ.—„Нельзя“, говорятъ, и шабашъ... И слушать-то тебя не хотятъ... Заперли въ острогъ, точно я укралъ што али убилъ кого.

Спустивши съ колѣнъ ребенка, Зосима продолжалъ:

— Потомъ выпустили... А теперь опять здѣсь держатъ, никуда ходу не даютъ... Што хошь дѣлай!.. Хоть бы дозволили въ заработокъ на сторону идтить,—такъ вѣдь нѣтъ, не пущаютъ!..

Зосима вдругъ пріостановился. Съ улицы доносился какой-то шумъ и говоръ; мы заглянули въ окно. Не далеко отъ нашей избы, среди улицы,

толпилась небольшая группа, состоявшая главнымъ образомъ изъ старухъ и дѣтей. Онѣ обступили тарантасъ, который, въ ожиданіи насъ, стоялъ совсѣмъ готовый двинуться въ путь.

Изъ этой группы рѣзко выдѣлялась высокая, здоровая фигура мужика съ рыжей подстриженной бородой, въ суконной поддевкѣ, сильно жестикулируя. Онъ что-то съ жаромъ разсказывалъ слѣдователю, который, стоя около тарантаса, разбиралъ свой портфель.

— Это онъ безпремѣнно на меня жалится.—замѣтилъ Зосима.

— Кто это?

— Сидѣлецъ... Пойдемъ, послушаемъ, што онъ опять предъявляетъ...

Мы вышли на улицу и присоединились къ толпѣ. Зосима, держа за руку ребенка, старался подойти поближе къ Т.

— Собрались мы это какъ-то насчетъ церкви,— громко разсказывалъ рыжій,—толкуемъ промежъ себя: какъ бы то-есть поправку произвесть,—церковь наша ветхая, безпремѣнно поправки требуетъ... Ладно, хорошо, толкуемъ... Вдругъ—Зосима.—„О чемъ, говоритъ, братцы, толкуете?“—А мы ему, какъ доброму человѣку, и отвѣчаемъ: такъ-молъ и такъ, церковь—самъ видишь—въ ветхость большую пришла, надыть поправить... Онъ все это слушаетъ, слушаетъ, а самъ молчитъ.—«Чаво жь ты молчишь-то?»—«Да што, говоритъ, братцы, одно я скажу: кабы у васъ, говоритъ, умъ былъ, вы бы, говоритъ, церквей не строили»,—а!?..

Разсказчикъ на минуту пріостановился.

— Да, такъ вотъ и отрѣзалъ: кабы умъ, говоритъ, былъ, не строили бы вы церквей!.. Грѣшенъ

я, зло меня взяло, ругнулъ я его, извините, ваше вскородіе,—по-матушкѣ по Волгѣ...

— Что жь онъ?—спросилъ слѣдователь.

Што же ему дѣится!.. Съ позволенія сказать, ему хоть плюй въ глаза, а онъ все говоритъ: «Божья роса»,—все на своемъ стоитъ... «Лучче бы вы,—говоритъ,—церковь-то на училишшо повернули, дѣло-то было бы складнѣе...» Вотъ онъ каковъ антихристъ есть!—съ негодованіемъ закончилъ сидѣлецъ и съ вызывающимъ видомъ посмотрѣлъ на Зосиму.

— Што-жь, я и теперь скажу,—отозвался «апостолъ», къ чему она, церковь? Изъ камней да бревенъ развѣ можно што сдѣлать? Тамъ всего только и есть, што книги: вынеси книги,—тамъ ничего не останется... Одно каменье!..

Зосима говорилъ горячо, убѣжденно, страстно, и это особенно усиливало впечатлѣніе его рѣчи.

— Ахъ, отчаянный!—съ ужасомъ воскликнула какая-то старуха.

— Какъ есть отпѣтый!—вторилъ сидѣлецъ.—То-есть никого, никого не боится. Все для него—трынь-трава!..

— Коли правду-истину говоришь, такъ кого же бояться?.. Развѣ...—началъ было Зосима, но его прерваль слѣдователь.

— Шировъ!—сказалъ онъ,—ты далъ подписку, что ни съ кѣмъ не будешь вступать въ религіозные споры, а все-таки вступаешь! Значитъ, ты не держишь своего слова. Это нехорошо, это нечестно... Слышишь?.. Смотри же, помни!

— А што Христосъ сказалъ; «идите и научите всѣ на...»—раздался было громкій голосъ Зосимы, но ему не дали говорить.

Какая-то баба толкала его въ спину и кричала: «Полно тебѣ, окаянный! Замолчи ты, глотка!»

— Нѣтъ, видно, онъ опять въ тюрьму захотѣлъ! — кричалъ сидѣлецъ.

Бабы галдѣли, ребенокъ Зосимы громко рыдалъ, а ямщикъ, сидѣвшій на козлахъ тарантаса, хихикая проговорилъ:

— Вотъ такъ апостолъ!..

Слѣдователь снова читалъ нотацію Зосимѣ и въ то же время усаживался въ экипажъ.

— Смотри же, Шировъ, помни, что̀ я тебѣ говорилъ... Трогай!—добавилъ онъ ямщику.

Тотъ гикнулъ, взмахнулъ кнутомъ застоявшіяся лошади рванули и мы понеслись... Я видѣлъ, какъ Зосима устремился къ тарантасу, что-то объясняя и жестикулируя, но колокольчикъ и крики толпы заглушили его слова.

Долгое время мы ѣхали молча. Дорога шла полями, широко раскинувшимися во всѣ стороны. Зной терялъ свою силу, въ воздухѣ слышалась прохлада; изъ сосѣдней барской рощи несся лѣсной ароматъ.

— Что его ожидаетъ?—спросилъ я.

Слѣдователь пожалъ плечами.

— Скверно,—сказалъ онъ, хмуря брови, и затѣмъ, помолчавъ немного, добавилъ:

— Сибирь.

Снова наступило молчаніе... Лошади бѣжали бодрою рысью; ходко катились колеса по ровнымъ, укатаннымъ колеямъ; колокольчикъ весело выбивалъ свои трели. Теплый, душистый вечеръ тихо спускался надъ полями. Хорошо было тутъ и покойно, но мысль неудержимо забѣгала впередъ и воображеніе отчетливо рисовало большой, душный городъ; въ каменной массивной стѣнѣ крохотное окно съ желѣзными рѣшетками; изъ-за нихъ выглядываетъ худое, смуглое лицо съ впалыми щеками, съ добрыми, горящими глазами... Ѣдемъ даль-

ше и вотъ встаетъ новая картина: по городскимъ улицамъ движется партія сѣрыхъ, странныхъ фигуръ, чѣмъ-то механически соединенныхъ между собою; за ними громыхаетъ тяжелая «подвода», неуклюжая телѣга, нагруженная котомками, «пайками» и узлами. Среди этихъ узловъ и котомокъ одиноко, неуютно, сидитъ ребенокъ, съ заплаканнымъ лицомъ, съ недоумѣвающимъ, испуганнымъ видомъ; онъ силится заглянуть впередъ, туда, гдѣ, среди другихъ сѣрыхъ фигуръ, шагаетъ знакомая ему дорогая фигура съ блѣднымъ, худымъ лицомъ и умными, воспаленными глазами. Глубокая, тяжелая дума лежитъ въ этихъ добрыхъ, карихъ глазахъ... О чемъ онъ думаетъ?—Онъ думаетъ о ребенкѣ, который цѣлые дни остается одинъ среди чужихъ людей, безъ ласки, безъ призора,—онъ думаетъ о людяхъ, что забыли завѣты Христа о «дружелюбіи», о любви, о братствѣ...

С.-Петербургъ.
8 февраля 1882 г.

Еретики.

(Очерки изъ давно и недавно прошедшаго).

ЕРЕТИКИ.

(Очерки изъ давно и недавно прошедшаго).

I.

Въ монастырѣ.

Это было въ Соловкахъ. Стоялъ теплый, но мглистый, пасмурный и туманный вечеръ. Въ сопровожденіи знакомыхъ монаховъ я обходилъ галлерею, устроенную внутри массивной каменной стѣны, что со всѣхъ сторонъ окружаетъ монастырь. Я только что пріѣхалъ въ Соловки, почти ничего еще не видѣлъ въ нихъ и потому мои новые знакомые считали своимъ долгомъ знакомить меня со всѣми примѣчательностями монастыря.

— Вотъ это оружейная палата, — говорилъ отецъ Кириллъ *), указывая на стеклянную дверь въ стѣнѣ, которая вела въ маленькую комнату, уставленную разнаго рода копьями, пищалями, пала-

*) Имена братіи измѣнены.

шами и т. п.—А вотъ туда будетъ ризница наша. У насъ богатѣющая ризница. Завтра утречкомъ пожалуйте, такъ вамъ все, какъ слѣдуетъ, покажутъ... А вонъ тамъ, налѣво,—продолжалъ мой спутникъ, указывая внизъ, внутрь монастырскаго двора:— дома для братіи... вотъ эти комнаты съ занавѣсками-то отца архимандрита.

Монахъ смолкъ и тяжело вздохнулъ, проговоривши скороговоркою: «а, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ».

— А это что такое?—спросилъ я, указывая на небольшую деревянную дверь въ каменной башнѣ, чрезъ которую мы проходили въ это время.

— А ничего, такъ; въ прежнія времена, говорятъ, тутъ-та еретиковъ сажали.

— Какихъ еретиковъ?

— За ереси, значитъ. Отступниковъ отъ вѣры православной. Въ прежнее время ихъ здѣсь многое-множество было. По разнымъ башнямъ въ каменныхъ клѣткахъ сидѣли; другому, говорятъ, такая клѣтка выпадала, что ни встать, ни лечь невозможно. сиди цѣлую жизнь, да и кончено. А выпускали отсюда рѣдко; тутъ сидѣли, тутъ и умирали.

Я началъ было разспрашивать объ этомъ времени, стараясь узнать, не сохранилось ли въ монастырѣ какихъ нибудь преданій и разсказовъ объ этой мрачной эпохѣ, какихъ нибудь свѣдѣній и подробностей о болѣе выдающихся историческихъ личностяхъ, побывавшихъ здѣсь въ качествѣ колодниковъ, арестантовъ и ссыльныхъ, но, увы, мнѣ немедленно же пришлось убѣдиться, что мои спутники не были склонны удовлетворять мое любопытство.

Долго еще ходили мы по монастырю, разсматривали картины, нарисованныя на стѣнахъ церквей, заходили въ темныя, таинственныя усыпальницы,

гдѣ тускло и печально мерцали одинокія лампады; читали надписи на гробницахъ и могилахъ, которыя во множествѣ разсѣяны около церквей, и т. д. Картины изображали смерть, скелеты, гробы, страшный судъ: надписи говорили о смертномъ часѣ, о суетѣ міра, объ отреченіи отъ жизни, о мукахъ ада, о страшной участи, которая ждетъ грѣшниковъ въ загробной жизни.

Вотъ, напримѣръ, картина изображаетъ дряхлаго, изможденнаго аскета-монаха; онъ сидитъ, опустивъ голову. У ногъ его стоитъ гробъ, а сзади его помѣстилась смерть въ видѣ отвратительнаго скелета съ огромною косой въ рукахъ. Надпись гласитъ: «се зрю: гробъ предо мною, смерть стоитъ за мною, судъ божій надо мною, страшный адъ подо мною. Что сотворю? Господи, помилуй»... И все въ такомъ же родѣ.

Старухи-богомолки ходятъ около церквей, читаютъ по складамъ надписи, громко вздыхаютъ, охаютъ, крестятся и стонутъ.

— Пойдемте,—сказалъ мнѣ отецъ Кириллъ:—я васъ въ храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы сведу; вотъ тамъ такъ ужъ есть чего посмотрѣть: одинъ иконостасъ чего стоитъ...

Мы отправились.

— Старинный храмъ, древній,—говорилъ отецъ Кириллъ на ходу.

— А это что за зданіе?—спросилъ я, указывая на высокій каменный корпусъ, стоявшій въ сторонѣ, въ самомъ углу монастыря и мрачно выглядывавшій рядами маленькихъ, темныхъ оконъ изъ-за особой каменной стѣны, отдѣлявшей его отъ остальныхъ зданій.

Отецъ Кириллъ продолжалъ шагать, разсказывая на ходу что-то «о древнемъ храмѣ» и «о чудномъ

иконостасѣ» и дѣлая видъ, что совсѣмъ не слыхалъ меня. Я повторилъ вопросъ.

Словоохотливость моего спутника сразу куда-то исчезла и онъ, точно нехотя, отвѣчалъ:

— Это?.. это... тюрьма.

Тюрьма! Какъ странно и дико звучитъ здѣсь это слово. Какое необычное, странное сопоставленіе: храмъ и тюрьма! монастырь и казематъ! монахъ и арестантъ! Монастырь въ качествѣ острога и монахъ въ роли тюремщика. Такъ вотъ почему вдругъ замолчалъ добрый отецъ Кириллъ.

— И есть арестанты?

— Есть.

— Сколько же?

— Четверо, кажись.

— Кто же они такіе?

— А Богъ ихъ знаетъ: это дѣло насъ не касающее.

— Кто же ими завѣдываетъ?

— Отецъ архимандритъ; онъ глава, онъ всѣмъ завѣдываетъ... Вонъ, никакъ, ужъ и къ трапезѣ звонятъ... Къ Успенію сегодня ужъ, видно, опоздали. Неугодно ли посмотрѣть и откушать монастырской трапезы?

— Съ удовольствіемъ.

Трапеза протянулась довольно долго; разныя молитвы и благословенія заняли много времени. По окончаніи трапезы, богомольцы толпами направились по гостинницамъ, которыя расположены за монастырскою стѣною. Разомъ оживился монастырскій дворъ. На дорожкахъ и тротуарахъ показались веселыя группы молодыхъ людей и дѣвушекъ въ лѣтнихъ, свѣтлыхъ костюмахъ. Говоръ, шутки, смѣхъ, остроты. Монахи, въ черныхъ мантіяхъ, въ высокихъ клобукахъ, длинными вереницами двинулись по

кельямъ. Красивыя поморки въ пестрыхъ яркихъ платьяхъ, шушукая и подталкивая другъ друга, тѣснились около монастырскихъ воротъ. Но это оживленіе продолжалось недолго. Прошло нѣсколько минутъ, и монастырь снова принялъ свою обычную, сумрачно-аскетическую внѣшность.

Все опустѣло, стихло. Ушли богомольцы и, казалось, унесли за собою все, что было здѣсь живого, что напоминало о жизни, о людяхъ, о дѣятельности міра. Даже чайки соловецкія, необыкновенно крикливыя, надоѣдливыя, всегда жирныя отъ остатковъ монастырской трапезы, и тѣ успокоились; пріютившись около полисадниковъ, мостиковъ и гдѣ попало, онѣ мирно дремлютъ, спрятавши подъ крылья свои глупыя головы.

Туманъ сгустился такъ, что даже главы церквей невозможно разглядѣть во мглѣ; въ десяти шагахъ трудно различить человѣка. А между тѣмъ, судя по времени года, теперь должны бы стоять здѣсь ясныя и свѣтлыя какъ день, ночи... Густая мгла плотно окутала монастырь со всѣхъ сторонъ. Ночная тишь, казалось, сковала самый воздухъ. Лишь изрѣдка, какъ тѣнь, появлялась черная фигура монаха, неслышно скользила по двору и быстро, какъ привидѣніе, исчезала во мглѣ. Жутко отзывалось на нервахъ это полное отсутствіе жизни. Эта тишина говорила о могилѣ и гробѣ.

Отецъ Кириллъ началъ прощаться.

— Поспѣшите въ гостинницу, — говорилъ онъ мнѣ: — сейчасъ будутъ ворота запирать. Послѣ трапезы ни изъ монастыря, ни въ монастырь никого уже не впускаютъ.

Попрощавшись, мы направились въ разныя стороны. Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ невольно остановился: среди ночнаго затишья и

безлюдья вдругъ послышалось пѣніе. Оно неслось откуда-то изъ дальняго угла монастыря. Это не было пѣніе духовнаго гимна или канта. Житейскою скорбью звучалъ и дрожалъ напѣвъ, и въ самыхъ жалобахъ слышались энергія жизни и силы. Такъ не поютъ монахи. Разобрать словъ, къ сожалѣнію, было невозможно, но переливы богатаго сильнаго мужского голоса довольно отчетливо доносились въ ночной тишинѣ; гулко передавались на зарѣ тоскливые звуки пѣсни. Заунывный, грустный мотивъ, полный горечи и скорби, невольно щемилъ сердце.. Необычайность обстановки донельзя усиливала впечатлѣніе. Воображенію рисовались потрясающія картины человѣческаго горя, наливавшагося въ этой странной пѣснѣ.

Я пустился догонять своего спутника.

— Отецъ Кириллъ, кто это поетъ?

Монахъ на минуту пріостановился и укоризненно покачалъ головой.

— Ахъ, зачѣмъ вы вернулись. Вы опоздаете: ворота запрутъ и вы не попадете въ номеръ... Идите съ Богомъ, завтра скажу...

Я не отставалъ.—«Ради Бога, скажите, кто?»

— Невольникъ тутъ одинъ есть.... вотъ онъ и поетъ.

— Кто же такой?

— Да тоже... еретикъ.

Отецъ Кириллъ снова зашагалъ по направленію къ какому-то длинному, казарменнаго вида зданію.

На всѣ мои вопросы о пѣвшемъ «невольникѣ» онъ отвѣчалъ на ходу:

— Пушкинъ, по фамиліи... А больше я ничего не знаю... Смотрите, вонъ ворота запираютъ... Идите съ Богомъ, простите меня, грѣшнаго... и онъ

юркнулъ въ какую-то дверь длиннаго, темнаго корридора.

— Долгонько погуляли,—встрѣтилъ меня отецъ Мелетій, монахъ, завѣдывающій номерами, назначенными для «чистой публики». Здѣсь, въ этой «братской обители», подраздѣленіе публики на «чистую» и «черную» соблюдается съ необыкновенною строгостью. Въ то время, какъ «чистая» публика размѣщается въ свѣтлыхъ и чистыхъ номерахъ новой каменной гостинницы, весь остальной людъ, «народъ», принужденъ довольствоваться необыкновенно грязными, вонючими казармами.

Я разсказалъ отцу Мелетію о пѣніи, слышанномъ мною въ монастырѣ, и о томъ, что я узналъ о Пушкинѣ отъ отца Кирилла.

— Да, это точно.—согласился отецъ Мелетій,— поетъ онъ преотмѣнно. Слыхалъ я на своемъ вѣку много пѣвчихъ, самъ въ архіерейскомъ хорѣ былъ, пѣвцовъ слыхалъ и въ Петербургѣ, и въ прочихъ городахъ, только пріятнѣе этого голоса не слыхалъ... Чувствительно поетъ... Прежде онъ часто, бывало, пѣвалъ, чуть не каждый день, а потомъ все рѣже да рѣже. Другой годъ такъ и пройдетъ—ни разу его пѣнія не услышимъ... Нынѣшнюю весну тоже его было не слыхать; это, должно быть, въ первый разъ...

— Что же онъ поетъ?

— Стихи разные. И, должно быть, онъ стихи эти самъ изъ своего ума сочиняетъ, потому все разное поетъ... Сидитъ-то онъ больно высоко, поэтому самому разобрать слова очень трудно. Однако, разъ какъ-то, былъ я во дворѣ, выслушалъ-таки немного... «Разрушатся троны, разлетятся короны», пѣлъ онъ. Только и выслушалъ; къ чему это у него было сложено—не умѣю вамъ сказать.

— Вамъ неизвѣстно, за что онъ присланъ сюда?

— Въ ересь впалъ, за это самое и присланъ, на увѣщаніе.

— Кто же его увѣщеваетъ?

— Да теперь, признаться сказать, никто, прежде, дѣйствительно, что нѣкоторые отцы ходили къ нему въ тюрьму, говорили съ нимъ, увѣщевали. Только ужъ больно закостенѣлъ онъ въ своей этой самой вѣрѣ. Да и на рѣчахъ онъ слишкомъ гораздъ—убѣдительно говоритъ. Противъ его спорить нашему брату очень затруднительно. Поэтому, собственно, и перестали ходить къ нему: опасно: пожалуй, чего добраго, какого нибудь слабовѣрнаго еще во искушеніе введетъ. Долго ли до грѣха. Всѣ—люди, всѣ—человѣки. Теперь и со крестомъ не ходятъ къ нему, потому онъ разъ какъ-то на пасхѣ одного отца съ крестомъ не принялъ къ себѣ; трое невольниковъ приняли крестъ, а онъ не захотѣлъ. Да, очень ужъ твердъ онъ въ своей вѣрѣ... Бывало, еще прежній архимандритъ сколько разъ говорилъ ему: «Смирись, Пушкинъ, отрекись ты отъ своей ереси поганой, сходи въ церковь, помолись святымъ угодникамъ божіимъ, и тебя, говоритъ, ту же минуту выпустятъ, будешь на волѣ, поѣдешь, говоритъ, ты домой, на свою родину... опять заживешь тамъ человѣкомъ .. какъ слѣдыть быть. Пожалѣй ты, говоритъ, свою жену, дѣтей своихъ пожалѣй (жена его—хорошая женщина, не одинъ разъ сюда пріѣзжала)... Брось ты эту самую... глупость свою»...

— Что же онъ?

— Да что? Ему бы покориться, а онъ все свое. Какъ заладитъ—вѣкъ не переслушать. «И радъ бы, говоритъ, послушать васъ, да не могу, не могу». Твердитъ «не могу» да и кончено. Извѣстно, это ужъ онъ не отъ себя: врагъ рода человѣческаго ис-

кушаетъ его, смущаетъ... Я такъ думаю, что все это безпремѣнно *его* дѣло. Нечистый духъ силенъ.

Отецъ Мелетій перекрестился, прошепталъ какую-то молитву и замолчалъ.

— Зачѣмъ у васъ солдаты въ монастырѣ?

— А это собственно для острога; особая команда полагается и офицеръ при ней. На караулахъ стоятъ, за арестантами смотрятъ. Это точно, что пользы отъ этой команды, почитай, что нѣтъ никакой, потому невольники подъ замками сидятъ... день и ночь взаперти. Уйти имъ отсюда никакъ невозможно... Ну, а все же... Случай тутъ недавно былъ, удивительный, можно сказать, случай.

— Что такое?

— Этому года три назадъ, а можетъ, и больше... Что бы вы думали? Вдругъ эти самые солдаты— извѣстно, съ глупости—начали въ пушкинскую вѣру переходить. Сначала одинъ совратился, а потомъ и пошли другъ за дружкой... Какъ это случилось—никто и теперь не знаетъ. Однако, начальство распорядилось, чтобъ впредь, на предбудущее время значитъ, этихъ самыхъ солдатъ мѣнять каждый годъ: годъ проживутъ въ монастырѣ и назадъ, а къ намъ новыхъ присылаютъ. Съ этихъ же поръ и офицеръ началъ каждый годъ смѣняться... Это для того, чтобъ не успѣли, значитъ, совратиться.

— Въ чемъ же состоитъ эта вѣра Пушкина?

— Этого я ужъ не могу вамъ сказать; извѣстно— ересь, суемудріе... Говорятъ, будто Христомъ Спасителемъ себя называетъ.

Подобные разсказы о Пушкинѣ вы можете услышать здѣсь отъ каждаго монаха, если тотъ не вздумаетъ дѣлать изъ этого какого-то особеннаго секрета, подобно отцу Кириллу.

Все это крайне заинтересовало меня и я рѣшилъ

повидаться съ этимъ «невольникомъ-еретикомъ», хотя и заранѣе зналъ, что устроить это свиданіе не такъ легко. Я зналъ, что до сихъ поръ, изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Соловки, лишь одинъ Диксонъ имѣлъ случай видѣться и говорить съ Пушкинымъ. Въ своей книгѣ «Свободная Россія», Диксонъ, какъ извѣстно, посвятилъ этому свиданію особую главу, подъ заглавіемъ «Адріанъ Пушкинъ». Диксону очень хотѣлось облегчить участь Пушкина и онъ старался сдѣлать это, но ходатайства его въ то время остались безуспѣшны. Изъ русскихъ же путешественниковъ, сколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ не имѣлъ возможности видѣться съ этимъ загадочнымъ «еретикомъ».

Но для того, чтобы видѣться съ Пушкинымъ, необходимо посѣтить соловецкую тюрьму, такъ какъ онъ не имѣетъ права переступать черезъ порогъ своей тюремной кельи. Только въ послѣднее время ему разрѣшено выходить днемъ на тюремный дворъ въ извѣстные часы, для прогулки.

II.

Соловецкая тюрьма.

Соловецкому монастырю суждено было играть видную роль въ исторіи религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа. Знаменитый соловецкій бунтъ, продолжавшійся почти цѣлыя десять лѣтъ, имѣлъ огромное. роковое значеніе въ исторіи развитія русскаго народнаго раскола. Бѣжавшіе во время этого бунта во множествѣ монахи и особенно «бѣлыцы», скрывавшіеся въ монастырѣ и бывшіе главными виновниками возстанія, разсѣялись по лицу земли русской. вездѣ и всюду занося съ собою проповѣдь раскола.

Эти бѣглецы, эти «бѣгу яшася ревнители древнихъ преданій» разошлись по всѣмъ концамъ, по всѣмъ угламъ Россіи и основали множество скитовъ въ Олонецкомъ Поморьѣ, въ нижегородскихъ предѣлахъ, въ Сибири, на дальнемъ востокѣ, проникли въ южную окраину Россіи, внизъ по Волгѣ, по Дону, по Кубани, и вотъ эти скитскія общины долгое время играютъ главную роль въ дѣлѣ распространенія раскола въ Россіи.

Послѣ девятилѣтней упорной осады, монастырь

былъ взятъ правительственными войсками. Виновные подвергнуты жестокому наказанію. Соловки смирились. Съ тѣхъ поръ башни и тюрьмы Соловецкаго монастыря дѣлаются мѣстомъ ссылки и заточенія преступниковъ противъ вѣры, «еретиковъ», какъ обыкновенно называли ихъ въ то время. Въ это мрачное время, когда лучшимъ, радикальнѣйшимъ средствомъ въ борьбѣ съ религіозными вѣрованіями считались тюрьмы, пытки, костры и застѣнки, монастырскія башни и тюрьмы были переполнены «еретиками». Тутъ были учителя и вожаки всѣхъ сектъ раскола: поповцы, безпоповцы, хлысты, бѣгуны, духоборцы, скопцы, молокане. Тутъ были основатели всевозможныхъ новыхъ ученій, которыя, съ заточеніемъ ихъ творцовъ, такъ и канули въ вѣчность. Тутъ были разные «люди божьи», богомилы, богоносцы, богочеловѣки.

Здѣсь были «сбившіеся съ пути» искатели «правой мѣры», мечтавшіе обновить міръ, существо и природу человѣка при помощи своихъ туманныхъ мистическихъ теорій и ученій, построенныхъ на всевозможныхъ толкованіяхъ ветхаго и новаго завѣта. Тутъ были митрополиты, архіереи, монахи, князья, бояре и вельможи, священники, купцы, солдаты, офицеры и многочисленные представители темной сѣрой массы. Здѣсь они томились въ могильномъ одиночествѣ тюремныхъ келій, за двойными желѣзными рѣшетками, томились годы, десятки лѣтъ и нерѣдко цѣлую жизнь.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что ссылка въ Соловецкій монастырь началась гораздо раньше бунта; но тогда ссылались въ монастырь преступники государственные, политическіе. Однимъ изъ первыхъ ссыльныхъ, заточенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ, былъ современникъ Іоанна Грознаго,

знаменитый священникъ Сильверстъ; онъ былъ сосланъ сюда въ 1560 году. Московскіе цари, въ борьбѣ съ оппозиціонными элементами, весьма часто и охотно прибѣгали къ помощи башенъ и тюремъ Соловецкаго монастыря, посылая туда лицъ, осужденныхъ или заподозрѣнныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, „крамольниковъ", какъ величали ихъ въ старину. Иногда такія ссылки и заточенія производились массами.

Укажу на одинъ наиболѣе крупный примѣръ въ этомъ родѣ.

Въ 1648-1649 годахъ, какъ извѣстно, происходилъ земскій соборъ, на которомъ обсуждалось уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Изъ числа 315 человѣкъ выборныхъ депутатовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ, многіе выразили свое неудовольствіе противъ уложенія. Именно сто шестьдесятъ выборныхъ, съ княземъ Львовымъ во главѣ, объявили протестъ противъ уложенія. Въ чемъ именно состоялъ этотъ протестъ, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ, и наши историки до сихъ поръ не постарались разъяснить этого крупнаго факта. Извѣстно только, что всѣ эти протестанты въ числѣ 160 человѣкъ, вмѣстѣ съ княземъ Львовымъ, были сосланы въ Соловецкій монастырь. Ссылка въ Соловки политическихъ преступниковъ продолжалась и послѣ бунта, но въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, а потомъ, мало-по-малу, и совсѣмъ прекратилась.

Зато ссылка въ Соловки «еретиковъ» практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ до самаго послѣдняго времени, точнѣе говоря, до начала нынѣшняго царствованія *).

*) Писано въ 1880 году.

Во время нашего посѣщенія Соловокъ, въ тамошней тюрьмѣ находилось лишь четверо узниковъ: пермскій купецъ Адріанъ Пушкинъ, крестьянинъ Новгородской губерніи Леонтьевъ и какой-то іеромонахъ съ послушникомъ. Нельзя не желать, конечно, чтобъ и эти послѣдніе остатки прежняго времени навсегда исчезли со страницъ нашей исторіи и чтобы область совѣсти, вѣры и религіи была навсегда свободна отъ монастырскихъ заточеній.

— Теперь что,—говорилъ намъ начальникъ Соловецкой команды,—теперь арестантамъ, можно сказать, полгоря. Пища у нихъ хорошая; что братія ѣстъ, то и имъ идетъ; притѣсненій имъ никто никакихъ не дѣлаетъ... вотъ только помѣщеніе плоховато: сыро, темно... Ну, а въ прежнія-то времена, я думаю, вы знаете, что тутъ было. Не приведи Богъ: врагу нельзя пожелать; сказать страшно. Живыхъ людей въ каменныхъ стѣнахъ закладывали, да такъ и держали, голодомъ, холодомъ морили...

Да, въ наше время трудно даже представить себѣ весь ужасъ положенія колодниковъ прежняго времени, томившихся въ какой нибудь короженской башнѣ. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ намъ исторіи своихъ страданій, своего мученичества. Почему не оставили—понять не трудно. Въ инструкціяхъ и указахъ, при которыхъ они высылались, всегда и неизмѣнно значилось, чтобъ «бумаги, и чернилъ, и карандаша имъ, колодникамъ, отнюдь не давать» и чтобъ «никакихъ писемъ они, колодники, ни подъ какимъ видомъ ни къ кому не писали».

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что сюда попадали, большею частью, послѣ розыска, послѣ пытки, нерѣдко прямо изъ застѣнка. И вотъ, измученные разнообразными пытками, дыбами, избитые

„нещадно“ кнутами и батогами, съ вырванными ноздрями, съ отрѣзанными языками, они отвозились въ Соловки и запирались здѣсь въ сырые, темные, холодные погреба, называемые тюремными кельями. Здѣсь они обрекались на вѣчное одиночество, на вѣчное молчаніе, нужду и горе. Казалось, что послѣ ссылки о нихъ совершенно забывали, ихъ вычеркивали изъ списка живыхъ людей. И дѣйствительно, только смерть избавляла несчастныхъ узниковъ отъ дальнѣйшихъ страданій, только могила успокаивала ихъ измученныя тѣла.

Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ условіяхъ монастырскаго заточенія прежняго времени, необходимо перечитать и пересмотрѣть такъ называемыя секретныя дѣла преображенскаго приказа, канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и прочихъ аналогическихъ учрежденій того времени, допросы, указы о ссылкѣ, инструкціи о содержаніи колодниковъ въ монастырѣ и т. п.

Указы о ссылкѣ того или другого лица обыкновенно посылались мѣстному губернатору и въ то же время архимандриту монастыря «съ братіею». Въ указахъ никогда почти не обозначались причины ссылки, а говорилось просто «за вину его» или «за многія его, колодника, вины», вмѣсто смертной казни, учинить казнь «бить нещадно кнутомъ» или «вырѣзать языкъ» и «сослать въ ссылку въ Соловецкій монастырь въ заключеніе, въ короженскую тюрьму вѣчно, и та казнь ему, колоднику, учинена и посланъ до Соловецкаго монастыря съ унтеръ-офицеромъ такимъ-то и съ солдаты».

Только въ рѣдкихъ случаяхъ объяснялось въ указахъ, въ чемъ состояла вина или преступленіе, вызвавшее ссылку; но и это объясненіе дѣлалось въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Такъ, напримѣръ,

при ссылкѣ князя Ефима Мещерскаго въ указѣ, подписанномъ предсѣдателемъ канцеляріи тайныхъ разыскныхъ дѣлъ, Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, отъ 15 января 1722 года, велѣно его, Мещерскаго, «за показанныя отъ него противности благочестію, послать въ Соловецкій монастырь для содержанія до кончины жизни его». Но въ чемъ именно состояли эти «противности благочестію» со стороны опальнаго князя, ни слова не сказано.

Зато во всѣхъ этихъ указахъ и инструкціяхъ подробно излагаются правила о томъ, какъ содержать колодниковъ. Въ указахъ на имя архимандрита обыкновенно писалось: «а когда оный колодникъ въ Соловецкой монастырь привезенъ будетъ, и ты бъ, богомолецъ нашъ, архимандритъ (такой-то) съ братіею, его, колодника, въ Соловецкой монастырь приняли и посадили бы въ короженскую тюрьму вѣчно и велѣли держать его тамъ безвыходно, чтобъ онъ, колодникъ, изъ оной тюрьмы не ушелъ, и бумаги и чернилъ ему не давать; и ежели онъ, колодникъ, сидя въ тюрьмѣ, станетъ кричать и сказывать за собою наше государево слово и дѣло, и такихъ, приносимыхъ отъ него словъ, не слушать».

Или же, напримѣръ, въ такомъ родѣ:

«И состоять ему, колоднику, въ крѣпкой тюрьмѣ, подъ смотрѣніемъ того монастыря архимандрита, а караульнымъ унтеръ-офицеру и солдатамъ имѣть крѣпкое и неусыпное надъ нимъ, колодникомъ, смотрѣніе и осторожность, чтобы при немъ пера, чернилъ и бумаги отнюдь не было, и чтобъ онъ ни съ кѣмъ и ни о чемъ ни въ какіе разговоры не вступалъ и ничего бъ непристойнаго не разглашалъ и не говорилъ, чего ради къ нему не токмо изъ постороннихъ никого, но и изъ монастырской братіи и служителей ни въ келью, ниже во время

слушанія литургіи и прочаго церковнаго пѣнія, ни для чего не допускать и разговаривать запрещать». При этомъ особенное вниманіе обращалось на то, чтобъ колодники «ни съ кѣмъ и никогда о вѣрѣ никакихъ разговоровъ къ большому вымышленной своей прелести и противныхъ благочестія дерзостей размноженію имѣть не могли, но пребывали бы въ покаяніи и питаемы были хлѣбомъ слезнымъ».

Что касается продовольствія узниковъ пищею, то и въ этомъ отношеніи ихъ далеко не баловали. Только въ рѣдкихъ случаяхъ разрѣшалось отпускать тому или другому колоднику пищу изъ братской трапезы; чаще же всего писалось: «пищу давать только хлѣбъ да воду и подавать (ихъ) въ окно капралу». Затѣмъ строго воспрещалось имѣть колодникамъ при себѣ деньги и какія бы ни было вещи.

Нѣкоторыхъ колодниковъ не только запирали подъ замокъ, но еще запечатывали двери ихъ тюремныхъ келій особыми печатями, а для наблюденія за этимъ откомандировывались особые офицеры и солдаты. Вотъ отрывокъ изъ инструкціи, данной одному изъ такихъ офицеровъ: «Когда онъ, колодникъ, посаженъ будетъ въ тюрьму, тогда къ нему приставить караулъ, и всегда бъ съ ружьями было по два человѣка на часахъ, одинъ отъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ. Двери бъ были за замкомъ и за твоею печатью, а у тюрьмы окошко было бъ малое, гдѣ пищу подавать; да и самому тебѣ въ тюрьму къ нему не ходить, нежели другихъ кого допускать, его, колодника, въ церковь не допускать. А когда онъ «колодникъ заболитъ и будетъ весьма близокъ къ смерти, то по исповѣди пріобщить его св. Таинъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ содержится, и для

того двери отпереть и распечатать, а по причащеніи оныя двери запереть и запечатать тебѣ своею печатью и приказать хранить накрѣпко, какъ въ прежнихъ указахъ объявлено»... Вотъ ужъ, поистинѣ, заживо погребенные.

Всѣ подобныя наставленія всегда неизмѣнно сопровождались угрозами, что за малѣйшее неисполненіе инструкціи и слабость надзора виновные въ томъ будутъ немедленно подвергнуты «осужденію и истязанію» по всей строгости военныхъ артикуловъ.

Насколько строго выполнялись всѣ эти указы и инструкціи, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая. Одинъ изъ заточенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ (князь Василій Лукичъ Долгоруковъ) тяжко заболѣлъ; ему понадобился духовникъ. Но такъ какъ въ указѣ, при которомъ онъ былъ присланъ, было сказано, чтобъ «никого изъ постороннихъ къ нему въ келью не допускать», то поэтому ни архимандритъ, ни караульный офицеръ не рѣшились исполнить требованія умирающаго и кончили тѣмъ, что вошли по этому поводу съ представленіемъ въ архангельскую губернскую канцелярію. Въ свою очередь, и губернская канцелярія также не осмѣлилась удовлетворить просьбу больного узника и обратилась за разрѣшеніемъ этого вопроса въ сенатъ, который указомъ, отъ 29-го марта 1731 года, предписалъ губернатору, въ случаѣ крайней необходимости, „допустить отца духовнаго въ келью князя Долгорукова“.

Нѣкоторые изъ узниковъ всю жизнь сидѣли скованными въ цѣпяхъ. Эти цѣпи снимались съ нихъ только послѣ смерти... Страшное, кровавое время... Мрачнымъ, но, къ счастью, далекимъ, далекимъ призракомъ глядитъ оно въ нашей исторіи...

Да, теперь не то... Все смягчилось, все измѣнилось къ лучшему... Все. Только Соловецкая тюрьма остается, попрежнему, все тою же мрачною гробницей, какой была она два вѣка назадъ... Невыразимо тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производитъ этотъ остатокъ давнымъ-давно пережитой, давнымъ-давно похороненной эпохи. И это впечатлѣніе испытывается каждымъ свѣжимъ человѣкомъ, попадающимъ въ Соловки.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ эту тюрьму г. Немировичъ-Данченко, посѣтившій Соловки нѣсколько лѣтъ назадъ.

«Соловецкая тюрьма, когда къ ней приближаешься, кажется какою то громадною, многоэтажною гробницей, откуда вотъ-вотъ покажутся, открывъ свои незрячія очи и потрясая цѣпями, блѣдные призраки прошлаго. Невольный трепетъ охватывалъ меня, когда я вступалъ въ ограду этой исторической темницы. Тутъ всегда страдали за мысль, за убѣжденіе, за пропаганду. Суевѣрный страхъ охватываетъ васъ, когда вы входите въ узкую дверь темницы, за которою тянется вдаль черный корридоръ, словно щель въ какой-то каменной массѣ... Сколько крови пролилось на эти сырыя, холодныя плиты, сколько стоновъ слышали эти влажныя, мрачныя стѣны. Какимъ холодомъ вѣетъ отсюда, точно въ этомъ душномъ воздухѣ еще стелется и расплывается отчаяніе и скорбь узниковъ, тѣла которыхъ давно истлѣли на монастырскомъ кладбищѣ... Снаружи передъ вами ряды узкихъ оконъ... Порою въ нѣкоторыя выглянетъ блѣдное-блѣдное лицо... Нѣтъ, это галлюцинація... Тройные ряды рамъ и рѣшетокъ едва ли пропускаютъ свѣтъ въ одинокую келью заключеннаго».

А вотъ одинъ изъ тюремныхъ корридоровъ и самыя кельи:

«Узкая щель безъ свѣта тянулась довольно далеко (это корридоръ). Одна стѣна ея глухая, въ другой нѣсколько дверей съ окошечками. За этими дверями мрачныя, потрясающе мрачныя темничныя кельи. Въ каждой окно. Въ окнѣ по три рамы и между ними двѣ рѣшетки. Все это прозеленѣло, прокопчено, прогнило, почернѣло. День не броситъ сюда ни одного луча свѣта. Вѣчныя сумерки, вѣчное молчаніе... Я вошелъ въ одну изъ пустыхъ келій. На меня пахнуло мракомъ и задушающею смрадною сыростью подвала. Точно я былъ на днѣ холоднаго и глубокаго колодца».

Тюрьма, какъ мы уже замѣтили, отдѣляется отъ другихъ построекъ каменною стѣной. Въ срединѣ стѣны маленькія ворота съ калиткою; у воротъ зеленая кружка съ надписью: «въ пользу содержащихся здѣсь арестантовъ». Съ лѣвой стороны выглядываетъ изъ-за стѣны узкій, высокій домъ; въ немъ помѣщается военная команда и квартира ея начальника. Справа—тюрьма...

Полдень. Отворяю калитку и вхожу на тюремный дворъ...

III.

Больной или преступникъ?

Все мое вниманіе сразу приковываетъ къ себѣ высокая фигура человѣка, очевидно, прогуливавшагося изъ угла въ уголъ по маленькому тюремному двору. Вотъ онъ идетъ ко мнѣ навстрѣчу. Я вижу передъ собою высокаго, почти плотнаго, хорошо сложеннаго мужчину, съ длинною бородою, съ гордымъ, спокойнымъ, увѣреннымъ видомъ, которому какъ-то странно противорѣчатъ рѣзкія, порывисто-нервныя движенія. Одѣтъ онъ въ темно-сѣромъ длинномъ пальто; большая шапка съ мѣховою опушкою низко надвинута на широкій лобъ; изъ-подъ длинныхъ, необыкновенно длинныхъ и густыхъ бровей нездоровымъ лихорадочнымъ блескомъ горятъ безпокойные, быстрые глаза. Черты блѣднаго, немного дряблаго лица носятъ печать глубокой, сосредоточенной думы, постоянной мозговой работы. Не то рыжеватый, не то темнорусый цвѣтъ бороды и волосъ скрывается подъ сильною просѣдью; мѣстами въ бородѣ выдѣляются совершенно сѣдыя пряди и идутъ во всю длину бороды. На видъ ему лѣтъ 55. Все

въ наружности этого человѣка—взглядъ, походка, движенія—все говорило, что передъ вами особенный, недюжинный, необыкновенный экземпляръ человѣческой природы, что это человѣкъ не отъ міра сего.

— Вы Пушкинъ?—невольно сорвалось у меня.

Незнакомецъ молча кивнулъ головой, какъ бы говоря: «да, я Пушкинъ», но не сказалъ ни слова и, не останавливаясь, прошелъ мимо.

Когда онъ снова поровнялся со мной, я, извинившись за навязчивость, просилъ позволенія предложить ему нѣсколько вопросовъ.

— Мнѣ запрещается говорить съ кѣмъ бы ни было, — отрывисто возразилъ онъ, — я не имѣю права отвѣчать вамъ.

И только послѣ того, какъ мы успокоили его съ этой стороны, онъ нарушилъ свой невольный обѣтъ молчанія.

— Давно ли вы здѣсь, въ монастырѣ?

— Я былъ заключенъ сюда въ концѣ 1866 года.

— Вы уроженецъ города Перми?

— Да, я былъ крѣпостнымъ человѣкомъ графа Строгонова и повѣреннымъ по его дѣламъ въ одномъ изъ имѣній графа въ Пермской губерніи. Въ 1853 году я выкупился изъ крѣпостного состоянія, оставилъ службу у Строгонова и записался въ пермскіе купцы второй гильдіи. Графъ не хотѣлъ отпускать меня, просилъ остаться у него, но я уже не могъ этого сдѣлать.

— Если я не ошибаюсь, васъ обвиняли въ составленіи секты?

До сихъ поръ Пушкинъ говорилъ довольно спокойно, хотя нервная порывистость и слышалась въ его голосѣ, проглядывала въ его движеніяхъ. Это было такъ понятно, естественно:

быть можетъ, уже много лѣтъ онъ не имѣлъ возможности говорить по-человѣчески, говорить о томъ, что давно наболѣло и выстрадалось годами одиночнаго заключенія. Но послѣдній вопросъ, очевидно, задѣлъ слабую струну моего собесѣдника. Онъ вдругъ заволновался, заспѣшилъ, началъ говорить съ жаромъ, быстро, ежеминутно перебивая себя, какъ бы боясь, что ему не удастся высказаться, не удастся излить давно накипѣвшія, рвущіяся изъ груди чувства и думы.

— Никогда, никогда! никакой секты!—воскликнулъ онъ. — Я говорилъ только, что мы не понимаемъ Священнаго Писанія, что у насъ ни ученые, ни священники, ни монахи, ни высшее духовенство, словомъ, никто, никто до сихъ поръ не понимаетъ Священнаго Писанія... Развѣ это не ужасное несчастіе?..—почти съ азартомъ воскликнулъ онъ.

— Но почему же не понимаютъ?—не безъ труда удалось вставить мнѣ.

— Потому, что не знаютъ существа человѣка, не знаютъ существа природы... Не знаютъ отношенія земли къ міросозданію... Міръ обширенъ, необъятенъ, безграниченъ, и мы—люди—совсѣмъ не знаемъ его. Часто мимо земли проходятъ кометы, тогда люди страшатся за свою жизнь, за свою судьбу... Потомъ снова успокаиваются... Но откуда проходятъ эти планеты, куда исчезаютъ онѣ, что онѣ такое—люди не знаютъ... Мы живемъ во тьмѣ; вокругъ насъ только узкая полоска свѣта, а тамъ, далѣе, начинается черная тьма, и мы не замѣчаемъ ее потому только, что родились въ этой тьмѣ и сжились съ нею... Міръ еще не спасенъ... Да, до сихъ поръ еще не спасенъ. Посмотрите: сколько грѣха, сколько несчастій, страданій всюду вокругъ насъ... Гдѣ же спасеніе? Мессія еще не явился... Христосъ

не былъ Богочеловѣкомъ, потому что онъ не спасъ людей, не спасъ человѣка отъ грѣха, неправды и горя... Многое сдѣлалъ Христосъ, очень многое, но еще больше остается сдѣлать... Да, искупитель міра и людей долженъ явиться, и мы должны ожидать его и приготовиться встрѣтить его. А развѣ мы знаемъ: какъ явится между нами искупитель? Какъ мы узнаемъ его, и кто поручится, что мы достойно встрѣтимъ его; кто поручится, что Богочеловѣкъ не будетъ вверженъ въ тюрьму, битъ плетьми?.. А горе все растетъ на землѣ и съ каждымъ днемъ растетъ людская скорбь все больше, больше... Народы, какъ звѣри, дерутся другъ съ другомъ и люди живутъ, какъ враги... Скоро, скоро настанетъ крайній предѣлъ, настанетъ время суда... время возрожденія человѣка... И тогда-то явится новое небо и новая земля... духъ истины воцарится на землѣ, настанетъ миръ и правда, настанетъ на землѣ царство божіе, еже есть правда и миръ и радость о духѣ святомъ... Успокоится умъ и сердце человѣка — они будутъ удовлетворены; потому что чего жаждетъ теперь нашъ умъ, наше сердце?. Найти истину... А тогда духъ истины воплотится въ жизни и въ людяхъ.

И долго еще говорилъ въ такомъ родѣ этотъ человѣкъ не отъ міра сего. И по мѣрѣ того, какъ говорилъ, онъ возбуждался все болѣе и болѣе; глаза горѣли, искрились и неудержимо, почти дико прыгали съ одного предмета на другой; въ этихъ глазахъ всего болѣе поражало почти полное отсутствіе зрачковъ: на мѣстѣ зрачковъ съ трудомъ можно было разсмотрѣть чуть замѣтныя двѣ темныя точки, словно уколы иголки. Вѣроятно, это было вліяніе дневного свѣта, отъ котораго отвыкъ несчастный въ долгіе годы заключенія въ полутемной, тюремной кельи. Узкія, сухія, безкровныя губы дрожали, по

временамъ въ углахъ рта появлялось что-то въ родѣ бѣлой пѣны.

Слушая его, я думалъ: «Что это? Фанатикъ идеи съ желѣзнымъ, непреклоннымъ характеромъ? Сильный волею человѣкъ или же душевно-больной, которому нужна разумная помощь психіатра, вмѣсто одиночнаго заключенія, развивающаго еще болѣе его психическое разстройство?»

Но я все еще не терялъ надежды уяснить себѣ, въ чемъ именно состояла эта «новая вѣра» Пушкина. Я просилъ его выяснить мнѣ: какимъ образомъ должно совершиться, по его мнѣнію, то «возрожденіе человѣка и воцареніе истины на землѣ», о которомъ онъ такъ много говорилъ?

Я высказалъ эти вопросы и почти тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ. Мои замѣчанія подлили только масла въ огонь. Пушкинъ заволновался еще болѣе, и рѣчь его полилась и запрыгала неудержимымъ потокомъ... Передать эту рѣчь я рѣшительно не въ состояніи. Это была какая-то болѣзненная скачка мысли отъ одного предмета къ другому, безъ малѣйшихъ признаковъ логической связи и послѣдовательности. По временамъ проскакивали здравыя, оригинальныя, если хотите, даже крупныя мысли, но онѣ тонули въ общемъ потокѣ туманныхъ аллегорій, безчисленныхъ текстовъ изъ библіи, странныхъ сопоставленій, различныхъ формулъ, всевозможныхъ цитатъ. Тутъ были, напримѣръ, разсужденія объ огромномъ значеніи нуля въ математикѣ, причемъ это значеніе какимъ-то совершенно непостижимымъ образомъ приравнивалось къ понятію о существованіи въ природѣ высшей духовной силы, Бога; тонкія теологическія толкованія о значеніи трехъ лицъ Св. Троицы; доказывалась мысль, что вскорѣ долженъ явиться новый искупитель міра,

которому предстоитъ докончить начатое Христомъ дѣло избавленія людей отъ страданій, что въ библіи, будто бы, находится безчисленное множество указаній на то. что міръ будетъ спасенъ не однимъ человѣкомъ (Христомъ), какъ думали до сихъ поръ, а двумя, и что теперь-то именно настаетъ время пришествія этого второго искупителя. Въ подкрѣпленіе этой мысли, предо мною произносились цѣлыя страницы, цѣлыя главы Ветхаго Завѣта, изъ посланій апостоловъ, даже изъ Апокалипсиса, причемъ старательно подчеркивались всѣ тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію моего собесѣдника, совершенно ясно и категорично подтверждаютъ его идею.

Въ самомъ разгарѣ своей рѣчи. Пушкинъ вдругъ остановился и, перебивая себя, предложилъ мнѣ вопросъ, который немало изумилъ меня.

— Знаете ли вы журналъ «Свѣтъ» который издаетъ профессоръ Вагнеръ?

На мой утвердительный отвѣтъ, онъ съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ: «Это мое дѣло выясняютъ!.. Познаютъ существо человѣка и природы... О, дѣло мое не умретъ».

И онъ снова началъ толковать о томъ, какъ мало мы понимаемъ природу и въ частности систему мірозданія, причемъ мнѣ было совершенно ясно, что его собственныя свѣдѣнія по этимъ предметамъ—болѣе чѣмъ скудны.

Но нужно было видѣть и слышать, какъ излагалось все это. Какимъ энтузіазмомъ, какою страстью звучали эти рѣчи... Крайнее возбужденіе отразилось на внѣшности. Лицо поблѣднѣло еще больше, щеки осунулись, съ глазами творилось что-то недоброе. Предо мной стоялъ человѣкъ, одержимый mania religiosa.

Мнѣ отъ души стало жаль его, и я поспѣшилъ, цѣлымъ рядомъ постороннихъ вопросовъ, отвлечь вниманіе моего собесѣдника отъ его idée fixe.

Мало-по-малу, онъ успокоился, и къ нему снова вернулось самообладаніе. Постепенно и осторожно началъ я разспрашивать его о ближайшихъ причинахъ, вызвавшихъ его переселеніе въ Соловки. Вотъ что, между прочимъ, сообщилъ онъ мнѣ по этому поводу:

— Я долго работалъ надъ рукописями, въ которыхъ изложилъ свои взгляды на пришествіе Мессіи. Когда онѣ были окончены, я передалъ ихъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, просилъ ихъ разсмотрѣть мои труды. Но я вездѣ и всюду встрѣтилъ отказъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ вникнуть хотя сколько нибудь въ мое дѣло; никто не хотѣлъ выслушать меня. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Мнѣ хотѣлось, чтобъ сама власть занялась этимъ. Тогда я подалъ прошеніе въ пермское губернское правленіе, приложилъ всѣ свои записки и рукописи и просилъ, чтобъ правленіе отправило ихъ въ сенатъ, на его разсмотрѣніе. Губернаторъ призвалъ меня и говоритъ: «бросьте это дѣло...» То же говорилъ и Строгоновъ. Когда же я не согласился на это, онъ поссорился со мною... Но могъ ли я послушать ихъ?.. Другіе смѣялись надо мной. Я же просилъ только объ одномъ: назначьте ученыхъ, на мои средства, пусть они разсмотрятъ мои бумаги и рѣшатъ мое дѣло: кто правъ? Стали говорить, что я сумасшедшій... Свидѣтельствуютъ. Приводятъ въ губернское правленіе. Торжественное засѣданіе: губернаторъ, всѣ члены, городской голова, протоіерей и пять врачей. Задаютъ мнѣ 200 вопросовъ и заставляютъ отвѣчать письменно... Два раза собирались. Потомъ отправили меня въ больницу.

Здѣсь держали нѣсколько мѣсяцевъ... Четверо изъ врачей признали меня больнымъ, помѣшаннымъ. Только одинъ изъ нихъ сказалъ: «Нѣтъ, онъ здоровъ; если считаете его вреднымъ, пошлите его въ тюрьму, но не въ сумасшедшій домъ» .. Этотъ врачъ былъ Коробовъ. Онъ служилъ тогда въ Перми.

Въ прошломъ году, въ одной изъ петербургскихъ газетъ была помѣщена замѣтка о Пушкинѣ, замѣтка, писанная человѣкомъ, весьма близко и хорошо знавшимъ соловецкаго узника. Въ ней такъ разсказывается врачебная экспертиза, произведенная надъ Пушкинымъ.

«Врачъ, наблюдавшій за Пушкинымъ въ больницѣ, далъ о немъ такой отзывъ, что Пушкинъ человѣкъ скромный, невзыскательный, вѣжливый, но что у него есть религіозная idée fixe, такъ какъ онъ постоянно читаетъ Библію. Такъ какъ прямого указанія на душевную болѣзнь Пушкина не было, то онъ былъ назначенъ къ высылкѣ въ Соловецкій монастырь, безъ опредѣленія срока содержанія. На оффиціальной почвѣ дѣло высылки Пушкина было мотивировано тѣмъ, что онъ сектантъ и что съ удаленіемъ его будетъ пресѣчено въ корнѣ развитіе пропаганды».

Въ 1858 году, Пушкинъ сдѣлалъ первый шагъ по тому пути, который впослѣдствіи привелъ его въ Соловки. Около этого времени онъ страдалъ усиленными сердцебіеніями, ради которыхъ и обращался за совѣтомъ къ доктору Елачичу въ Казани; докторъ нашелъ у него аневризмъ и предсказалъ скорую смерть отъ разрыва сердца или же душевное разстройство. Вскорѣ случилось, что особая галлюцинація (единственная въ его жизни) такъ по-

трясла его организмъ, особенно сердце, что онъ, послѣ этого почувствовалъ облегченіе и потомъ совсѣмъ не жаловался на сердцебіеніе. Около того же времени онъ видѣлъ сонъ, который сильно запечатлѣлся въ его памяти и имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ его мысли. Ему явился во снѣ Спаситель, въ томъ видѣ, какъ изображаютъ его на иконахъ и сказалъ: «Меня не узнали».

Все это вмѣстѣ родило въ его головѣ впослѣдствіи особую идею, которую онъ пытался выразить аллегорически въ большой картинѣ, подъ названіемъ: «знаменіе царствующей вѣры», первый экземпляръ которой онъ послалъ, въ 1858 году, на храненіе въ Успенскій соборъ отъ имени неизвѣстнаго. Картина очень сложная. На первомъ планѣ ея было изображено извѣстное сказаніе о св. Георгіи и царицѣ Александрѣ Въ заголовкѣ картины была такая надпись: «сердце его». Въ верхнихъ углахъ картины были поставлены, какъ эпиграфы, слѣдующія двѣ надписи: 1) „И сіе есть первое живѣйшее желаніе наше-свѣтъ спасительной вѣры" (изъ высочайшаго манифеста) и 2) „Дая законы моя въ мысли ихъ на сердцахъ ихъ напишу и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ ми въ люди (Іерем. 31, 33). Картина эта была написана впослѣдствіи во многихъ экземплярахъ и поднесена многимъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Въ 1861 году, когда Пушкинъ ѣздилъ изъ Перми въ Петербургъ, картина его была, вмѣстѣ съ объяснительною рукописью подъ заглавіемъ «Великая радость», передана на разсмотрѣніе святѣйшаго синода, который далъ отзывъ, что картина, «по странному и непонятному сочетанію предметовъ, не заслуживаетъ одобренія и подлежитъ къ возвращенію автору». Рукопись же синодъ задер-

жалъ, находя, что она содержитъ въ себѣ воззрѣнія, не согласныя съ ученіемъ православной церкви.

Въ 1863 году Пушкинъ снова пріѣзжаетъ въ Петербургъ и ходатайствуетъ въ разныхъ вѣдомствахъ и у разныхъ лицъ высшей администраціи о разсмотрѣніи тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ написана имъ рукопись «Великая радость». Онъ обращается къ министру двора, къ оберъ-прокурору синода графу Толстому, въ коммисію прошеній, къ князю Суворову и ко многимъ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ это же время Пушкинъ передалъ чрезъ оберъ-прокурора въ синодъ новую рукопись подъ заглавіемъ: «Судъ Божій». Всѣ его ходатайства остались, однако, безъ успѣха.

Возвратившись въ Пермь, онъ продолжалъ разрабатывать свою идею. Во время пріѣзда въ Пермь генералъ-адъютанта Тимашева, бывшаго тогда временнымъ генералъ-губернаторомъ Казанской, Вятской и Пермской губерній, Пушкинъ поднесъ ему свою картину. Потомъ, около 1865 года, когда черезъ Пермь проѣзжало одно высокопоставленное лицо, Пушкинъ подалъ докладную записку. Впослѣдствіи всѣ свои многоразличныя статьи и записки Пушкинъ собралъ воедино и назвалъ ихъ такъ: «Матеріалы къ доказательству пришествія Мессіи (Христа) только нынѣ, или основанія къ соединенію всѣхъ церквей». Эти матеріалы тѣ же, на которыхъ построена и «Великая радость».

Всѣ свои воззрѣнія Пушкинъ проводилъ исключительно въ правительственныхъ сферахъ, держа ихъ въ строгомъ секретѣ отъ общества. Но, занимаясь разработкою своей идеи, онъ совсѣмъ оставилъ свои занятія, какъ повѣренный частныхъ лицъ, а это отозвалось на его средствахъ существованія съ семьей, состоящей изъ семи человѣкъ. Надо

сказать, что Пушкинъ никогда не былъ человѣкомъ съ капиталомъ: оставляя должность повѣреннаго у графа Строгонова, онъ располагалъ только нѣсколькими сотнями рублей, но зато, пользуясь довѣріемъ къ себѣ многихъ богатыхъ лицъ, онъ имѣлъ возможность всегда выйти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Очутившись теперь въ подобномъ положеніи, онъ вздумалъ обратиться къ пермскому обществу, въ лицѣ его состоятельныхъ гражданъ, съ просьбою ссудить его нѣкоторой суммой для веденія одного важнаго дѣла, извѣстнаго только правительству и составляющаго секретъ, который онъ не можетъ сообщить никому.

Необходимо замѣтить, что Пушкинъ былъ общественнымъ дѣятелемъ въ своемъ городѣ. Будучи купцомъ, онъ, главнымъ образомъ, занимался дѣлами, какъ повѣренный, ходатайствуя отъ имени разныхъ частныхъ лицъ въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ. Безукоризненно честнымъ веденіемъ этихъ дѣлъ онъ заслужилъ всеобщую любовь, довѣріе и популярность. Между прочимъ, Пермское общество возложило на него веденіе спорнаго дѣла о принадлежности городу земель внѣ городской черты о чемъ вопросъ оставался открытымъ въ теченіе 50-ти лѣтъ. Потомъ Пушкинъ былъ избранъ обществомъ въ члены коммисіи для изслѣдованія причинъ огромныхъ пожаровъ, бывшихъ въ то время въ Перми.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что обращеніе его къ обществу имѣло успѣхъ. Многіе изъ гражданъ оказали ему посильную помощь, ссудивъ деньгами, но бывшій въ то время городскимъ головою нѣкто К., человѣкъ не только малообразованный, но и малограмотный, захотѣлъ непремѣнно знать, въ чемъ состоитъ это секретное

дѣло. Пушкинъ вручилъ ему какую-то краткую записку, относящуюся до разрабатываемаго имъ вопроса, прося голову никому не сообщать о содержащемся въ запискѣ. Но записка эта вскорѣ очутилась въ рукахъ архіерея, который призналъ ее вредною... Исторія съ подачею прошенія въ губернское правленіе довершила дѣло...

Въ холодный ноябрьскій день (1866 года) у квартиры Пушкина остановилась дорожная повозка. Вскорѣ на крыльцѣ появились двѣ сѣрыя фигуры жандармовъ и между ними Пушкинъ съ блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ. Сзади толпились плачущія дѣти и, какъ безумная, рыдала жена...

Высланный находился въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Архангельскѣ, такъ какъ по времени года нельзя было попасть на Соловецкіе острова. Пушкинъ воспользовался этимъ временемъ и, выписавъ изъ Перми экземпляръ картины «Знаменіе царствующей вѣры», поднесъ ее архангельскому губернатору, князю С. П. Гагарину. Князь Гагаринъ сочувственно отнесся къ Пушкину и обѣщалъ ему содѣйствовать его освобожденію и возвращенію въ Пермь, если только онъ оставитъ свою идею.

— Я не могу оставить... Я буду тогда совсѣмъ боленъ,—отвѣчалъ Пушкинъ.

Такимъ образомъ онъ очутился въ соловецкой тюрьмѣ, въ холодной и сырой комнатѣ, въ которой онъ содержался до слѣдующаго лѣта, когда пріѣхавшая въ монастырь его жена испросила у архимандрита, чтобъ ея мужа перевели въ болѣе сносное помѣщеніе. И вотъ, съ той поры Пушкинъ находится въ крѣпкихъ стѣнахъ монастырской тюрьмы, подъ замкомъ и карауломъ часового. Но у этого узника нѣтъ и тѣни мысли о побѣгѣ.

Пермское общество, въ лицѣ своихъ гражданъ,

не сдѣлало даже малѣйшей попытки къ тому, чтобъ облегчить сколько нибудь участь своего согражданина, о которомъ и до сихъ поръ вспоминаютъ въ имѣніяхъ графа Строгонова съ особеннымъ уваженіемъ. Въ былое время лица важныя и сановитыя пожимали руку нынѣшнему узнику Соловецкаго монастыря, находя его стремленія честными и хорошими. Теперь же онъ всѣми забытъ и оставленъ...

— Надѣетесь ли вы когда нибудь освободиться отсюда?—спросилъ я Пушкина.

Въ отвѣтъ на это, онъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Я не знаю, въ чемъ мои вины, въ чемъ меня обвиняютъ, и потому не могу оправдываться,—заговорилъ онъ.—Мнѣ говорятъ: «ходите въ церковь, оставьте свою идею и васъ сейчасъ же освободятъ». Но развѣ я могу сдѣлать это? У меня поставлено на карту все: и состояніе, и счастіе семьи, и собственная жизнь—развѣ могу я теперь воротиться назадъ въ своихъ воззрѣніяхъ? Время должно оправдать меня... И оно оправдаетъ—я вѣрю въ это... Если я заблуждаюсь, если все это только кажется мнѣ истиною, то пусть соловецкая тюрьма будетъ моей могилой...

— Вамъ позволяютъ здѣсь читать, получать газеты?

— Да, я получаю «Свѣтъ», «Вечернюю Газету»... Родные присылаютъ.

— У васъ осталась семья на родинѣ?

— Да... осталась...

Мнѣ показалось, что мой собесѣдникъ почему-то неохотно говоритъ о семьѣ. Мы молчали нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ Пушкинъ

находился въ явномъ возбужденіи, которое онъ, очевидно, старался скрыть, побороть. Наконецъ, онъ заговорилъ и тѣмъ выдалъ свою тайну. Въ фанатикѣ проснулся отецъ.

— Да, у меня осталась большая семья... дѣти,— началъ онъ довольно покойно, но голосъ ему измѣнилъ; онъ вдругъ треснулъ, какъ не въ мѣру натянутая струна:—дѣти... маленькія... ребенокъ...

Голосъ его какъ-то странно фибрировалъ. Онъ замолчалъ, справился, быстро овладѣлъ собой и уже почти совсѣмъ покойно продолжалъ:

— Старшему сыну было четырнадцать лѣтъ, дочери десять... Они учились въ гимназіи... Всѣхъ дѣтей у меня семь человѣкъ... Когда меня увезли, у нихъ не осталось никакихъ средствъ... Имъ нечѣмъ было жить, не только учиться... Ихъ взяли изъ гимназіи и отдали... въ услуженіе... Бѣдныя дѣти... Потомъ старшаго взяли въ солдаты; это было сдѣлано неправильно. Добрые люди (между прочимъ, Коробовъ) вступились и его освободили. Жена заболѣла съ горя... Потомъ ей разрѣшили посѣтить меня. Она была здѣсь, въ тюрьмѣ...

И все это говорилось безъ малѣйшихъ признаковъ озлобленія или негодованія. Ни одной жалобы, ни одного обвиненія или упрека кому бы ни было... Какъ будто иначе и быть не могло.

Въ эту минуту къ намъ подошли два солдата, изъ которыхъ одинъ, остановившись передъ Пушкинымъ, почтительно проговорилъ:

— Пора... время ужъ...

— Что такое?—спросилъ я.

— Въ тюрьму пора...—сказалъ Пушкинъ.

Я посмотрѣлъ на него и удивился. Предо мной снова стоялъ тотъ же загадочный человѣкъ съ гордымъ, увѣреннымъ видомъ, для котораго, казалось,

не существуетъ ни житейскихъ привязанностей, ни симпатій... Твердою походкой, ни разу не оглянувшись, прошелъ онъ черезъ дворъ и вступилъ на крыльцо. Тутъ стояли солдаты. Открывъ тяжелую тюремную дверь, они ждали, пока войдетъ арестантъ, чтобы тотчасъ же снова затворить ее... Вотъ онъ вступилъ въ корридоръ и тотчасъ же исчезъ въ его темнотѣ...

Крѣпкія петли тихо опустили тюремную дверь; звякнули желѣзные засовы, загремѣли замки...

Еще недавно нельзя было писать, нельзя было говорить о людяхъ, стоящихъ въ подобномъ положеніи, и тѣ органы печати, которые считали своимъ нравственнымъ долгомъ напоминать о нихъ, заявлять о снисхожденіи къ этимъ людямъ, подвергались карамъ и преслѣдованіямъ. Теперь не то; пробуждается, повидимому, искреннее желаніе устранить изъ жизни по возможности все, что напрасно отравляетъ покой и счастіе человѣка, все, что вноситъ ядъ недовольства, горечи, ожесточенія...

25 августа
1880 года.

Эпилогъ

Вмѣсто эпилога къ «пушкинской исторіи» я позволю себѣ привести здѣсь извлеченіе изъ письма, помѣщеннаго мною по этому поводу въ январѣ мѣсяцѣ 1882 года въ газетѣ „Голосъ“—№ 24-й *).

«Спѣшу сообщить вамъ новость, которая, безъ сомнѣнія, всюду и во всѣхъ вызоветъ отрадное чувство нравственнаго удовлетворенія, во всѣхъ, кому только дорога идея свободы совѣсти, свободы вѣры и убѣжденія; извѣстный Адріанъ Пушкинъ, томившійся въ теченіе 15-ти лѣтъ въ Соловкахъ, въ суровомъ заточеніи монастырскаго каземата, нынѣ, волею Государя Императора, освобожденъ изъ-подъ стражи и получилъ возможность оставить Соловецкій островъ».

*) Очеркъ «Еретики» былъ напечатанъ осенью 1880 года въ газетѣ «Голосъ»: №№ 227, 229 и 234.

Издательство и книжный магазинъ Т-ва „Общественная Польза“
СПБ. Большая Подъяческая, 39.

Н. АМФИТЕАТРОВЪ.

СКАЗОЧНЫЯ БЫЛИ. ц. 1 руб.

Викторія Павловна. (Именины) ц. 1 руб.

СТРАНА РАЗДОРА. Балканскія впечатлѣнія. Съ портретами и рисунками Ц. 1 р.

ВЪ МОИХЪ СКИТАНІЯХЪ. Балканскія впечатлѣнія. Съ портретами и рисунками. Ц. 1 р.

ЖЕНСКОЕ НЕСТРОЕНІЕ. Ц. 1 руб.

О. И. Рогова.

СИБИРСКІЯ ТѢНИ.

Романъ изъ сибирской жизни. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. И. Позняковъ.

НИЧЕГО. (Разсказы про людей).

Содержаніе: Ничего. Награда. Къ тактикѣ. Неудобно. Потерпи.Озвѣрѣніе. Одинокая. Итого. Ц. 1 р.

ЗАКУЛИСНАЯ ХРОНИКА.

Съ 34 портр. артистовъ. Составилъ актеръ СПБ. Императорскихъ театровъ *А. Нильскій*. Второе изданіе. Цѣна 1 р. 50 к.

НА ПАМЯТНИКЪ АВТОРУ.

СБОРНИКЪ ПОЭМЪ, СТИХОТВОРЕНІЙ и РАЗСКАЗОВЪ

Съ предисловіемъ *П. И. Вейнберга*, виньеткой художника *В. С. Крюкова* и портретомъ автора. Ц. 1 р. 25 к.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВСЕВОЛОДА ВЛАДИМІРОВИЧА

КРЕСТОВСКАГО

Подъ редакціей *Ю. И. Елеца*.

Къ изданію приложены 4 портрета и біографія, составленная *Ю. И. Елецкимъ*.

Цѣна за всѣ 8 томовъ 10 руб., съ пересылкой или доставкой 12 руб., въ 4-хъ переплетахъ (по 2 тома книгѣ) 13 руб., въ 8 переплетахъ Ц. 14 руб. Допускается льготная разсрочка.

Книжный магазинъ Т-ва „Общественная Польза“ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ, немедленно по полученіи заказа.
СПБ., Б. Подъяческая, 39, с. д.

Издательство и книжный магазинъ Т-ва „Общественная Польза“
СПБ. Большая Подъяческая, 39.

А. Луговой.

ГРАНИ ЖИЗНИ

2-ое изд. Цѣна за 2 тома 2 руб.

А. Луговой.

Умеръ талантъ!..

Повѣсть. Цѣна 60 коп.

ДЛЯ УСПОКОЕНІЯ НЕРВОВЪ.

Разсказы П. П. ГНѢДИЧА. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Содержаніе: Для успокоенія нервовъ. Слѣпыши. Вдовы артистовъ. Изъ альбома туриста. Божественный глаголъ. Передъ Сикстинской Мадонной. Какъ я ставилъ свою первую пьесу.

РАЗСКАЗЫ А. БУДИЩЕВА.

Цѣна въ папкѣ 50 коп.
Свѣтлый гость. Уродъ. Епифоркино счастье. Канцлицкіи. На пути. Воронъ.

ПО ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

Имѣются въ продажѣ 1 и 2 томы—2-е изд. Ц. 4 р., 3 томъ 2-е изд. Ц. 4 р., 4-й томъ.—Ц. 2 р. Всѣ 4 тома въ 2-хъ переплетахъ 11 р. 50 к.

МАТИЛЬДА СЕРАО.

СЕСТРА ДЖІОВАННА.

Переводъ Е. А. Лазаревской. Цѣна 1 руб.

А. СТРИНДБЕРГЪ.

ВЪ ПУЧИНАХЪ.

Романъ—переводъ со шведскаго В. Фирсова. Ц. 60 коп.

К. ТАВАСТШЕРНЪ.

МАТЬ и СЫНЪ,

РОМАНЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ФИНСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.
Переводъ со шведскаго В. Фирсова. Ц. 80 коп.

Книжный магазинъ Т-ва „Общественная Польза“ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ, немедленно по полученіи заказа.
СПБ., Б. Подъяческая, 39, ф. д.

Типографія Т-ва „Общественная Польза“ Спб., Б. Подьяч. 39.

3 2044 012 735 106

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STALL STUDY
CHARGE
CANCELLED

WIDENER
SEP 10 1996
BOOK DUE
CANCELLED

WIDENER
BOOK DUE
NOV 9 1981
CANCELLED
SEP 3 1981
447367

STALL STUDY
CHARGE